

32-5

1932

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С-21
Б. САФАРОВ

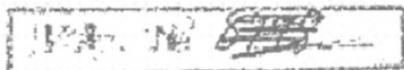
КОЛОНИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(Опыт Туркестана)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

I. Восток и революция.

Второй конгресс Коммунистического Интернационала признал, что в остальных странах народные массы будут приобщены к коммунизму не через капиталистическое развитие, а путем развития классового самосознания под руководством сознательного пролетариата передовых капиталистических стран. Это признание является принципиальным выводом из опыта национальных советских республик на пространстве бывшей Российской империи и из факта революционного пробуждения колониальных народов и угнетенных национальностей Востока: Индии, Китая, Персии, Турции и т. д. Европейский империализм отрезал эти народы от широкой дороги исторического развития. Они оказались в стороне от технической революции, революционной ломки общественных форм и культурного прогресса. Европейский капитализм в этих странах не произвел коренного переворота в способе производства. Он воздвиг над существовавшей там исторически-сложившейся системой феодальных и феодально-патриархальных отношений только свою собственную надстройку, в виде империалистической бюрократии, коммерческой агентуры европейского капитала и «ввозной» европейской промышленности. Он усилил эксплуатацию земледельческого населения, произведя захват лучших земель и источников сырья и горючего, но не уничтожил исторически-реакционной феодальной эксплуатации. Там, где мог, напр., в Индии, он разрушил местную кустарную промышленность, заменив на туземном рынке местные кустарные изделия европейскими фабрикатами. Освободившиеся от кустарного производства рабочие руки были вытолкнуты в земледелие. Установление промышленной гегемонии и военно-политической диктатуры европейского капитала в колониях повлекло за собой, так сказать, прикрепление к земле подавляющего большинства туземного населения и вместе с тем сделало неизбежными, во-первых, эмиграцию излишнего населения в промышленные районы (пример: отход персов на заработки в Баку) и, во-вторых, его периодическое вымирание во время неурожая (Индия).

Таким образом европейский капитализм затормозил культурное и хозяйственное развитие колониальных народов и искусственно

задержал разрушение реакционных форм быта и идеологии. Конечно, поскольку в этой части земного шара капитализм не мог появиться никаким другим способом, он выполнил свою революционизирующую роль. Карл Маркс совершенно открыто признавал эту „цивилизаторскую миссию“ даже за старой царской Россией. „Русское господство,— писал он в письме к Фр. Энгельсу от 23 мая 1851 года,— при всей его гнусности, при всей его славянской неорытности имеет цивилизующее значение для Черного и Каспийского морей, для Средней Азии, для башкир и татар“. Но дело не в этом. Особенностью развития „ввозного“ капитализма в колониях было то, что там его развитие шло не тем путем, каким оно шло в Европе и Америке. Здесь капитализм не вспахивал почвы для капиталистической фабрики. Здесь он придерживался „переложной системы“: выжигал целину, давал расти на ней всем злакам, истощал ее до крайнего предела, а потом забрасывал. Здесь велось экстенсивное хищническое хозяйство. Разоренный кустарь не превращался в заводского пролетария, но садился на землю в качестве полукрепостного полубатрака, становился почти буквально рабочим скотом у крупного землевладельца или у подрядчика на европейских промыслах. То же происходило и с кочевником, терпящим скот. Самостоятельный земледелец не уходил наемным сельскохозяйственным рабочим на капиталистическую ферму, но делался паупером, неплатным должником местного ростовщика и европейского комиссионера. Разрушая туземную кустарную промышленность и разоряя туземное сельское хозяйство, европейский капитализм в то же время укреплял все командные должности и квалифицированные профессии за „носителями высшей культуры“, европейцами. Европейец — инженер, мастер, комиссионер, администратор; туземец — чернорабочий, земледелец. Также, как в капиталистическом обществе, все развитие производительных сил совершается в виде усиления господства капитала над трудом, в колониях это развитие только увеличивало классовый антагонизм, классовую противоположность между командующей нацией и нацией угнетенной. Европейский капитализм не слишком сильно тревожил имущие, эксплуататорские верхи угнетенных народов. Крупные землевладельцы, купцы, туземные ростовщики, духовные лица разных сортов и даже мелкие полицейские исполнители остались на своих местах, освященных привычкой, религией и историей. Над ними лишь выросли новые фигуры представителей европейской империалистической бюрократии, европейского капитала христианских миссионеров и торговых комиссионеров. К феодальной эксплуатации полукрепостного крестьянина крупным землевладельцем, ростовщиком и деспотическим госу­дарством присоединился еще чужеземный, капиталистический, национальный гнет. В силу этого обстоятельства европейское засилье не уничтожило отсталого гражданско-семейного быта и традиционной, воспринятой от предков идеологии, но, напротив того, усилило их господство, поскольку этот быт и эта идеология стали дороги угнетенным массам, как формы сохранения национальной

задержал разрушение реакционных форм быта и идеологии. Конечно, поскольку в этой части земного шара капитализм не мог появиться никаким другим способом, он выполнил свою революционизирующую роль. Карл Маркс совершенно открыто признавал эту „цивилизаторскую миссию“ даже за старой царской Россией. „Русское господство,— писал он в письме к Фр. Энгельсу от 23 мая 1851 года,— при всей его гнусности, при всей его славянской неорытности имеет цивилизующее значение для Черного и Каспийского морей, для Средней Азии, для башкир и татар“. Но дело не в этом. Особенностью развития „ввозного“ капитализма в колониях было то, что там его развитие шло не тем путем, каким оно шло в Европе и Америке. Здесь капитализм не вспахивал почвы для капиталистической фабрики. Здесь он придерживался „переложной системы“: выжигал целину, давал расти на ней всем злакам, истощал ее до крайнего предела, а потом забрасывал. Здесь велось экстенсивное хищническое хозяйство. Разоренный кустарь не превращался в заводского пролетария, но садился на землю в качестве полукрепостного полубатрака, становился почти буквально рабочим скотом у крупного землевладельца или у подрядчика на европейских промыслах. То же происходило и с кочевником, терявшим скот. Самостоятельный земледелец не уходил наемным сельскохозяйственным рабочим на капиталистическую ферму, но делался паупером, неплатным должником местного ростовщика и европейского комиссионера. Разрушая туземную кустарную промышленность и разоряя туземное сельское хозяйство, европейский капитализм в то же время укреплял все командные должности и квалифицированные профессии за „носителями высшей культуры“, европейцами. Европейец — инженер, мастер, комиссионер, администратор; туземец — чернорабочий, земледелец. Также, как в капиталистическом обществе, все развитие производительных сил совершается в виде усиления господства капитала над трудом, в колониях это развитие только увеличивало классовый антагонизм, классовую противоположность между командующей нацией и нацией угнетенной. Европейский капитализм не слишком сильно тревожил имущие, эксплуататорские верхи угнетенных народов. Крупные землевладельцы, купцы, туземные ростовщики, духовные лица разных сортов и даже мелкие полицейские исполнители остались на своих местах, освященных привычкой, религией и историей. Над ними лишь выросли новые фигуры представителей европейской империалистической бюрократии, европейского капитала христианских миссионеров и торговых комиссионеров. К феодальной эксплуатации полукрепостного крестьянина крупным землевладельцем, ростовщиком и деспотическим государством присоединился еще чужеземный, капиталистический, национальный гнет. В силу этого обстоятельства европейское засилье не уничтожило отсталого гражданско-семейного быта и традиционной, воспринятой от предков идеологии, но, напротив того, усилило их господство, поскольку этот быт и эта идеология стали дороги угнетенным массам, как формы сохранения национальной

культуры, как средство их борьбы за свою национально-культурную самостоятельность против насильственной ассимиляции со стороны европейского капитала. Именно этим объясняется неослабевающая и до сих пор сила влияния панисламизма, панмонголизма, паназийского движения („Азия—для азиатов“) и других подобных же течений, стремящихся укрепить позицию имущих классов угнетенных национальностей.

Желание сохранить отсталые формы производства от вторжения капитализма—вот экономический базис, который мог легко солидаризировать многомиллионные массы, расселенные на материках Азии, Африки и Европы¹⁾. Это одинаково относится как к панисламизму, так и к другим таким же движениям.

Европейский капитализм еще не успел переварить в фабричном котле население колоний и полузависимых стран Востока, как вспыхнула коммунистическая революция европейского пролетариата. Это было неизбежным следствием той диспропорциональности, неравномерности развития отдельных частей мирового хозяйства, которая составляет самую сущность капиталистического способа производства. Капитализм вырвался пропасть между развитой промышленностью и отсталым сельским хозяйством. Капитализм вызвал противоречие между производством средств потребления и производством средств производства. Капитализм же столкнул промышленный прогресс Европы с первобытной отсталостью колоний. Именно перерождение промышленного капитализма в империализм было причиной мировой войны. Во время империалистической войны многие из колониальных народов оказались подневольными поставщиками колониальных войск и рабочих армий для войны в Европе. Империалистическая война поставила национальный вопрос во всемирно-историческом масштабе, в масштабе всего мирового хозяйства. Опираясь на Турцию, германский империализм попытался привлечь народы Востока в свой лагерь. Союзный империализм, в силу своего международного положения, естественно должен был больше спекулировать на латинское и славянское сродство в Европе.

Империалистическая война лишила колонии всех „выгод“ от связи с европейским капиталом в виде притока европейских товаров, технических средств и капиталов, и в то же время увеличила дань с колоний пушечным мясом, сырьем и прочим. Также возрос и политический гнет. Итогом войны был версальский раздел—с одной стороны и пролетарская революция в России с революционным кризисом в Европе—с другой. Этим самым предопределился ход революции на Востоке. Война сузила базис, основу капиталистического способа производства не только в рамках каждого отдельного национального хозяйства, но и на

¹⁾ Эфендиев, Политические течения среди мусульман—„Жизнь национальностей“, № 33 (41), 1919 г.

пространстве всего мирового хозяйства. Точно так же как в Европе предприимчивого промышленного капиталиста мирных времен, всюду вербующего новые рабочие руки, вечно ищущего свободных капиталов и непрерывно выбрасывающего на рынок все новые и новые массы товаров, сменил спекулянт, открытый враг массового потребителя, созвальный проводник постоянного сокращения общественного производства, на Востоке европейского коммивояжера и мирного завоевателя сменил настоящий завоеватель и усмиритель во всеоружии европейской военной техники, в золотых погонах, с мандатом на неограниченное количество колониальных рабов и на неограниченные пространства. В Европе гражданская война сделала экономической необходимостью военную диктатуру капитала. Пробуждение угнетенных народов к борьбе за свое национальное существование в Азии сделало такой же экономической необходимостью усиление захватной политики капитала на Востоке. И военная диктатура в Европе и захватная политика в Азии оказались единственными средствами расширения базы капитализма в условиях мировой хозяйственной разрухи и всеобщего революционного кризиса. Грабить у одних, чтобы давать подачки другим, и давать подачки другим, чтобы грабить третьих, и так далее без конца, — такова реальная суть политики международного империализма, маневрирующего перед пролетарской революцией в Европе и колониальной революцией в Азии.

Общий враг создает и общие интересы в борьбе, боевую солидарность его противников. Союз с европейским коммунистическим пролетариатом предстал перед народами Востока как железная историческая необходимость. На широкой дороге мировой истории с капитализмом столкнулись и прямые его наследники, революционные пролетарии, и самые последние его пасынки, угнетенные народы. Капитализм разбил человечество на командующие нации и нации порабощенные. Революция объединила трудящихся командующих наций с трудящимся большинством порабощенных наций.

Началом мирового революционного кризиса была пролетарская революция в России. Победа пролетариата на территории бывшей «тюрьмы народов», царской империи, определила конкретно классовое содержание этого союза. Русский революционер А. И. Герцен когда-то писал: «Европейцы считают, что Россия — это Азия; азиаты же считают, что Россия — это Европа».

Таково было положение царской России. В Европе она исполняла роль международного жандарма, в Азии она вела великодержавную политику европейских разбойников.

Как это ни странно, но старая формула, правда, в уже обратном смысле, осталась верной и для нового положения. Перед банкирско-промышленной Европой Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика выступила, как носительница страшной заразы «азиатского большевизма». На Востоке она оказалась в роли провод-

лика идей европейской коммунистической революции. Тут обнаружилось революционное своеобразие нашего исторического положения между Востоком и Западом. Российскому пролетариату пришлось первому практически решать вопрос о привлечении масс мелких производителей на сторону коммунистической революции, первому ему пришлось решать практически и вопрос о превращении национально-демократических движений в движения социально-революционные.

Предыдущий ход исторического развития обусловил легкость его победы. Сосредоточенный в густых очагах крупной промышленности, имея за собой для маневрирования огромные пространства, пролетариат сразу же оказался в более выгодном стратегическом положении чем его враги: контр-революции пришлось наступать с окраин, где она попыталась опереться на имущие, эксплуататорские верхи ранее угнетенных царизмом наций. Ведь вся предыдущая история России была историей колонизации!¹⁾

Одним из первых шагов пролетарского правительства была декларация прав народов России* (от 2/15 ноября 1917 г.), признавшая за всеми народами бывшей царской империи право на национальное самоопределение, вплоть до отделения и создания своего собственного национального государства. Тем не менее для того, чтобы воплотить право на национальное самоопределение в советских формах, нужно было прежде всего преодолеть историческое противоречие между русским гродом и нерусской, национально-бесправной деревней. Нужно было завоевать доверие трудящихся масс угнетенных национальностей, отшибив у отсталых слоев русской рабочей массы бессознательный национализм и показав угнетенным настоящую массовую, трудовую Советскую власть. По существу эта задача совпала с другой — с привлечением масс мелких производителей, — крестьян-середняков в центральной России, — к советскому строительству, и этим было облегчено ее решение. Контр-революция помогла разоблачению буржуазного демократизма в глазах середняка-крестьянина, увидевшего за фразистым „социалистом-революционером“ фигуру помещика. Контр-революция помогла разоблачению национально-буржуазного демократизма в глазах трудящихся угнетавшихся царизмом наций, которые в ходе гражданской войны очень хорошо разглядели за воиственной националистической интеллигентной фигурой старого российского жандарма, русского хлопчатобумажного патриота и европейского империалиста. Колчак, Деникин, Маннергейм, Скоропадский, союзные и немецкие генералы выдали с головой буржуазных социалистов — меньшевиков и эс-эров. Колчак, Деникин, Маннергейм, Скоропадский, союзные и немецкие генералы выдали с головой и киргизскую „Алаш-Орду“ и украинских Петлюру и партизанов, и многих и многих других.

*) Выражение В. О. Ключевского.

Можно без всякого преувеличения сказать, что классовое самоопределение всех угнетавшихся царизмом национальностей произошло в ходе гражданской войны. В непосредственной борьбе, в процессе физического столкновения классовых интересов массы приобретали революционный опыт и на основании его переходили к новым формам общественного строительства. В степном Киргизистане организовалась „Алаш-Орда“, взявшая курс на Самарскую учредилку; учредилка привела к Колчаку; из-под пяты Колчака, киргизские трудящиеся массы вполне сознательно перешли на сторону Советской власти. Тот же путь был проделан Башкирией. Украина проделала более длинный путь: сначала — борьба между Радой и Советской властью, опирающейся, главным образом, на пришлых рабочих; потом немецкий генерал Эйхгорн с гетманом Павло Скоропадским; за ними Петлюра и французские генералы; непродолжительное господство Советской власти, подрываемой кулацкой партизанщиной и петлюровщиной; затем представитель „единой и неделимой“ — Децими, и, наконец, неизбежная, как сама судьба, украинская Советская власть. Одно превращение Винниченко из главаря буржуазной Рады в заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Украинской Социалистической Советской Республики говорит больше, чем десятки „общих“ рассуждений.

В ходе гражданской войны — между пролетарской диктатурой и империализмом — Советская власть стала формой национального и классового самоопределения трудящихся масс угнетавшихся царизмом национальностей. На территории бывшей Российской империи союз угнетенных народов с революционным пролетариатом осуществился в форме социалистической федерации национальных советских республик. Советская революция среди народов Востока, ранее составлявших принадлежность „российской державы“, перебросила мост между коммунистическим Западом и революционным Востоком. Российский пролетариат сумел воспользоваться своеобразием своего революционного положения для того, чтобы наряду с миллионами коммунистов-пролетариев Европы поднять против империализма стену мятежных трудящихся масс Востока. Тов. Ленин правильно отметил международное значение многих основных черт нашей революции в смысле „исторической неизбежности повторения в международном масштабе того, что было у нас“¹⁾. Советская власть, как форма государственной классовой организации трудящихся масс, была проверена на практике и в промышленном пролетарском Петрограде, и в вятской русской деревне, и среди татар-крестьян Поволжья; и в украинской деревне, и в условиях „сплошного“ национального быта на Востоке, где еще крепки патриархальные и патриархально-родовые связи, — в Киргизистане, Башкирии, Туркестане и

¹⁾ Н. Ленин, Детская болезнь „левизны“ в коммунизме, 1920 г.

Азербейджане. Всюду она показала свою пригодность. Эту особенность пролетарского правительства К. Маркс отметил еще в своей оценке Парижской Коммуны: „Различные толкования значения Коммуны, разнообразные интересы, которые она выражала, доказывают, что она была весьма растяжимой государственной формой, меж тем как все прежние формы правительства были по существу своему формами угнетения. Тайна ее заключается в том, что она, по существу своему, была правительством рабочего класса, результатом борьбы между классом производящим и классом присваивающим, той давно искомой политической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда“¹⁾. Революция в наивысшей мере ускоряет течение событий. Она сгущает классовые противоречия даже в самой отсталой среде до крайних пределов. Долголетняя выучка в школе истории заменяется сокращенным обучением по революционному методу. Народы и общественные классы переживают в месяцы то, на что потребовались бы десятилетия мирного развития.

Мировая революция против империализма заставляет всех — и угнетателей, и угнетенных — равняться в одну шеренгу.

Превращение буржуазно-национальных движений в движения социально-революционные происходит в силу обострения классовых противоречий внутри освобождающихся наций и под давлением международной обстановки. Изживание буржуазного господства в среде передовых наций влечет за собой и более отсталые на путь советской революции. Контр-революция выступает в качестве нападающей стороны.

Диктатура империализма разоблачает буржуазный национализм и на Западе и на Востоке. Имущие верхи угнетенных наций стараются сразу же захватить государственную машину, как свою классовую добычу. Для них национальная революция выражается в расширении национального фундамента эксплуатации. Это расширение заключается в том, что местный фабрикант, купец и крупный землевладелец вытесняют пришлых чужеземцев и создают свой собственный государственный аппарат классового угнетения. С другой стороны, „вместе с дальнейшим развитием товарного производства у народа возникает потребность в классе интеллигенции, говорящей на его родном языке, в национальной интеллигенции, и эта потребность в языковой культуре выливается в потребность в национальной по форме культуре, хотя бы содержание ее было самым что ни на есть интернациональным. И если у нации возникает потребность в национальном классе интеллигенции, то у этого класса в свою очередь вырастает потребность в великой образованной нации“²⁾. Националистической буржуазии и буржуазной

¹⁾ К. Маркс, Гражданская война во Франции.

²⁾ Каутский, Национальные проблемы, Пгг. 1918 г., стр. 43.

интеллигенции нужны свой рынок, своя биржа, своя бюрократия, свой командный офицерский корпус, свои писатели и журналисты, свои министры, депутаты, профессора и музыканты. На первых порах они выражают национальную потребность в буржуазном развитии. Но эта потребность, в обстановке мировой хозяйственной разрухи и всемирного революционного кризиса, неизбежно сталкивается с классовыми противоречиями внутри освобождающейся нации и в международном масштабе. Демократия на национальной основе превращается в национальную буржуазную диктатуру. Прекрасный пример — страна старых демократических традиций, Финляндия. „Нам казалось, — пишет тов. Куусинен о начале революции в Финляндии, — что парламентский демократизм открывает нашему рабочему движению неожиданно широкий и ровный путь к цели. Наша буржуазия не имела в своем распоряжении ни армии, ни даже сколько-нибудь надежной полиции; мало того, у нее не было даже возможности добиться законным путем их организации, так как для этого потребовалось бы согласие социалистического большинства сейма“¹⁾. И, несмотря на это, буржуазия организовала свою белую гвардию и разгромила финский рабочий класс, призвав на помощь немецких империалистов.

Буржуазная демократия не может обеспечить и национального мира там, где в среде освобождающейся нации живут другие национальные меньшинства. Вот объективный вывод из опыта Украины: „Мелкобуржуазная демократия не может удержаться у власти на Украине, ибо она раздирается на части внутренней национальной борьбой“²⁾. Национальная интеллигенция и буржуазия освобождающихся наций исповедуют агрессивный, наступательный буржуазный национализм, и это их приводит к измене делу национального освобождения в лагерь империалистов, у которых они покупают свое буржуазное господство ценой национальной свободы. Мы имеем целую кучу примеров: Латвия, Украина, Финляндия, Польша, Эстония, Чехо-Словакия, Грузия, муссаватское правительство Азербейджана, Греция, „еврейское палестинское государство“, ложно-национальное правительство Персии, из страха перед советской революцией бросившиеся в объятия англичан, и т. д. и т. п. Наступательный буржуазный и помещичий национализм в среде угнетенных наций ставит их в положение буфера империалистских держав против революции. Вследствие этого социальный конфликт, классовое противоречие первоначально вырастает в области национальных интересов: трудящимся массам нужна национальная свобода, которая бы избавила их от социального гнета империалистов; эксплуататорским верхам нужны положение и привилегии господствующего класса. Поскольку чужеземно-национальный гнет был до сих пор причиной сохранения наиболее реак-

¹⁾ Куусинен, Революция в Финляндии, 1919 г., стр. 6.

²⁾ М. Рафес, Два года революции на Украине, 1920 г., стр. 107.

ционных форм классовой эксплуатации, — на Востоке, феодальных и феодально-патриархальных отношений, — революционное пробуждение трудящихся масс переносит революцию с национальной почвы на почву социальных отношений. Национальный вопрос ставится, как вопрос о классовом неравенстве. И понятно почему: если торговый капитал и национальная интеллигенция на первых порах все же выступают борцами за национальное освобождение, то крупное землевладение и туземная бюрократия являются безусловными проводниками европейской ассимиляции. Массовая национальная революция, направленная против иностранных захватчиков и туземного крупного землевладения, оттесняет уже и либеральное купечество в лагерь прислужников империализма. Таким образом общий вывод ясен: все национально-буржуазные движения, руководимые эксплуататорскими, имущими верхами, имеют объективную тенденцию приспособиться к империализму, встроиться в империалистическую систему „великих держав“, „буферных государств“ и колоний. Первоначально бессознательная, объективно-историческая тенденция всех национально-революционных движений трудящихся масс в колониях и полузависимых странах — это опереться на государственную и революционную классовую организацию пролетариата передовых стран, чтобы этим путем обеспечить себе свободу национального развития в строящейся системе мирового социалистического хозяйства.

Возникновение органов массового революционного самоуправления — энджуменов в первую персидскую революцию, опыт восточных национальных советских республик, начало революционно-крестьянского и пролетарского движений на Востоке, зарождение коммунистических течений в Персии, Турции, Китае и Индии, — все это служит доказательством того, что и трудящиеся массы Востока идут к международной федерации национальных советских республик.

Именно исходя из этого, 2-й конгресс Коммунистического Интернационала признал, что „Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации; Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме“. На Востоке, как и на Западе, Советская власть подготовлена всем предыдущим ходом капиталистического развития. На Западе она подготовлена пре-

вращением „мирного“ промышленного капитализма в империализм и буржуазной демократии в военную диктатуру; на Востоке, она подготовлена тем, что капитализм утвердился здесь в качестве нуженациональной организации классового господства, в качестве надстройки, господствующей над туземным обществом. В Индии, отмечает индуский коммунист, тов. Рой, „мы встречаемся с первым примером в истории, когда подлинным экономическим эксплуататором всего народа является политическая правительственная власть“¹⁾. Но это характерно не для одной только Индии. Так было до революции в русском Туркестане. Таково же положение в Персии, в Китае, во всех колониях. С другой стороны, правительственная организация туземных эксплуататорских групп на Востоке сравнительно слаба, поскольку она носит чисто феодальный характер.

О Персии В. Берар выражается так: „Персия—не государство и не нация. Это странное соединение феодальной анархии и централизованной фискальной системы, неустойчивая смесь кочевых племен и едва прикрепленных к земле хлебопашцев, монархическая федерация или, выражаясь точнее, шахское стадо народностей“²⁾. Классовый, угнетательский и эксплуататорский характер государственной власти здесь ничем не затмевен. Основа всей общественной жизни — мелкий земледelec, жестоко эксплуатирующийся феодальным государством, крупными землевладельцами и торгово-ростовщическим капиталом.

Тот факт, что на Востоке государственная власть, — как туземная, феодальная власть, так и „пришлая“ власть европейских империалистов, — выступает непосредственно, как экономический эксплуататор, имеет огромное политическое значение: никакая политическая революция здесь невозможна без революции экономической. Это подтверждает и опыт. Подобно западным государствам, богатые эксплуататорские слои населения в ближневосточных странах пытались придать своей власти вид народовластия. Парламентаризация Турции и Персии, преобразование в демократические республики — Грузии — под руководством меньшевиков, Армении — под руководством дашнаков и Азербейджана — под руководством муссаватистов, происходили под лозунгами „свободы и равенства“. Все эти политики, однако, не оказались пригодными даже к тому, чтобы создать видимость народовластия. Остается неслышанная ницета народных масс рядом с благоденствием агентов чужеземного империализма; остается земля во власти прежних владельцев, сохраняется старая податная система к неизмеримому вреду для трудящихся; государственная власть не только терпит, но и поддерживает ростовщичество“³⁾. „Буржуазно-демократическая“ революция на Востоке неизбежно принимает форму дворцового переворота, — расширяет круг привилегий эксплуататорских групп, но ни в какой

¹⁾ „Коммунистическая Интернационала“, № 12.

²⁾ В. Берар, Персия и персидская смута, 1912, стр. 10 рус. пер.

³⁾ Тезисы о советской власти на Востоке т. Бела-Кука, принятые съездом народов Востока (сентябрь 1920 г.).

мере не сокращает тяжесть эксплуатации для угнетенных. Туземный феодализм только прикрывается одеждой „европейской демократии“.

Восток, это — живая история. Здесь еще живы кое-где остатки родового коммунизма и патриархально-родового быта. Здесь еще сохранили свою силу патриархально-феодалные и феодалные отношения. Религия Востока есть социальная и политическая религия. Она освящает существующий гражданский и семейный уклад. На нее непосредственно опирается общественное неравенство. Здесь она играет, примерно, ту же роль, какую играл католицизм в Средние века. С ортодоксальной мусульманской точки зрения, мусульманское теократическое государство есть община верующих, гражданский представитель которой „султан“ (властитель, правитель) есть не более, как „шахивильдор“, доверенный приказчик божий, который обязан пещись, на почве строгого исполнения требований шариата (религиозного закона), о гражданских и религиозных делах доверенной ему богом общины, получая за это, наравне с „амилями“ — сборщиками ритуального налога „заката“ и другими слугами общины, очень скромное денежное вознаграждение, около 40 коп. в день на наши деньги (довоенного времени). „Закат“, который должен расходоваться на помощь бедным, сиротам и калекам, на ведение войны с неверными и вообще на удовлетворение общественных и государственных нужд, в руках позднейших мусульманских правителей превратился в их личный доход, которым они распоряжались произвольно, бесконтрольно и безусловно незаконно; войска и даже народные ополчения, на обязанности которых лежали война с неверными, распространение Ислама силой оружия и охрана общины от внешних врагов, в их руках постепенно превратились в опричников, давивших народ и служивших лишь личным или династическим целям этих правителей. Мусульманская община превратилась в „райат“, в стадо послушных и безответственных рабов¹⁾.

Прямой захват в течение многих веков всего прибавочного продукта общественного труда должен был служить препятствием всякому расширению общественного производства, всякому техническому и хозяйственному. Первобытная мотыга — „кетмень“ и первобытный плуг — „омач“, еще до сих пор исчерпывают почти весь технический инвентарь сельскохозяйственного производителя в Средней Азии. Накопление капитала здесь, естественно, остановилось на ступени торгового и ростовщического капитала, „промышленяющего“ по преимуществу вездесущим базаром.

Религиозный закон „шариат“ так определяет право собственности: „Все, чем человек владеет, будь то сама вещь или ее плоды, есть собственность („миольк“). Это определение — точный сколок с отношений периода простого товарного производства: религия признает за собственником право продажи принадлежащих ему вещей и их „бледов“, право отчуждения излишнего продукта натурального хозяйства.

¹⁾ В. Наливкин, Туземцы равнины теперь, 1913 г., стр. 15—16—17.

Целый ряд народностей Востока еще не совершил своего окончательного перехода к земледелию (киргизы, туркмены, арабы, племена северной Индии, курды и т. д.). Тем не менее в среде всех их остатки родового коммунизма давным давно уже стали источником эксплуатации со стороны богатых родоначальников неимущего большинства. Для примера укажем на степных киргиз. «Ведя обширное хозяйство, киргиз-богач уже совершенно отказался от физического труда, — он только верховный руководитель и распорядитель, работу же выполняют батраки. В среднем на хозяйство их приходится 7—9 человек, но есть хозяйства, эксплуатирующие труд 20 и более рабочих. В хозяйстве киргиза-богача любопытно сочетание вполне современных капиталистических черт с первобытными коевыми. Родовая группа, несмотря на явный процесс разложения родового строя, все еще в правосознании киргиз является владелицей данной более или менее обширной территории: Киргиз-богач не только подчиняется этой неопределенности границ землепользования, но и извлекает из нее большие выгоды: он беспрепятственно пасет свои многочисленные стада по всей территории своих сородичей. Таким образом у него пока отсутствует побудительный стимул к земельному обособлению от массы киргизского народа»¹⁾.

После сказанного должно стать понятным, почему съезд революционных народов Востока в Баку (сентябрь 1920 г.) признал, что советская система является единственной подходящей системой для того, чтобы трудящиеся массы, исключив из власти привилегированные и, следовательно, враждебные им элементы (помещиков, спекулянтов, высшее чиновничество, офицерство), сами могли устраивать свою судьбу. Только Советская власть создает возможность для того, чтобы власть, необходимая для удержания отнятой у помещиков земли, находилась исключительно в руках трудящейся бедноты. Объединение советов в большие федерации и их самоуправление в рамках этих федераций является единственным способом к тому, чтобы трудящиеся разных народов, которые до сих пор резали друг друга на Востоке, отныне жили в мире между собой, общими силами уничтожая власть чужеземных и туземных угнетателей и отражая их попытки вернуть старое положение».

На место принудительной, эксплуататорской организации мелкого производства сверху революция выдвигает революционную самоорганизацию мелких производителей-полупролетариев в форме советов трудящихся. Задача ясная: «сбросить являющуюся первоисточником всякого угнетения и всякой эксплуатации власть иностранных завоевателей — капиталистов и своих собственных деспотов — тиранов: султанов, шахов, ханов и беков со всей их паразитической сворой бюрократов и прихлебателей, и взять власть со

¹⁾ «Вопросы колонизации» № 5, 1909 г. Социальное строение киргизского народа. П. П. Румянцева.

всеми ее административными, хозяйственными и финансовыми функциями в свои руки; отказаться от исполнения каких бы то ни было обязанностей по отношению к помещикам-феодалам, сбросить их власть, уничтожить всякую личную и экономическую зависимость от них, уничтожить крупное землевладение, под какими бы юридическими формами оно ни пряталось, отобрать земли у помещиков без всякого выкупа и вознаграждения и разделить эти земли между обрабатывающими их крестьянами, арендаторами и батраками¹⁾.

Союз крестьянских советских республик Востока с социалистическими советскими республиками Запада — таков путь коммунизма к овладению всем мировым хозяйством. Пролетариат Запада придет на помощь трудящимся Востока своими знаниями, техникой и организаторскими силами. Крестьянские советские республики обеспечат социалистическую промышленность Запада необходимым сырьем и горючим. Такое международное разделение труда между городом и деревней на основе товарищеского сотрудничества диктуется всей логикой борьбы с мировой хозяйственной разрухой, являющейся внешним материальным выражением разложения капитализма. Только этим путем и возможно уничтожить колониальную зависимость народного хозяйства восточных народов от европейских и американских банков, трестов и синдикатов. Путь спасения развитой европейской промышленности от сырьевого и топливного голода есть вместе с тем и путь социалистической промышленной колонизации Востока.

Советская форма не является насилием над национально-бытовыми особенностями народов Востока. Она не втаскивает их насильственно в царство свободы. Напротив того, она заставляет их искать своего собственного пути к коммунизму — через кооперацию мелких производителей, организацию общественных работ (оросительная система) и устройство государственных предприятий.

¹⁾ Тезисы по аграрному вопросу, принятые съездом революционных народов Востока в Баку (сент. 1920 г.).

II. Турнестан до завоевания его Россией.

Географическое положение Туркестана и характер его поверхности составляют ключ к пониманию его истории. Сочетание определенных естественных условий необходимо должно было вызвать известный подбор исторических факторов. Наиболее характерной особенностью физической природы Туркестана является совершенная замкнутость его бассейнов; все немногочисленные реки его впадают в озера или теряются в песках, и ни одна капля воды их не вливается в открытое море. Ввиду этого главным геологическим деятелем является ветер, а не проточная вода, как это мы видим в окраинных частях материков. Все продукты химического и механического разрушения слагающих поверхность земли пород в Туркестане остаются внутри его и только переносятся ветром с одного места на другое, заполняя углубления, нивелируя возвышенности и стремясь придать стране однообразный вид. Существенную роль в этом отношении играют также резкие колебания температуры и палящие лучи солнца, которые в течение долгого среднеазиатского лета способствует разрушению поверхности земли и подготавливает материал для деятельности ветра. Работа атмосферных агентов началась в Туркестане очень давно, в ту геологическую эпоху, когда стало усыхать море, некогда покрывавшее эту страну и постепенно усиливалась в зависимости от обнажения морского дна и формировавшегося климата. Следствием всех этих условий явилось преобладание пустынь и степей со сглаженным, однообразным рельефом, изборожденным здесь и там высохшими руслами бывших озер и рек, с почвой, состоящей из песка, лесса и солонцов, с ничтожными атмосферными осадками и господством северо-восточных ветров, иссушающих страну. С течением времени власть ветра и солнца окончательно водворилось в Туркестане, и деятельность этих факторов является ныне преобладающей в жизни этого края. Явления эти, в связи с установившимися климатическими условиями, не могли не отразиться самым ярким образом на растительности, весьма однообразной на больших расстояниях, но слагающейся из крайне интересных и своеобразных форм, на характере животного мира и, наконец, на жизни, быте и культуре человека, кото-

рый ютится лишь в некоторых, особенно благоприятных местностях. Местности эти, представляя хорошо орошенные оазисы у подошвы гор или по берегам рек, с древнейших времен служили центрами оседлости и культуры, и в них, рядом со степями и пустынями, в которых находили себе приют грубые (!) кочевники, издавна процветали государства, достигавшие временами значительного гражданского развития. Исключительными особенностями природы Туркестана, благодаря которым он представляет как бы особый материк, занимающий внутренние части Западной Азии, не исчерпывается, однако, интерес к этой стране. Через Туркестан издавна происходил обмен произведениями стран Европы и Азии и совершались великие переселения кочевников, направлявшихся с востока на запад, через Джунгарский проход и Терек-Даванский перевал, — тех полчищ кочевников, которые на много лет перевернули вверх дном политический и общественный строй Восточной Европы. В различные эпохи Туркестан служил ареной деятельности величайших полководцев Азии, от Кира, Ксеркса и Александра Македонского до Чингис-хана, Тимура и Надир-Шаха^{*)}.

Характер местности должен был, естественно, вызывать постоянные столкновения между кочевниками и представителями оседлой культуры. С другой стороны, географическое положение Туркестана, как связующего звена между Малой Азией, Средней Азией и Сибирской равниной, неизбежно делало его ареной „распространения“ народов, живших в соседстве с ним. „Согласно сказанию, изложенному в первой главе книги Вендидад, Ормузд, создав прежде всего „первую обитель благословения и изобилия, чистый Иран“, сотворил затем и другие места благословения, в том числе: Согд (Согдиана—бассейн Зеравшана), Меру (Маршана—Мерв), Багди (Бактриана—ныне Балх), Гери (Арлана—Ферат), Хинду (Индия) и друг. Первые две местности расположены в пределах русского (?) Туркестана, а третья и четвертая лежат вблизи его южной окранны в северной части Афганистана (афганский Туркестан). Древнейшим очагом иранской культуры была Бактриана с городом Бактрой (нынешний Балх на Аму-Дарье), явившимся впоследствии центром торговли с Индией. Часть жителей Бактрианы занималась скотоводством, а часть — земледелием; в общем же, по словам Страбона, согдийцы и бактрийцы по своему образу жизни и правам мало чем отличались от кочевников. Таким образом оседлое и кочевое население южного Туркестана, быть может, до самой Сыр-Дарьи, состояло в эти отдаленные времена, повидимому, из арийцев. Кочевые народы, примыкавшие к ним с севера и известные в древности под именем скифов, саков (народ „са“ китайских летописей), массагетов, тохаров и др., были, по всей вероятности, также арийского происхождения. Впоследствии, сталкиваясь постоянно с ко-

*) „Россия“, т. XIX. Под редакцией В. П. Семенова-Тянь-Шанского, Туркестанский край. Составил В. И. Масальский, 1919 г., стр. 2—3.

человеческими туранцами, арийское население Средней Азии назвало зянэ-тые-ими, следы Туркестаном, то есть страной тюрков. Религия Зороастра, (маздеизм, парсизм), последователями которой были бактрийцы и согдийцы, проявлялась в богослужении, жертвоприношениях растительных продуктов, очищениях и обрядах, при чем на первом месте стояло служение огню, как чистой стихии, представителю света на земле. Богослужение совершалось на особых воздвигаемых под открытым небом алтарях, на которых теплился вечный огонь. Каждый верующий маздеист должен был поддерживать постоянный огонь и у себя дома. „Авеста“ не только предписывала соблюдение множества обрядностей, но и требовала добрых мыслей, добрых слов и добрых дел, согласно ее заветам, ложь, обман, зависть суть порождения злого духа и составляют величайшее зло, с которым нужно бороться, а душевная чистота является величайшим благом. Правила „Авесты“ предписывали занятие земледелием, проведение каналов для орошения почвы и побуждали к борьбе с неблагоприятными условиями природы“¹⁾.

Религия Зороастра—это уже религия земледельческого народа, который знает цену огню в хозяйстве, при приготовлении пищи, смотрит на занятие земледелием, как на высшую культуру, и понимает необходимость упорного труда для поддержания долинного хозяйства. Из современных обитателей Туркестана прямыми потомками коренных арийцев являются только таджики. Они занимают теперь верхнюю долину реки Зеравшана в Самаркандской области, горные долины Туркестанского хребта (в Самаркандском и Ходжентском уездах), долины и предгорья в Кокандском, Наманганском, Маргеланском и отчасти в Андижанском уездах Ферганы, а также Нуратинские горы в Джизакском и Катта-Курганском уездах²⁾. Слово „таджик“ („тиао-чи“ китайцы обозначали жителей Закаспия, Хивы, Ферганы, Согдианы, которые тогда говорили на одном языке) первоначально значило только „сторонник Зороастра“, „тадж“—корона, людьми с короной назывались маздеисты. „Перед арабским нашествием, Мавераннагр (южный Туркестан) состоял из множества малых государств. Высший класс в каждом из этих государств был представлен „деханами“, наследственной аристократией, владевшей обширными земельными владениями. Так же как рыцари средних веков, дехкане жили в укрепленных замках. От других классов дехкане отличались своим убранством; внешним знаком их достоинства были золотой пояс и кинжал.

Земельные короли и правительства, как, например, короли Самарканда и Ферганы, не рассматривались, как главные из дехкан, хотя многие из них и носили особое звание. Тотчас же вслед за наследственной аристократией шли богатые кудды Мавераннагра. Они

¹⁾ Масадовский, стр. 274.

²⁾ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане (развиды гр. Палена), часть I, отдел I, 1911 г.

Также жили в замках, окружали себя многочисленной дворней и мало отличались от дехкан. Луковенство, представленное магами, имело несравненно меньшее значение, чем дехкане и богачи ¹⁾. В VI веке начинается нашествие тюрков-арабов и их господство продолжается до X века. Самым важным следствием их господства в Азии служит утверждение Ислама. Образуется новая культура — ирано-мусульманская, при чем быстрота слияния первоначальных культур прямо обуславливается общими патриархально-феодальными чертами.

Во главе государства стоит самодержец, ответственный лишь перед богом. На взгляд кранцев он прежде всего должен быть хорошим администратором, следить за постройкой и поддержанием каналов и водохранилищ, воздвигать крепости и города, украшать древности, открывать постоянные дворы („рабат“) на больших дорогах и т. д. Часть дворянства образует „даргох“ (двор), другая — „диван“ (чиновничество). Королевская гвардия состоит из рабов — тюрков и дехкан ²⁾. Таким образом государство служит для охраны торговых сношений и земледельческой культуры. Большая централизация власти объясняется сильным развитием торговли. Все продукты земледелия, виноделия и садоводства вывозятся в далёкие страны. В Фергане добывается золото, серебро, ртуть, железо, свинец, медь и т. д. Вырабатываются дорогие ткани. Характерный показатель — число жителей в городах: в Самарканде — 500.000, в Мерве — от 700.000 до 1.300.000. Но этот рост торгового капитализма в рамках феодального общества затем быстро падает. Его останавливает новая волна тюркских народов. Власть на верхах постепенно все более закрепляется за завоевателями-тюрками. И вот результат: Разделение страны на несколько уделов, фактически независимых один от другого, неизбежные при таком порядке смуты, грабежи и поборы способствовали совершенному обесценению земельной собственности и совершенному упадку сословия дехканов. В начале XI века дехканы Мавераннахра еще составляли особый отряд в войске тюркских ханов, но после двух веков тюркского господства, во время монгольского нашествия, дехканы не играли уже никакой роли, и самое слово „дехкан“ употребляется только в смысле „крестьянин“ ³⁾. Феодальная анархия поглощает зачатки торгового капитализма. Затем, вслед за арабами и тюрками-сельджуками, происходит еще более разрушительное монгольское нашествие (Темучина или Чингис-Хана).

Из Самарканда им было уведено в рабство 30.000 ремесленников и столько же на крепостные работы, остальные откупились 200.000 динариев. Из Хорезмской столицы, ввиду ее упорной защиты, было уведено до 100 тысяч ремесленников, а прочие подверглись уничтожению.

¹⁾ И. Кузнецов, Борьба цивилизаций и языков в Средней Азии. По французски. 1912 г., стр. 25—27.

²⁾ Кузнецов, стр. 30.

³⁾ Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия.

Последними завоевателями были узбеки. Как и тюрки-сельджуки, они пришли с нижнего Сыра и завоевали царство Тимуридов около 1508 года.

Военная аристократия у тюрков и монголов составлялась из «тарханов»: они были освобождены от налогов и имели свободный доступ к хану. У узбеков аристократы назывались «бий» или «бек», позже, в ханствах Средней Азии, особенно в Бухаре, среди них рекрутировались начальники городов, губернаторы провинций и даже вице-короли; иногда они представляли собой феодальное дворянство и их подчинение ханам было чисто номинальным. На государство смотрели, как на собственность всего ханского семейства. Хан объявлялся аристократией. У тюрков, после смерти хана, власть переходила не сыну покойного, но старшему в королевском роде, т. е. старшему брату. Почести распределялись также по праву старшинства и перераспределялись при каждом новом хане. В общем это было правление древней Руси XI—XIV века» (Веселовский. История Хивинского ханства).

Кочевники смотрели на завоеванные страны, как на свою собственность. Военная аристократия получала земли, полностью или частично оплачивавшие ее содержание. Однако, эта система не привела, как в Европе, к крепостничеству. Монголы назначили в завоеванных странах «даруга», уполномоченных: 1) назначать чиновников, 2) рекрутировать туземные войска, 3) устанавливать почтовые сношения, 4) собирать налоги, 5) посылать дань ко двору. Узбеки также имели своих уполномоченных: после занятия Хорезма Хейбани-хан, в 1505 г., назначил своих «даруга»¹⁾.

Национальный состав Туркестана образовался путем ряда исторических отслоений, исторических откожений. На один национальный пласт ложился другой и или ассимилировал, переваривая предыдущий национальный пласт, или размещаясь территориально по соседству с ним: так были ассимилированы тюрками-узбеками таджики, арабы, отчасти татары и евреи; так узбеки захватили пространства Кокандского и Бухарского ханств, так были захвачены тюрко-монголами, киргизами степные пространства Туркестана; так одновременно с узбеками в Фергане водворились дуркмены в Закаспии.

Природные условия и историческая обстановка выработала определенный тип хозяйства в Туркестане. Немецкий исследователь Туркестана, Рейнгард Юнге пишет: «Древнее хозяйство оседлого населения Туркестана представляло смесь двух хозяйственных форм: производства на себя и товарного производства. Эта исторически типичная картина смешанного хозяйства была вызвана следующими условиями развития:

¹⁾ Кузнецов, там же, стр. 61—62.

Во-первых, хозяйство велось по оазисам. Общественно организованное водоснабжение — с одной стороны, дробление хозяйственной территории на многочисленные, разделенные между собой и поэтому замкнуто противостоящие друг другу части — с другой стороны, было следствием этого. В Туркестане мы имеем дело с оазисным хозяйством.

„Далее, хозяйство находилось под постоянным воздействием тюрко-кочевнических культурных и религиозных взглядов и тюркской политической организации. Дело идет о типично-тюркском хозяйстве в том смысле, что здесь влияние пришлого, сравнительно тонкого тюркского господствующего слоя накладывало на местное хозяйство свой типичный отпечаток, отнюдь не уничтожая отпечатков предыдущего периода.

„В-третьих, это хозяйство было территориально централизовано. Существовала особая местная хозяйственная и водная политика, существовала замкнутая в известных пределах торговля“¹⁾.

Юнге называет этот тип хозяйства „тюркским оазисно-территориальным хозяйством“. Этот тип хозяйства мог развиваться только на значительных пространствах. Это было связано, с одной стороны, с тем, что для поддержания оросительной системы постоянно требовалось большое количество рабочей силы, с другой стороны, с необходимостью постоянной защиты от кочевников, пополнявших свой потребительный фонд грабежом оседлого населения. Это обуславливало и определенный тип политической организации, и определенную роль ее в общественной и хозяйственной жизни. „Все население было обязано нести натуральную повинность для поддержания оросительных сооружений, и хан каждую весну собственноручно руководил этим“²⁾. Таким образом „сплошной“ национальный быт на Востоке, полное поглощение личности гражданско-религиозной общиной и резкая обособленность этой общины от всех остальных, от соседей и врагов — прямое следствие экономических условий, ведения, поливного хозяйства на оазисе, постоянно подвергающемся чужеземным набегам. Отсюда и утверждение политической власти и сословных разделений на религиозном авторитете, регламентация религиозной всех общественных отношений. Хан или султан — божий доверенный, он обязан, как добрый хозяин, заботиться обо всем: следить за исполнением религиозного закона, строить крепости и убежища для путешественников, поощрять торговлю, воевать с неверными. Он — живое воплощение единства общественного организма, разбитого на мелкие клетки частных, единоличных хозяйств, обменивающихся между собой только излишками продуктов. Существование каждого отдельного частного хозяйства неразрывно связано тысячью уз с существованием и благополучием целого. Этим объясняется прямая личная зависимость всех и

¹⁾ Reinhard Junge, Das Problem der Europäisierung orientalischer Wirtschaft, 1915, S. 135—137.

²⁾ Junge, Ibid., S. 171.

каждого от предписаний закона. Земельная и торговая аристократия, ремесленники и земледельцы составляют живую лестницу чинов, все связано иерархическим разделением труда.

При самом возникновении Ислама догма его сложилась, как результат двух требований. Во-первых, необходима была выработка правовых воззрений на отношения победоносного Ислама к подчиненным народностям, с другой стороны, необходимо было упорядочить внутреннюю религиозную (и правовую жизнь¹⁾). Потребности расширения и укрепления основы патриархально-феодальной системы производственных отношений тюркских народов, бывших прежде всего завоевателями, определили внутреннее содержание Ислама. Более прочный переход к земледелию дал ему готовую, как бы отлитую форму. Именно в этом следует искать причину его распространения по всему пути „великого переселения народов“. Религия Ислама—это религия кочевника-завоевателя, сажающегося на землю в отрезанном со всех сторон пустыней оазисе.

„Шариат, обычное право и многочисленные докуменгты, выдававшиеся ханами, все вместе взятое намечает довольно стройную картину, при помощи которой легко проследить, как коммунальное право на землю, существовавшее в глубокой древности и сохранившееся частью во многих пережитках, частью в общинном землевладении, постепенно заменялось, благодаря теократическому строю мусульманских государств, государственною собственностью, а последняя уступала место частной собственности, опиравшейся или на факт своего существования, признаваемый государственной властью, или возникавшей в форме пожалований со стороны ханов за те или другие услуги государству или личности хана. Помимо общих всем странам исторических законов, здесь развитию института частной собственности на землю много способствовало искусственное орошение полей, благодаря которому ведение интенсивного хозяйства являлось возможным только при индивидуальном владении и дользовании землей. Земли по праву пользования ими со стороны населения в ханские времена представляли следующие разновидности:

1) Земли государственные (падшалык, мамляка, мамляка-падшалык), находившиеся в постоянном бессрочном и наследственном пользовании населения, которое за право пользования и владения землей уплачивало в казну хана десятую часть действительно собранного урожая. Даяк, ушри херадж—таковы терминь этого поземельного налога, также несколько отступившего от постановлений шариата и взимающегося, как оброк, не только в размере десятины, но и в размере одной трети, одной пятой и пр. доли урожая.

2) Земли милльковые (частная собственность), владельцы которых в своем праве опирались на ханские документы, признававшие за нами право собственности на землю. Это право местами создавало

¹⁾ И. Гольдквистер, Лекции об Исламе, 1912 г.

и изменение в податном обложении. С мильковых земель подати взимались или в размере десятины (мильки хераджи), или, что чаще, в определенном заранее размере (танашый сбор—в Кокандском и Бухарском ханствах, салгыт—в Хиве), при чем принималось во внимание мера земли (танаш—0,167—0,375 десятины).

3) Земли **вакуфные**, т. е. завещанные частными лицами или ханами в пользу духовно-религиозных или благотворительных учреждений. Частною формою вакфов является вакф-ауляд, т. е. наследственные вакфы, часть доходов с которых назначалась в пользу установленных духовных или благотворительных, а часть шла в пользу наследников вакфо-учредителей. Запрещение отчуждать вакфные имущества делает вакфы-ауляд аналогичными заповедным имениям, с тою только разницей, что вакфы-ауляд, как и все вообще вакфы, не подлежали податному обложению.

4) Наконец, четвертый вид землевладения составляли земли государственные, никому, в частности, не принадлежавшие, земли **мават** (мертвые), представлявшие тот фонд, на счет которого расширялась культурная площадь путем орошения таких мертвых земель. „Кто оживит землю с разрешения имама, тот владеет ею“, говорится в Шариае. Орошенные частными лицами, они пополняли собой число мильковых земель, а орошенные распоряжением ханов—число падишалых земель.

Что касается земель степной части, занятой кочевниками, то там пользование территориями пастбищ всеми кочевниками издавна превратилось в родовое пользование. Определенной территории мог пользоваться только тот или иной род, или та или иная группа кочевников, обособившаяся в отдельную общину. Пользование призывочными угодьями так же, как и летовочными кочевьями, обособилось по аульным общинам, составившимся из кочевников одного какого-либо рода или же из представителей разных родов. На той же территории обособившихся землепользований аульные общины, или в целом составе, или в лице отдельных хозяев, переходили к земледелию и, как следствие последнего, к оседлому быту. Однако, и киргизское землевладение не обошлось без выделения сословных групп (белой кости). Потомки киргизских ханов и султанов, представители родов, получавшие от кокандских ханов право управления народом, наконец, все те, которые умели создавать себе лучшее положение, приобрели права господства, а с ними вместе и права на более или менее значительные земельные владения. Среди же кара-киргиз центрального массива Тянь-Шаня, сословная группировка вылилась в характерную форму мелких **манапств** (княжеств), где манап пользуется правом распоряжения имуществом находящейся в зависимом от него положении **букары** (черни). В создании и развитии выделившейся из народа белой кости (манапы, султаны и проч.) не малую роль играло искусственное орошение. Представители белой кости, или вообще видные родовичи, приступая к проведению арыков, получали на то от ханов разрешение,

а затем и право на владение орошенной территорией. Однако, такое зачаточное право собственности на пожалованную землю не везде успело превратиться в действительное господство над землей и населением. Только у кара-киргиз, более чем киргиз-кайсаки, ограниченных территориально размерами своего землепользования, и в силу исторических условий (борьба между отдельными родами, борьба с кокандцами и киргиз-кайсаками), манайство вылилось в прочно установившуюся систему феодализма¹⁾.

Развитие народного хозяйства на больших, обособленных оазисах должно было вызвать соответствующее разделение труда между отдельными группами хозяйств и частями населения. Первоначальной формой торговли был военный грабёж. Однако, наряду с ним, с растущими успехами земледельческой культуры, начинает развиваться торговля между крупными „оазисными“ государствами и общинами. Самаркандские дыви, особым способом сохраняемые, направляются караванами в Багдад; изысканные ткани, продукты добывающих промыслов Ферганы, богатые украшения из золота, серебра и драгоценных камней, сушеные фрукты становятся предметом обмена. Торговля, имеющая своим первоначальным источником разделение труда на почве разнообразия естественных условий, порождает специализацию земледельческих культур и ремесла—развитие садоводства, виноградарства, хлопководства, ткацкого, сапожного, кузнечного и других ремесл. Базар и караван-сарай, так же, как и в Европе Средних веков, становятся здесь источником расцвета городской культуры. Как торговля, так и ремесло организуются в цеховой форме. Хотя для открытия какой-либо мастерской, как и для открытия любой торговли, значительной суммы денег ввиду незатейливости инструментов и рабочего инвентаря не требовалось, но зато для того, чтобы сделаться хозяином ремесленного заведения, мастером (уста), надо было пройти продолжительную школу обучения мастерству, начав это с малых лет в качестве так называемого ученика (шагирда) у какого-нибудь „усты“. Обыкновенно занятие тем или иным ремеслом было наследственным промыслом, передаваемым от отца к сыну; при этом в городах и больших селениях ремесленники того или иного цеха селились обычно в одном околотке, отчего получили свое название и некоторые кварталы нынешних туземных частей туркестанских городов (напр., „Зингаран“—„седельники“, „Сузангаран“, „игольные мастера“, „Кулялан“, „гончары“ и т. п.)²⁾.

Каждый цех имел свои предания и молитвы—„рисоля“, которые мастера должны были хранить и читать при исполнении соответствующих операций. Вот, например, рисоля цирюльников: „Всевышний бог завещал ремесло цирюльникам Адаму, мир ему; Адам, мир ему, завещал Сифу, пророку божию; затем святому Аврааму и, передавая (так), она

¹⁾ Материалы (резизни сенатора гр. Палена) к характеристике народного хозяйства в Туркестане 1911 г., часть I, отдел I, стр. 89—90—91.

²⁾ Материалы (резизни Палена), 1911 г., часть I, отдел II, стр. 313—319.

сообщили Мухаммеду, любимцу бога; а „его святейшество“, заповедав святому Салману, дал (ему) „такбир“ и отпустил (его). От этих (же) перешло всем мастерам. (Всего) было 600.000 учеников „муршидов“. В ремесле цирюльников существует 12 обязательных постановлений. Да исполнят (их)! Первое—да совершат омовение и творят молитву с общиной; второе—да будут собеседниками стремящихся к науке; четвертое (третье пропущено)—да содержат чисто лавку; пятое—пусть содержат чистыми инструменты; шестое—да будут любезны с посетителями“. А затем далее: „Когда берут оселок, пусть читают следующий стих: „тот день, когда человек побежит от своего брата, своей матери“¹⁾... При точении бритвы пусть читают следующий стих: „Слава (тому), который отправил в путь ночью“ (из Корана). Конеч гласит так: „Если каждый правоверный раб будет исполнять (предписания) этой рисоля, (то) настоящая жизнь и жизнь загробная будет (для него) благоустроенной. Если будет угодно всевышнему богу“²⁾.

Религия освящает и патриархально феодальный уклад в деревне, и ремесленно-цеховой строй в городе. Образование прибавочного продукта в земледелии служит источником развития городской торговли и ремесла. Однако, постоянные набеги кочевников, феодальная анархия внутри и отсталость средства производства не дают возможности развиться крупной промышленности и накоплению капитала. Более того, феодализм является прямой причиной этого хозяйственного застоя. „Если бы крестьянину даже и пришло в голову взяться за улучшение своих орудий, своей техники, или заняться какой-нибудь специальной культурой, излишек в один прекрасный день так или иначе все равно был бы забран чиновниками хана“³⁾. Возможности капиталистического накопления были очень ограничены. Они исчерпывались устройством караван-сараяв и базаров или содержанием рабочего скота для перевозки тяжести. Накопление драгоценностей было доступно только правящим кругам. Для частных лиц оставались только торговля и ростовщичество, как почти единственный способ накопления ценностей⁴⁾. В странах Востока вообще мы имеем своеобразную гипертрофию торговли: при невероятно низком уровне производства—земледелия, ремесла и домашнего промысла, торговля буквально охватывает все стороны жизни, занятие торговлей считается завещанным религией, в каждом ауле и кишлаке есть базар. Причина этому именно в том, что длительное господство феодализма на Востоке сделало из торговли единственный

¹⁾ По верованию мусульман, восставшие при воскресении мертвых должны собраться под знаменем пророка.
²⁾ Рисоля сартовских ремесленников. Собрал и перевел М. Гаврилов, стр. 22—23, 1912 г.
³⁾ Reinhard Junge, Das Problem der Europäisierung orientalischer Wirtschaft, 1915, S. 191—192.
⁴⁾ R. Junge, S. 251—260.

источник накопления, в известном смысле даже защищенный обычным правом от феодального грабежа.

Начиная приблизительно с 1500 года, хозяйственное развитие Туркестана делает решительный шаг назад. Господство Тимуридов — последний период расцвета Туркестана.

С нашествием кочевников, узбеков в Туркестане окончательно водворяется феодализм. С одной стороны, феодализм служит средством упрочения господства завоевателей, которые в Туркестане находят свое новое „отечество“, с другой стороны, его внедрение есть следствие ассимиляции пришельцами-завоевателями туземного общества, — в этой форме туземное общество „переваривает“ массу пришельцев, еще не совершивших своего перехода к оседлому земледельческому быту, и вместе с тем само „переваривается“ в их среде.

Во временях прихода узбеков Туркестан перестает быть ареной торговли между Западом и Востоком: открываются торговые морские пути. Это также ведет к упадку народного хозяйства в Туркестане который таким образом в хозяйственном отношении замыкается в своих собственных границах. Что же касается государственных повинностей, то тяжесть их, не считая частных поборов, прекрасно показывает таблица Венюкова — в его работе о странах, сопредельных с русско-азиатской границей (Лейпциг, 1874 г.), относящаяся уже к концу узбекского господства. Вот эта ежегодная дань по Кокандскому ханству:

Коканд (город и округ)	1.048.000 центнер. пшеницы	+	110.000 тилла
			(монет)
Наманган	1.048.000	+	54.000
Ош	15.720	"	"
Андижан	—	+	25.000
Шерихан, Талмазар, Кува	393.000	+	4.000
Маргелан, Ярмазар	262.000	+	22.000
Ходжент	131.000	+	1.000
Итого	2.897.720 центнер. пшеницы	+	216.000 тилла
			(денег) = около 1.700.000 немецких марок.

Однако, несмотря на все это, узбеки, смешиваясь с таджиками, постепенно утверждаются, как господствующее племя не только в качестве феодалов, но и в качестве торговой и духовной аристократии. К ним переходит все руководство хозяйственной, политической и религиозной жизнью Туркестана. „Составляя около 1/2 всего местного населения (перед-русским завоеванием), будучи по преимуществу земледельцами и садоводами, сарты (продукт ассимиляции узбеков с местным оседлым населением) в то же время уже держали в своих руках наибольшую часть местной промышленности и торговли. Вместе с тем в их же руках находился и камертон местной мусульманской духовно-привзвенной жизни (не исключая и духовной жизни кочев-

ников), ибо преимущественно из их же среды, кроме длинной вереницы лиц, составлявших правящий класс, выходили также и казны (народные судьи), и ишаны (монахи), руководившие помыслами многих десятков (если не сотен) тысяч своих „миридов“ и учителя местных мусульманских школ, и „имамы“, настоятели мечетей, и, наконец, шумный рой тех мусульманских книжников „улема“, которые всегда играли очень крупную роль в духовно-нравственной жизни туземного общества²⁾.

Узбеки—последние завоеватели. Из трех коренных народов Туркестана (включая сюда киргиз и туркмен) они обнаруживают наибольшую культурную устойчивость и способность развиться в „капиталистическую нацию“ еще до русского завоевания. Осев на землю, они ассимилируют все другие племенные элементы земледельческого населения и подчиняют своему влиянию кочевников.

Историческое развитие Туркестана до русского завоевания объясняет прочность феодально-патриархальных отношений среди народов, его населяющих, а также и устойчивость религиозного мировоззрения Ислама. Непрерывный прилив и отлив народов, постоянные столкновения между кочевыми и земледельческими племенами, условия оазисного хозяйства,—все это должно было вести к укреплению политической системы феодализма и упрочению политической и социальной религии восточного феодализма—Ислама.

²⁾ В. Навлякин, Туземцы раньше и теперь, 1940 г., стр. 6.

III. Туркестан — колония.

Историческая роль России, — писал еще в 1914 году „ученый“ лакей дома Романовых П. Мигулин, — не в эксплуатации густонаселенных богатых стран, а в заселении пустых областей Востока и приобщении к европейской культуре малочисленных и полудиких народов Востока¹⁾. Если в передовых капиталистических странах империализм вырос на почве капиталистического перепроизводства, то в отсталой России он явился прямым продолжением эпохи первоначального накопления. Развитие капитализма стимулировало, подтолкнуло вперед и расширило завоевательную политику дворянско-помещичьего самодержавия, для которого стало еще более ясным, чем раньше, что отсрочить внутренний кризис и ослабить его остроту оно может лишь путем расширения хозяйственной территории, лишь путем расширения — внешними средствами — сферы эксплуатации для отечественного капитализма. Не даром же Энгельс назвал Россию „владельцем огромного количества украденной собственности“. Колониальная политика царской России была не результатом капиталистической конкуренции, но средством избежать этой капиталистической конкуренции. И именно на Востоке, то-есть там, где она меньше всего могла бояться этой конкуренции, Россия соперничала (около сотни с лишком лет) с другим крупным колониальным собственником, Англией, которая также не торопилась здесь приобщать „дикие (!) и малочисленные (!?) народы“ к благам промышленной цивилизации. Основным побуждением для участия России в империалистической войне 1914—1918 г.г. был опять таки спор с немецким империализмом из-за Малой Азии. И Туркестан был завоеван в собственность, с одной стороны, как этап на пути в Индию, с другой же стороны, сам по себе „для русского правительства он представлял двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой политики, как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства, и 2) с точки зрения колониальной политики, как новая область для перемещения избыт-

¹⁾ „Новый Экономист“ 1914 г., № 45.

ков населения из центральных губерний¹⁾. В 1864 году были захвачены Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата, в 1865—Ташкент, в 1867 была образована Семиреченская область, в 1868 г. занят Самарканд, в 1876 г.—Ферганская область, в 1884 г.—Мерв. Первоначально русский захват носит почти исключительно характер военной оккупации. Наш тогдашний уездный начальник (не говоря уже о военном губернаторе), строевой офицер, случайно и то лишь по необходимости превратившийся в администратора, снабженный тогда относительно широкими полномочиями, в глазах народа всецело являл собой прямого заместителя „бека“ или „хакима“ ханских (!) времен. Население, веками привыкшее подчиняться грубой силе, боялось уездного начальника²⁾. Это свидетельство живого участника русского завоевания станет более понятным, если вспомнить, с помощью какого кровавого террора совершалось это завоевание. Завоеватели превратили Туркестан в свою вотчину. Первое время колонизация Туркестана русскими пришлыми элементами происходит очень медленно и незаметно. В Семиречье с 1868 по 1883 год было образовано всего 36 русских селений, с водворением в них около 2.500 семей, преимущественно уроженцев Воронежской губернии и Украины. На каждую мужскую душу отводилось 30 десятин удобной земли, из которых 15 отводилось в запас в расчете на прирост населения. Новоселы освобождались от всех податей и повинностей на 15 и 25 лет. Выдавались и ссуды до 100 рублей на семью. За этот же период в Семиречье к городам было приписано около 100 купеческих и 1.400 мещанских семей. Число русских поселений к началу второго десятилетия XX века выражалось в 326 поселков с 248.500 душ обоюбого пола. С русским городским населением это составляло менее полумиллиона душ на весь край к тому времени. Тем не менее дело не в этой, сравнительно незначительной, цифре. Приход русских в Туркестан вызвал настоящую революцию в его хозяйственных отношениях. Переломным моментом в этом отношении служит сооружение Закаспийской железной дороги (участок от Кызыл-Арвата до Чарджуя был построен в 1886 году, Самаркандский участок был закончен в 1888 году, открытие движения до Ташкента и Андижана состоялось в 1899 г.) и начало посевов американского хлопка. В 1884 году им было засеяно 300 десятин, в 1886 г.—12.000, в 1890 г. уже 58.859 десятин. В 1899 году по Средне-Азиатской железной дороге было перевезено 442.900 пассажиров и 23.262.556 пудов грузов малой скорости, в том числе хлопка 5.241.291 пуд. В 1909 году число перевезенных пассажиров увеличилось до 2.981.953, а количество грузов малой скорости до 69.873.364 пуда, в том числе 11.883.596 пудов хлопка³⁾. С развитием денежного хозяйства и торго-

¹⁾ „Приложение к отчету по ревизия Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане“, часть I, отдел I. Введение, стр. 3.

²⁾ Наливкин, Туземцы, стр. 86.

³⁾ Масальский, Туркестанский край (Россия, том XIX).

вого обмена происходит и рост городов. Вот табличка, указывающая, на какой процент увеличилось городское население по сравнению с сельским по данным переписи 1897 года и 1907 г.:

	Городское население с 1897 по 1907 г. г.	Сельское.	Вообще.
В Семиречье	на 45,30 ⁰ / ₀	на 5,55 ⁰ / ₀	на 8,08 ⁰ / ₀
» Закаспий	» 26,32 ⁰ / ₀	» 4,62 ⁰ / ₀	» 16,19 ⁰ / ₀
» Самаркандской области	» 30,90 ⁰ / ₀	» 22,54 ⁰ / ₀	» 24,00 ⁰ / ₀
» Сыр-Дарьинской обл.	» 23,28 ⁰ / ₀	» 21,30 ⁰ / ₀	» 21,64 ⁰ / ₀
» Фергане	» 49,27 ⁰ / ₀	» 10,90 ⁰ / ₀	» 15,10 ⁰ / ₀
Всего	на 30,51 ⁰ / ₀	на 15,78 ⁰ / ₀	на 17,90 ⁰ / ₀

Из этой таблички видно, что при общем приросте населения в 17,19⁰/₀, сельское население увеличилось только на 15,78⁰/₀, т. е. относительно и абсолютно уменьшилось, городское же увеличилось почти на $\frac{1}{3}$ своего состава.

Развитие фабрично-заводской промышленности в Туркестане по данным «Вестника Финансов и Промышленности» (№ 23, 1912 г.) к 1912 году исчислялось в следующих размерах:

ОБЛАСТИ.	Число фабрик.	Число рабочих.	Производство в тысячах рублей.	Производительность на 1 жит. в рублях.
Закаспийская	19	970	2.684,7	0,5
Самаркандская	68	1.331	6.924,5	4,9
Семиреченская	26	645	1.158,0	0,5
Сыр-Дарьинская	127	2.612	7.179,7	2,7
Ферганская	147	6.152	61.516,9	31,0
Всего	387	12.012	78.513,8	11,6
Итого по Империи	19.322	2.188.350	4.581.515,8	—
Процентное отношение Туркестана.	1,95 ⁰ / ₀	0,55 ⁰ / ₀	1,71 ⁰ / ₀	—

В. Заорская и К. Александров в своей работе «Промышленные заведения Туркестанского края» (1913 г.) расценивают (по обследованию 1913 г. без Закаспия) число фабрично-заводского пролетариата зна-

чительно выше, в 20.925 человек. По их данным „каждые 20 тысяч населения Туркестанского края должны выделить из себя семерых рабочих, идущих на завод“. Они же дают очень интересные цифры о густоте промышленной сети по областям: в Фергане один завод приходится на 250 квадратных верст, в Самаркандской области на 627 квадратных верст, в Сыр-Дарьинской на 1.648, в Семиреченской (по 3 уездам) на 1.805. Роль Ферганы, как плантации хлопка, в хозяйственной жизни Туркестана здесь подчеркнута с разительной выпуклостью.

К началу второго десятилетия XIX столетия торговые обороты Туркестана достигали приблизительно 320,5 миллионов рублей; из которых на вывоз товаров из областей приходилось до 140,5 милл. руб. и на ввоз до 180 миллионов рублей. По областям эти цифры распределялись таким образом:

	Вывоз.	Ввоз	Оборот.
Сыр-Дарьинская	до 20 милл. руб.	55 милл. руб.	75 милл. руб.
Самаркандская	18 „ „	45 „ „	63 „ „
Ферганская	70 „ „	50 „ „	120 „ „
Семиреченская	20 „ „	15 „ „	35 „ „
Закаспийская	12,5 „ „	15 „ „	27,5 „ „

Торговые обороты с Европейской Россией и Кавказом выражаются в общей сумме 54,5 миллионов пудов, из которых на ввоз по Средне-Азиатской железной дороге падает 14,7 миллионов пудов и по Ташкентской—11,8 милл. пудов, а на вывоз по Средне-Азиатской—13,5 милл. пуд. и по Ташкентской—14,5 милл. пуд. ¹⁾

Колониальный захват Туркестана русскими насильственно подвинул вперед переход коренного населения от феодализма и феодально-патриархального быта к торговому капитализму. Естественно, что особенно быстро и резко этот процесс пошел в Фергане, еще и до завоевания, во времена Кокандского ханства, бывшей самой развитой областью Туркестана. Об этом росте капитализма в Фергане свидетельствует нижеприводимая таблица, составленная по данным о выборке промысловых свидетельств по области. Данные эти совершенно неопровержимо устанавливают концентрацию как торговых, так и промышленных предприятий за сравнительно короткий промежуток времени, несмотря на то, что в этот промежуток времени входит и бурный период 1905—1907 г.г.

¹⁾ Данные Сыр-Дарьинского областного статистического комитета.

А. Торговых предприятий было:	В 1904 г.	В 1905 г.	В 1906 г.	В 1907 г.	В 1908 г.
I разряда (оптовой торговли)	48	47	48	44	53
II " (розничной)	247	246	243	815	653
III " (мелочной)	5,995	5,844	5,731	6,239	6,038
IV " (мелочной торговли из не- больших помещений только не- которыми товарами)	19,742	18,872	18,718	18,767	17,263
V и VI разряды (равнозный и разнос- ный торг)	20	19	8	32	27
Итого	26,512	25,525	25,246	25,897	24,389
Б. Промышленных предприятий:					
I разряда (от 200 и выше рабоч.)	—	—	1	1	1
IV " (от 25 до 200 рабоч.)	84	81	86	88	101
V " (от 10 до 25 рабоч.)	43	41	45	38	45
VI " —	17	11	9	10	15
VII " —	51	32	30	32	33
VIII " (от 2 до 4 рабоч.)	949	895	818	795	754
Итого	1,144	1,068	1,019	962	949
В. Свидетельств для личных промыс- ловых свидетельств выдано	1,648	1,556	1,477	1,085	1,355
Всего выдано документов	29,304	28,149	27,732	27,914	26,296 ¹⁾

Основой торгового капитализма служит хлопководство. Перед самостоятельным производителем, до сих пор работавшим только на удовлетворение потребностей своей семьи, открывается рынок, который сразу же приковывает к себе все его помыслы и интересы. Торговые представители, комиссионеры и посредники московских хлопчатобумажных фирм появляются в заброшенной стране и захватывают в свои хищные руки все нити ее хозяйственной жизни. Первоначально они действуют через туземных скупщиков, собирая хлопок-сырец

¹⁾ Материалы (резюме сенатора Палейя), ч. I, отдел II, стр. 384—385.

исключительно для вывоза и обработки его на русских фабриках. Лишь позже уже на месте вырастают хлопкоочистительные заводы и, внедряясь в поры туземного общества, создают вокруг себя новую экономическую среду.

Если первоначальным завоевателем Туркестана выступает уездный начальник, то с течением времени его фигура заслоняется более хищным и ловким представителем господствующей нации, проводником господства великодержавного капитала — торговым комиссионером. Этот проникает глубже подицейского ока, грабит систематичнее обыкновенного казенного взяточника, душит упорнее, чем простой Угрюм-Бурчеев. Торговый комиссионер в Туркестане — это подлинный рыцарь эпохи первоначального накопления. Старая казенная статистика Туркестанского края вполне основательно выделяет особо эту категорию лиц. „С утверждением в крае русского владычества и с развитием там крупной торговли и промышленности, — повествуют „Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане“ собранные ревизией царского сенатора Палена, — возникли и личные промысловые занятия. В настоящее время (1911 год) контингент лиц, посвящающих себя этого рода занятиям в коренных областях края, довольно велик. Состоит он преимущественно из русских и европейцев вообще, армян, татар, пришлых и туземных евреев. Туземцев же, занимающихся личными промыслами, мало, как и владельцев крупных торговых и промышленных предприятий из среды туземцев также пока еще мало“). Вот цифры:

ОБЛАСТИ.	Комиссионеров, торговых посредников и пр. (IV разр.)	Торговцев, ведущих приличный казначей (VI разр.)	Приказчиков		Всего.
			клас. са.	клас. са.	
Сыр-Дарьинская	76	3	988	494	1.563
Самаркандская	124	7	301	242	564
Ферганская	169	24	752	655	1.568
Семиреченская	5	—	785	352	1.142
Всего.	274	34	2.25	1,733	4,839

Следует к слову сказать, что название „приказчик“ мало пригодно для обозначения характера деятельности этих „рыцарей промышленности“: по своему социальному положению они больше подходят к типу всемогущего „приказчика“ дворянского поместья крепостных

времен, чем к типу обыкновенного пролетария прилавка. На следующей, нижней ступени социальной лестницы стоит туземный торговый посредник — бай. Он скупает то сырье, которое в одцовых размерах собирает европейский комиссионер. Со скупкой он связывает и целый ряд ростовщических операций, ссужая дехкана и деньгами и „натурой“.

Развитие хлопководства в высшей мере содействовало увеличению власти байского элемента. Хлопковые посевы вытеснили хлебные посевы и тем самым нарушили естественное равновесие натурального хозяйства, сделав нужду в хлебе постоянной. Одновременно с этим возросла и нужда в деньгах, и одной из причин этого было то, что хлопководство принадлежит к числу интенсивных культур. — „Хлопковая горячка“ создала нехватку рабочих рук и взвинтила заработную плату, между тем хлопковод-дехкан, в условиях поливного земледелия, когда зачастую в жаркую пору вода отпускается из арыка лишь на полчаса, на час, не может обойтись без наемного батрака. Нужда в деньгах и в хлебе открыла широкий простор ростовщической деятельности баев.

Казалось бы, что ввиду ценности хлопка и его обеспеченного сбыта хозяйственное положение рядового дехкана должно было бы улучшаться, на самом же деле чаще приходится видеть и слышать лишь отрицательные стороны его. Так, напр., в волостях Кувинской, Шарихадской и Ассакинской (Скобелевского уезда), Курган Тепинской, Аниской и Хакентской (Андижанского уезда), где культура американского хлопчатника особенно развита, рядовые земледельцы в настоящее время владеют от 1 до 12 танавов искусственно орошаемой земли, год для ведения нормального хозяйства далеко не достаточно. Причиной такого малоземелья является, конечно, не культура американского хлопчатника, а тот хищнический способ выдачи задатков под его урожай комиссионерами, чистачами и т. д., способ, который довел трудящийся класс до крайней задолженности и обеднения. Не учитывая будущих событий, трудящийся класс охотно брал деньги под хлопок и расширял его посевную площадь и сокращал под продукты первой необходимости, цены на которые не замедлили подняться, конечно, искусственно и теми же лицами, кои снабжали население деньгами под хлопок. Таким образом, получая прибыль на первом, население в то же время переплачивало на втором, увеличивая ежегодно свою задолженность⁴⁾. Таково официальное мнение, высказанное на совещании инспекторов мелкого кредита, российский капитал, помимо собираемой им самим дани, еще увеличил и классовую кабалу внутри туземного общества. Это подтверждается и весьма наглядным фактом. До войны разница между осенними и весенними ценами на хлеб и некоторые другие сельско-хозяйственные продукты каждый год достигала 50 процентов. Секрет этой загадки очень прост. Осенью,

⁴⁾ „Мелкий кредит в Туркестане“. Труды совещания инспекторов мелкого кредита Завлеспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей в г. Самарканде. 12 20 мая 1915 г., стр. 111 112.

для удовлетворения своих неотложных нужд сельскохозяйственное население должно было продавать весь свой урожай. Весною ему приходилось продавать рабочий скот и предметы своего домашнего обихода, чтобы покупать хлеб и семена для посева.

Ростовщическая, посредническая деятельность подвигает из среды местного населения новый слой крупных землевладельцев буржуазного типа. Пример — Фергана.

Увеличение населения в Фергане со времени завоевания этого края повело к постепенному дроблению бывших в свое время крупных землевладений на более мелкие участки. Сельско-хозяйственная культура на искусственно орошаемых землях этого края, требующая огромного количества труда, требует в то же время от работника и соответствующего внимания, мыслимого лишь при любви к делу, когда работник вполне заинтересован в результатах своего труда. В частности же при высокоинтенсивной культуре хлопка сельскохозяйственные условия края являются настолько своеобразными, что крупные землевладения, как доказано опытом, несмотря на самые крупные затраты, редко выдерживают дальнейшее свое существование. Поэтому то более крупный землевладелец этого края не находит для себя выгодным обрабатывать всю принадлежащую ему землю своим инвентарем и оборотным капиталом, а предпочитает сдать ее более бедным земледельцам (каранда, чайрикерам) из части.

Принимая во внимание ту же своеобразность условий сельского хозяйства, можно было бы считать мелкое хозяйство, а вместе с тем и мелкое землевладение, нормально обычным; но существующая тридцатилетняя система скудной хлопководства через посредничество кулаков-туземцев способствовала дальнейшему дроблению землевладений, вредно отозвавшимся на благосостоянии мелкого собственника и главного производителя хлопка, — с одной стороны, и в то же время повлекла за собой, как результат последнего, — концентрацию земель в одних руках, — с другой. Благодаря вышеизложенным и многим другим условиям, создано несколько типов земледельцев-деханов, а именно: почти все крупные землевладельцы, в исключительных случаях обрабатывая незначительную часть собственной земли личным трудом, остальную сдают исполусредние землевладельцы, за редкими исключениями, обрабатывают сами; более же мелкие землевладельцы, которые доходностью от своей земли уже не могут существовать, работают на землях крупных и средних землевладений из части, в качестве чайрикеров, а в годы, следующие неблагоприятным по урожайности, — отходным промыслом, и, наконец, безземельные и обезземеленные дехканы, за исключением чайрикеров, составляют уже кадр чернорабочих; обрабатывающих земли по найму¹⁾.

¹⁾ „Мелкий кредит в Туркестане“, стр. 53.

Такую же картину представляет и сартовское хозяйство Сыр-Дарьинской области. Подразделяя все сартовское население на наиболее состоятельных хозяев, средних и бедных, к первым нужно отнести таких, у которых собственной земли имеется до 10 десятин, 4—6 пар рабочего скота, не менее 3—4 лошадей и до 6—8 коров. Такие хозяева обыкновенно держат не менее 3—4 работников, засевают до ста и более пудов пшеницы и столько же хлопка. Хозяев с таким имущественным положением и указанными размерами посевов в среднем до одной пятой всего населения. Хозяева средней состоятельности имеют собственной земли до 6 десятин, от 1 до 3 пар волов, не менее 2 лошадей, и засевают до 60 пудов пшеницы и пудов 20—30 хлопка. Таких хозяев от 1/3 до 1/2 всего населения. Беднейшие хозяева при наличии собственной земли от 1/4 (1 танана) до 1—2 десятин имеют самое большое 1—2 головы рабочего скота и засевают самое большое 20—30 пудов пшеницы и пудов до 10 хлопка, встречаются и такие хозяева, которые совершенно не имеют рабочего скота¹⁾.

Труды совещания инспекторов мелкого кредита²⁾ дают очень точную характеристику байской, денежно-ростовщической и земельной аристократии. «Бай» это не просто «богатый человек». У нас (!) свойство богатого человека не предопределяет каких-либо резко отличительных особенностей характера или общественного положения, не заключает, само по себе, указания на непременною роль в хозяйственных отношениях деревни. Не то здесь. Надо знать, в какой невероятной цене здесь стоит обладание какой-либо свободной от немедленного подložения хозяйством или торговлей наличностью денежных средств. Многие и многие причины, выросшие и из прошлого высасывания ханской администрацией всех жизненных соков здешних хозяйств и из хозяйственных условий позднейшего времени (то-есть в том числе и из последующего высасывания жизненных соков русским полицейским аппаратом и капиталом Г. С.), усиливших требование затрат на ведение хозяйства, прицели к тому, что нужда в деньгах пропитывает все чаяния земледельца, ремесленника, торговца. Поэтому здесь создалась такая благоприятная почва для невероятной наживы скупщиков сельско-хозяйственных продуктов; поэтому здесь торговля не видит смысла своей торговли, если не наживает в ней «рубль на рубль», так что дорогие цены в торговых заведениях Туркестанского края приобрели широкую известность; отсюда же рождается и невероятно высокий процент ссужаемых капиталистами денег. Ясно, что при таких условиях обладание деньгами может создать исключительное влияние баю среди туземцев. Поэтому слово «бай» здесь тождественно со словом «ростовщик», без всякого, впрочем, оскорбительного оттенка этого последнего слова. Наоборот, слово «бай» непременно означает в то же время и «почтенный человек».

1) „Мелкий кредит в Туркестане“, стр. 35.

И, наконец, в нем же заключается и смысл, выражаемый нашим словом «влиятельный, сильный человек». Так как в туземной среде чрезвычайно выгодны административные выборные должности местных управителей думов (сельских старост) и т. д., также должности казиев (народных судей), то достаются они только за большие деньги; а так как деньги принадлежат баям, то и должности эти, очевидно, могут быть занимаемы только баями. Отсюда то явление, что класс выборных должностных лиц у туземцев либо совмещается с группой баев, либо находится с ними в отношениих тесной унии. В громадном большинстве случаев принадлежность к группе баев является наследственной, при чем корни этой наследственности протягиваются большей частью к какому-либо предку, занимавшему административную должность, которая и дала возможность заложить «фундамент» богатства. Поэтому в среде баев и замечаются некоторые признаки кастового характера. Наследственная привычка увеличивать свое богатство грабежом населения настолько укоренилась в этой касте, что представители ее не в состоянии понять низкого своего действия без возможности поживиться на счет «фукаре» (бедноты)¹⁾.

Развитие хлопководства вызвало резкое классовое расслоение в мусульманской деревне и старом городе, выдвинуло байскую аристократию в качестве проводника торгово-ростовщического капитализма и установило диктатуру российского великодержавного капитала над хозяйственной жизнью туземного общества. Это констатируется и официальными источниками. Торговля хлопком в Средне-Азиатском районе, а, следовательно, косвенным образом и все хлопководство, находится в руках нескольких крупных фирм и представителей бумагопрядильной промышленности России. Самая скупка хлопка производится целой армией посредников, частью агентов хлопкоочистительных заводов, частью мелких торговцев, скупающих сырец и затем продающих его в очищенном виде («зистачи»). Чтобы обеспечить себя получением необходимых по их расчетам, частью уже наперед запроданных партий хлопка, крупные фирмы прибегают к выдаче населению задатков или ссуд под посевы хлопка. Само собою понятно (!), что хлопковые фирмы не могут выдавать эти задатки и ссуды населению из 4,5%²⁾ сами кредитуются (?) из 9—10%, и поэтому должны насчитывать для туземцев 12% на выдаваемые деньги. Посредники, получая сами деньги по 12%³⁾, раздают их земледельцам под 40 и более процентов. Задолженность Ферганы хлопковым фирмам, по свидетельству кокавдского биржевого комитета, за сезон 1908 г., составляла свыше полутора миллиона, и при этом по свидетельству того же комитета только 20% всей засеваемой в области площади могут быть

¹⁾ „Мелкий кредит в Туркестане“, стр. 62—63.

обсеваемы собственными средствами туземцев - земледельцев, а остальное количество может быть засеяно лишь при помощи ссуд²⁾).

Может ли что-либо быть откровеннее этого признания? 80% посевной площади обсеваются хлопком под ссуду в то время, как посевная площадь хлопка в Фергане составляет к этому моменту 29,5% всей посевной площади! Какое же нужно еще доказательство диктатуры российского капитала?

Во что обходится местному дехканству эта диктатура, видно из сравнительной статистики цен в 1885 и 1903 году (в рублях):

	Маргеланский уезд	Кокандский уезд	Наманганский уезд	Андижанский уезд	Ошский уезд
Четверть пшеничной муки	6,60—11,0	6,20—11,3	3,93—11,9	3,41—11,73	3,20—9,67
1 пуд ячменя	0,70—0,9	0,28—0,91	0,34—1,11	0,29—1,04	0,30—
100 снопов люцерны	2,08—4,43	1,30—8,1	2,79—8,05	1,57—11,17	1,59—8,45
Четверть риса	4,69—21,4	5,03—23,7	5,73—22,3	4,05—20,1	3,70—24,27
1 пуд джугары	0,30—1,1	0,27—1,0	0,46—1,14	0,29—1,0	0,31—1,09
1 пуд баранины 2-го сорта	1,76—3,4	1,35—3,3	2,30—2,7	1,75—3,0	1,37—2,63
1 пуд бараньего сала	4,27—6,9	4,17—6,9	4,30—5,9	3,72—8,1	3,74—7,08
1 саж. дров (тополе-ных)	2,46—6,5	2,00—6,73	2,31—6,6	2,33—8,0	3,55—5,52
Поленина плата по цесму рабочему	0,29—0,	0,35—0,7	0,30—0,74	0,34—1,08	0,34—0,89

Увеличение цен, вздорожание — в 2, 3, 4 и 5 раз! И при этом все же рабочие руки дорожают медленнее и меньше, чем предметы первой необходимости.

„Хлопковая горячка“ (до войны) охватывает не одну только Ферганскую область. Увеличение посевов хлопка с 1906 по 1913 г. г. распределяется по областям так:

По Ферганской области	44%
„ Сыр-Дарьинской области	210,8%
„ Самаркандской	46,5%

Однако, в Фергане хлопок господствует над всем. Он служит основой промышленного производства. Обработка различных

²⁾ „Материалы“ (ревизии Палева), ч. I, отд. II, стр. 83, 85.

продуктов хлопка занимает 60% всех рабочих Ферганской области, 80% всех механических двигателей, потребляет 80% всего топлива, 94% всего сырья и дает 92% общей суммы областного производства). Связь хлопкоочистительных заводов с важнейшей отраслью местного сельского хозяйства должна была делать его особенно доступным для пролетаризированного населения деревни, и вот мы видим, как классовое неравенство между нациями переносится и в область промышленности. Контингент рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности коренного Туркестана, состоит из следующих 2 категорий, далеко неравных по численности: из немногочисленного персонала технически подготовленных мастеров и главных рабочих, состоящего из лиц русского и вообще европейского происхождения, и отчасти из туземцев, вышедших из среды простых рабочих и усвоивших технические приемы того или иного производства, и из многочисленного сравнительно персонала второстепенных низших рабочих, состоящего, главным образом, из туземцев и небольшого числа лиц европейского происхождения, преимущественно подростков. Контингент рабочих первой категории, вошедших в край более или менее прочно, крайне ограничен, а пополнение его кадрами рабочих из внутренних местностей империи сопряжено для владельцев промышленных предприятий с большими затруднениями. Поэтому рабочие указанной категории отличаются высокой расценкой своего труда и более высокими требованиями по отношению к хозяевам, в результате чего нигде, быть может, в империи владельцами не сделано рабочим в последние годы таких уступок, как здесь: рабочее время сокращено до минимальных размеров (в большинстве случаев до размеров 7-часового рабочего дня), право на полный отдых в праздничные дни и частичный отдых в предпраздничные использовано в самом полном объеме, пользование медицинской помощью за счет хозяев, плата за незаработанные дни в случае внезапного, без предупреждения, расчета хозяевами, и т. д. стороны рабочего быта получили в значительной степени свое осуществление.

Рабочие же второй категории, кадры которых пополняются преимущественно многочисленным контингентом безземельных и вообще малосимущих туземцев, отличаются низкой сравнительно расценкой своего труда, ограниченностью своих притязаний на праздничный отдых и крайней нетребовательностью по отношению к хозяевам²⁾. И понятно почему: тогда как туземный чернорабочий пролетарий все время испытывает давление избытка рабочих рук, образующегося в земледелии, европейская рабочая аристократия застрахована от этого

¹⁾ „Промышленные заведения Туркестанского края В. Зорская и К. Александров, 1915 г., стр 87—88.

²⁾ „Материалы“ (ревизию Палея), ч. I, отд. II, стр. 332—333.

сами свои положением в производстве. На 1908—1910 года такса средней дневной платы чернорабочим была установлена следующая: для Сыр-Дарьинской области взрослым мужчинам свыше 17 лет—80 к., подросткам от 15 до 17 лет—60 коп. и малолетним от 12 до 15 лет—50 коп.; женщинам в той же градации—70 коп., 45 коп. и 35 коп.; для Ферганской области—взрослым мужчинам в городах 80 коп. и в кишлаках—70 коп., женщинам взрослым 40 коп. и подросткам 20 коп. Средняя годовая сумма заработной платы¹⁾:

в Фергане равнялась	177 руб. 30 коп.
Сыр-Дарьинской области	162 " 20 "
Самаркандской	137 " 25 "

Между тем в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции в России, за пятилетие с 1901 года средняя плата составляла 206 руб., а в 1906—1907 г.г. в среднем 244 рубля²⁾.

Органический состав капитала, процентное отношение постоянного капитала к переменному изображает следующая сводка³⁾:

Название расходов в рублях.	%	к общим издержкам
Заработная плата	3.759.940	3,1%
Расходы в пользу рабочих	119.329	0,1 "
Сырой материал	105.051.400	87,6 "
Топливо	1.439.222	1,2 "
Все прочие расходы	9.518.248	8,0 "
Всего издержек производства	119.888.139	100%

Низкий процент расходов на заработную плату по сравнению с затратами постоянного капитала здесь никоим образом не служит показателем технического прогресса, но является результатом специфических условий хлопкового производства, где сырье составляет главный расход капитала, рабочие же получают гроши. В общей картине промышленного производства Туркестана обработка волокнистых веществ занимала главное место, и это опять-таки должно было обуславливать господство русских на верхах и низкий жизненный уровень туземных рабочих масс в промышленности Туркестана вообще. Ниже мы помещаем соответствующие цифры⁴⁾:

¹⁾ В. Заурская и К. Александров, цит. сочинение стр. 56.

²⁾ К. А. Пажитнов, «Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России» 1909 г., стр. 4.

³⁾ В. Заурская и К. Александров, цит. сочин., стр. 60.

⁴⁾ Заурская и Александров. Цит. соч., стр. 41.

Название сводных групп	Число заведений	Число рабочих	Сумма производства (рубля)
По обработке волокнистых веществ	262	12.427	101.904.936
По обработке металлов	14	421	786.796
По обработке питательных веществ	226	5.111	26.899.517
Прочие производства	200	2.966	795.580
Итого	702	18.925	133.886.778

Средняя

Характерно распределение фабрично-заводского пролетариата по национальному составу. Из общего числа русских 22,8%, сартов (узбеков) 60,7%, киргизов 4,5%, таджиков 3,5%, кашгарцев, таранчинцев, дунган 1,4%; других пришлых 5,1%. 22,8% — это русская рабочая аристократия. На железной дороге, обслуживаемой более квалифицированными профессиями, состав рабочих и служащих распределялся так: русские — 80,7%, мусульмане — 14,6%, поляки — 2,6%, немцы — 0,8%, армяне — 0,7%, евреи — 0,2%¹⁾.

Служба на железной дороге сопряженная с рядом жизненных удобств (казенная квартира, возможность обзаведения домашним хозяйством и т. д.), была таким образом почти исключительно национальной привилегией русских, так как 14,6% падающие на мусульман, относятся к категории чернорабочих.

Российский капитализм не создал в Туркестане крупной промышленности. „Промышленная революция“ тут произошла только в форме развития посевов американского хлопка. Из „оазисно-территориального тюркского хозяйства“ Туркестан превратился в хлопковую плантацию русского капитала. На этом развитие остановилось. Российскому капиталу необходимо было освободиться от „засилия“ иностранного сырья и этого он добился: в 1870 году Россия потребила 2.605.828 пудов иностранного хлопка и 194.597 пудов собственного, в 1908 же году на 11.500.000 пудов иностранного уже приходилось то 500.000 пудов собственного. Однако, хлопчатобумажные патриоты совсем не были заинтересованы в том, чтобы переносить в Туркестан и переработку хлопка-сырца в ткани. Напротив того, Туркестан им был нужен единственно, как источник сырья. Российский капитализм вызвал разорение туземного сельского хозяйства, но не создал приюта для избыточного сельского населения. В результате торговоростовщический капитал оказался силой, непосредственно поддерживающей полубуржуазную полукрепостническую байскую кабалу в деревне.

В области вывоза первое место при старом режиме принадлежало хлопку. Второе место — фруктам, которых в 1892 г. было вы-

¹⁾ Там же стр. 52.

²⁾ Гуляшамбаров, „Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской жел. дорогой“, 1912 г. ч. II, стр. 56.

везено 424.400 пудов, а в 1907 г. — 1.810.500. Третье место — шерсти, которой в 1892 г. было вывезено 370.700 пудов, а в 1907 г. — 787.100 п. Ввоз в Туркестан давал не менее характерную картину. С 1892 г. по 1907 г. ввоз мануфактурных изделий увеличился с 397.550 пудов до 2.087.076 пудов, на 425%, ввоз сахара — на 302%, хлеб — на 802%, лесных изделий — на 304%, и изделий из стали и железа — на 374%. Извлекая из Туркестана сырье, — продукты хлопководства, садоводства, скотоводства, — русский капитал использовал его прежде всего, как рынок сбыта продуктов своей текстильной промышленности.

Если с одной стороны Россия стремилась использовать Туркестан как рынок для закупки сырья и сбыта своих изделий промышленности, то другой стороной ее захватной политики была колониальная политика Туркестана „излишками“ земледельческого населения центральных губерний.

Этого требовали не только экономические, но и политические интересы полубуржуазной, полукрепостнической системы. Переселение в Туркестан достигает особенно высоких размеров после поражения революции 1905 — 1907 года, и главный контингент переселенцев составляют крестьяне бывтовавших губерний юга России. Здесь они быстро из эксплуатируемых превращаются в эксплуататоров помещиков, сидящих на киргизской земле; из представителей угнетенной национальности украинцев — в носителей великодержавного, „истинно-русского“ гнета по отношению к киргизскому населению. В их лице царизм создает себе живую опору для своего колониального господства. Жертвой колониального грабежа, естественно, является кочевое, главным образом, киргизское население. Оно еще не совершило окончательного перехода к оседлому, земледельческому быту. Его право собственности на землю нормировано только в очень расплывчатых формах обычным правом. Наконец, его культурная отсталость и бесправие облегчают захват его собственности. „Все земли Туркестанского края до утверждения в его пределах русского владычества признавались собственностью ханов. Вследствие этого (!!) при определении прав туземного населения на землю составители „Туркестанского и Степного Положений“ постановили считать всю территорию вновь приобретенного края, временно, впредь до поземельного устройства его, изъятой из частной собственности и оставить за туземным населением лишь право бессрочного общественного пользования землею на основании действующих обычаев“). Эта преимущество между русско-самодержавным управлением и ханским владичеством поистине замечательна. Русский царизм в Туркестане не на словах, а на деле доказал, что является прямым наследником Тамерлана и Чингис-хана!

¹ „Отчет по резиденции Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Шленом“. Переселенческое дело в Туркестане. 1910 г., стр. 39.

В результате колонизационной деятельности русского правительства в январе 1908 г. в Семиреченской области насчитывалось крестьянских селений и слободок 41, Казачьих станиц и выселков имелось в области 30. Во владении крестьян (60,356 душ обоего пола) состояло 231,250 десятин, а во владении казаков (34,468 душ обоего пола) 616,484 десятины земли. В 1911 г. в Семиреченской области насчитывалось уже 155 русских поселков (32 казачьих и 123 крестьянских), и население этих поселков достигало 175 тысяч душ обоего пола. В Сыр-Дарьинской области в 1909 г. числилось 92 русских поселков с 40 тысячами душ и 203,000 десятин. В 1911 г. их было уже 108. В Фергане в 1911 году было 23 русских селения с 20 тысячами населения и 25 тысяч десятин земли. В Самаркандской области их было к 1911—13 с $3\frac{1}{2}$ тысячами душ. В Закаспии (1909 г.)—27 с 5 тысячами душ¹⁾.

Важны, конечно, не эти цифры сами по себе. Важно, как возникли эти поселки русских колонизаторов и какой переворот вызвало их появление в жизни местного населения. Отчет сенаторской ревизии Палла эпически спокойно повествует о „массовом смещении киргизов с зимовых стойбищ“. Сгонялись не только отдельные киргизские хозяйства, но и мелкие аулы. Сгонялись с насиженных мест, с кровью и лютотой, и завещанной предками земли целые сотни и тысячи киргизских хозяйств.

Вот казенное описание деятельности семиреченской, переселенческой партии²⁾. „Чинами переселенческой партии предположено было разрушить свыше 5,100 очагов оседлости с населением более 30 тысяч душ. Такое смещение было намечено в целях получения около 250 тысяч удобной земли, достаточной для обеспечения приблизительно $6\frac{1}{2}$ тысяч переселенческих хозяйств, по расчету 40 десятин на хозяйство. Однако, как об этом свидетельствует практика заселения участков, образованных партией в Пишпекском подрайоне, из 5,395 душевых долей, показанных пригодными для немедленного заселения, в действительности заселено лишь 2,008, то-есть около 38%. На занятие же остальных 3,387 долей, вследствие малой их пригодности для ведения сельского хозяйства, желающих не оказалось вовсе. Эти данные приводят к заключению, что на указанных выше 250 тысячах десятин в действительности могут устроиться не более $2\frac{1}{2}$ тысяч переселенческих хозяйств, для чего потребуются разрушить едва ли не двойное число очагов киргизской оседлости. При обозрении запроектированных участков подведомственными мне чинами выяснилось, что киргизы почти повсеместно перешли к оседло-скотоводческому хозяйству и что во многих случаях (!) осуществление намеченных переселенческой партией проектов приведет смещаемые киргизские хозяйства к разорению“³⁾. Суконный язык этого заявления

¹⁾ Масальский В. „Туркестанский край“, стр. 324, 326, 330, 332.

²⁾ „Отчет ревизии Палла“, Переселенческое дело в Туркестане, стр. 57.

нимало не ослабляет его значения. Царский секатор должен открыто признать сугубо-живодерский характер царской колонизации! Из общей площади Семиреченской области в 36.139.535 десятин, из которых 1.786.669 десятин приходится на неудобные земли, к 1913 году из пользования киргиз было изъято 4.193.520 десятин. Киргизам было оставлено 27.159.346 десятин¹⁾. Как показывают вышеприведенные цифры, более 9% (87%) всей территории Семиреченской области, за исключением сплошных неудобных пространств, находится еще в пользовании киргиз, и только 13% всей площади находится или в пользовании оседлого населения или в пользовании казны. Однако, оценивая эти соотношения, не следует упускать из виду, что изъяты у киргиз, по преимуществу, земли культурные или пригодные для культуры без особо дорогих мелиораций, в пользовании же киргиз остались преимущественно, полу-пустынные степные пространства и горы²⁾. Это, опять-таки, официальное мнение русского колонизатора, которому невыгодно сгущать краски!

Своей колонизационной политикой русский царизм задержал переход киргиз в оседлое состояние. Он буквально выбросил их в пустыню, устроил для них из пустынных пространств и гор черту киргизской оседлости³⁾ и создал из их разорения выгодную статью дохода для русских переселенцев и казаков. Это прямо подтверждается статистическими данными.

НАРОДНОСТЬ	Средний валовой годовой доход хозяйства (в рублях)	Число хозяйств	Валовой доход всех хозяйств (в тысячах рублей)
Киргизы	464	160.000	72.240
Таранчи	657	14.000	9.198
Дунганы	850	2.500	2.125
Русские	1.018	31.000	31.558
Всего	—	207.500	117.121

¹⁾ Данные сплошного исследования, произведенного в 1909—1913 г.г. статистической партией переселенческого управления под руководством И. Румянцева.

²⁾ В. Васильев, Семиреченская область, как колония и роль в ней Чуйской колонии, 1915 г., стр. 86.

Таранчи и дунгае—пришлый элемент, бежавший из Кульджа и Кашгара и, несмотря на то, что они тоже—переселенцы, не пользующиеся высоким покровительством царизма, доходность их хозяйства выше доходности киргизских хозяйств.

Киргизы были, можно сказать, принудительно „прикреплены“ к экстенсивному скотоводческому хозяйству. Поэтому вполне понятно, почему русский переселенец в среднем получал 19 руб. 20 коп. дохода с десятины, а киргиз—только 2 руб. 73 коп. ¹⁾ Вот показательная табличка ²⁾:

Народности и местожительство.	В среднем на хозяйство приходится:				
	Душ обоего пола	кота в переводе на лошадей	Десятина посева		Десятина естественного покоса
			Хлебов.	Люцерны	
Киргизы Семиречья.	5.44	15.34	1.88	0.31	2.20
Черняевск. уезда	6.60	16.71	4.02	0.13	1.47
Аулие-Атинск. уезда.	6.60	13.40	4.29	0.41	1.93
Таранчи Семиречья.	4.90	3.76	2.64	0.31	0.10
Дунгае.	4.99	5.10	7.17	0.33	0.25
Сарты Черняевск. уезда	6.41	5.03	7.05	0.27	0.40
Русские Семиречья	7.34	9.98	7.64	0.33	2.16
Черняевск. уезда.	6.90	10.70	12.85	0.62	2.70

Итак, тогда как киргиз-скотовод на 5.44 душ имеет 15.34 единицы скота, 1.88 десятины посева хлебов, 0.31 дес. люцерны и 2.20 дес. покоса, русский переселенец „хлебороб“ имеет и больше рабочих рук, и больше покоса, и больше посева, и сравнительно больше скота, хотя скотоводство и не является его основным промыслом.

И тем не менее семиреческий киргиз вынужден 56,6% своих доходов извлекать из скотоводства и лишь 22,4% из земледелия, русский же переселенец 55,9% получает от занятия земледелием и 12,9 от скотоводства ³⁾. Было бы ошибкой думать, что русский переселенец принес в Туркестан более высокую земледельческую культуру. Ничего подобного! Он явился сюда, как хищник, и как хищник стал эксплуатировать все, что у него лежало под рукой. Казаки в 1906 году занимали запашкой только от 7 до 15% своего надела. Что касается пе-

¹⁾ Васильев, цит. соч., стр. 147—148.

²⁾ Там же, стр. 101.

³⁾ Там же, стр. 135.

переселенцев, то и они не далеко ушли от казаков, поселенных раньше их с целью охраны границ российской державы: в то время, как таранчинцы и дунгаи получали с десятины 75 руб. 40 коп. и 76 руб. 40 коп. дохода, их доход с десятины равнялся только 19 руб. 20 копейкам. Ни в смысле разнообразия культур, ни в смысле системы хозяйства русские не превзошли оседлых туземцев — таранчей и дунгаи; наоборот, последние возделывают рис, масличные, культивируют разнообразные сорта овощей, выращивают виноград, персики и даже иногда хлопок, которые требуют гораздо более интенсивного хозяйства, чем обычное крестьянское залежное полеводство. Даже хозяйство киргиз кочевников, в смысле приспособления к природным условиям области, но, конечно, не в смысле техники, стоит выше хозяйства русских¹⁾. То же самое говорит и отчет ревизи Палена: «Обработка земли на крестьянских наделах самая первобытная. Пашут на глубину 2—4 вершков, по одному разу, больше с весны. Удобрение не применяется. Урожай, первоначально доходившие до 150—200 пудов с десятины, понизились в настоящее время на отведенных крестьянам землях до 30—60 пудов²⁾». Именно это обстоятельство было причиной постоянного увеличения переселенческих аппетитов на киргизские земли, причиной дальнейших «законных» и самовольных захватов. Все перечисленные факты и цифры служат прекрасным показателем «цивилизаторской» роли «Российской империи» в Туркестане. «Грабь и давай грабить других!» — таков был реальный смысл колониальной политики российского самодержавия.

Именно вследствие этой политики количество киргизского населения за период 1902—1913 годов уменьшилось с 77% общей массы населения до 68% таранчинцев и дунгаи с 6,7% до 4,9%, количество же русских и «прочих» возросло с 16,3% до 26,2%. Русские переселенцы захватили все лучшие земли по водным линиям, захватили скотопрогонные участки, соединяющие зимовья с летовками, отняли у киргиз возможность безболезненного перехода к земледельческому хозяйству и вместе с тем создали совершенно невыносимые условия для ведения скотоводческого хозяйства. Об этих условиях лучше всего говорит сравнение расходного бюджета киргиз с расходным бюджетом русских: тогда как русский переселенец в мирное время, ведя по преимуществу натуральное хозяйство, затрачивал на личное потребление 54% и 34,8% на хозяйственное потребление, киргиз затрачивал на личное потребление 72,2% и только 21,4% на хозяйственные нужды³⁾. На заведомо невыгодных условиях сдавал он землю переселенцу, платил ему за право прогона своего скота по его территории, зачастую должен был покупать у него хлеб, а то и каниматься к нему в батраки. Чернорабочих в Семиреченской области более чем достаточно. Ни

¹⁾ Там же, стр. 5.

²⁾ «Переселенческое дело в Туркестане». Отчет ревизи Палена, стр. 149.

³⁾ Васильев, цит соч., стр. 138.

рабочий рынок их составляет туземное население, главным образом в лице киргизов. В ближайшем будущем (это писалось в 1913—1914 г.) следует ожидать, что этот рабочий рынок будет все более расширяться в смысле предложения, так как переход киргиз от полунатурального пастушеского хозяйства к новым более высоким формам земледелия и скотоводства, с преобразованием хозяйства в товарно-денежное, неизбежно поведет к пролетаризации части киргизского населения. И сейчас уже киргизы-бедняки составляют в Семиречье многотысячный кадр батраков, работающих как у своих богатых соплеменников, так и в русских хозяйствах (в редком, мало-мальски зажиточном дворе, казака или крестьянина не встретишь одного, а то и двух работников-киргиз). Но в настоящее время (?) киргиз-батрак, скопивши сотню—две рублей и купив голову—две скота, может снова присоединиться к аулу своих сородичей; в дальнейшем же, по мере ограничения землепользования киргиз, эта возможность будет становиться все менее осуществимой, и постепенно образуется кадр киргиз-пролетариев, как это уже имеет место в степных областях Сибири, особенно в местностях, прилегающих к Омской и Ташкентской железным дорогам¹⁾. Такую перспективу безысходного рабства прочили для киргиз-господа российские цивилизаторы, перспективу вполне реальную, поскольку над ней работала все силы старого режима! Если колониальная политика царизма делала киргиз жертвой жестокой, эксплуатации русских переселенцев и казаков, быстро превращавшихся на вольных землях в настоящих столыпинских помещиков, то, одновременно, она укрепляла и искусственно поддерживала господство баев и мананов в киргизской среде. Туземное население, — гласит отчет ревизии Палена, — как казацкое (киргизское степное), так и кара-киргизское (горское), еще до сих пор не порвало вполне с родовым бытом и подразделяется на две группы: джакшиляров (бай-богачи, мананы — лучшие люди) и кара-букару (бедняки). В руках первых, составляющих, по удостоверению знатоков киргизского быта, не свыше 40% всего населения, фактически сосредоточены громадные стада, лучшие земли и все органы туземного самоуправления и народного суда. Что же касается кара-букары, то она пользуется землей лишь в меру милости джакшиляров и уплачивает в их пользу негласные налоги; едва ли не вдвое превышающие казенные сборы²⁾.

Под тем же воздействием российской колонизации и русского капитала, под которым оказались узбеки и киргизы, оказались и туркмены, наиболее отсталый, в хозяйственном отношении, народ из всего коренного населения Туркестана. Предоставим же опять слово одному из казенных политиков прошлого. В Туркменастане, в Закаспии, русское влияние сказалось более сильно, нежели в области ирригации, в сфере

¹⁾ Там же, стр. 189—190.

²⁾ „Переселенческое дело в Туркестане“, стр. 164.

техники полеводства и системы сельскохозяйственного хозяйства туземцев. Это влияние шло, главным образом, в силу того обстоятельства, что с приходом в Закаспий русских сельскохозяйственное хозяйство туркмен приспособилось железнодорожным путем к европейской экономической жизни и стало испытывать на себе изменения экономической конъюнктуры. Та эволюция, которую проделало туркменское земледелие за последние 20—30 лет, одним культурным (гм, гм) влиянием русской администрации не объяснить, гораздо больше значения, как действующая причина, имеет, конечно, второй элемент — появление в Закаспийской области железной дороги, сделавшее туркмена-земледельца поставщиком хлопка для прядильных и ткацких фабрик Московско-Владимирского района. Со сказочной быстротой растущая площадь хлопковых посевов меняет в корне не только систему хозяйства и полеводства, но несет с собою изменения правового и социально-бытового характера у туземцев. Вместе с ростом хлопковой площади, раньше только передельные земли начинают участок за участком превращаться в мюльки (частную собственность). Параллельно этому растет ценность земель, появляется стремление их закрепить за собою и родовой обычай „адат“ дает под напором развития экономики трещину, — появляется институт купли-продажи земель, по „адату“ недопустимый. Растет прогрессивно цена на хлопок, увеличивается площадь посева хлопка, растут и денежные обороты кочевников-туркмен, и их хозяйство начинает все более и более превращаться из натурального хозяйства кочевника-земледельца в денежное хозяйство промышленника-хлопководы. Русские застали в Закаспийской области только культуру яровых хлебов, люцерны, дынь и незначительные посевы азиатского хлопчатника — „карагуза“. Земледельческое хозяйство велось по передельной системе, которая сохранилась еще и теперь на общинных землях. Промышляя разбоями (1) и скотоводством, текинцы занимались земледелием только постольку, поскольку это было им необходимо для получения основных продуктов потребления. Наиболее состоятельные из них, скотоводы, повидимому, и совсем игнорировали земледелие, предоставляя это занятие бедноте (2).

Русское владычество заставило туркмен ускорить свое оседание на землю. В 1916 году под Мервом хлопок составлял 44,6% всех посевов и 39,2% площади пашни, доходя на мюльках в среднем до 49,5%, а иногда до 1/2 и выше всей площади пашни (хлеба на мюльках занимали 47,5%, а на общинных — 9%, составляя в среднем 38% всей площади (3)). Переход от общинного землевладения к подворочно-наследственному в Закаспии был обусловлен не только переходом к интенсивной культуре, требующей личной заинтересованности произ-

• 1) В. В. Русинов, Возделываемые отношения и община у туркмен, Ташкент 1918 г. стр. 12—13.
 2) В. В. Русинов, ит. соч., стр. 16.

водителя, но и необходимостью более целесообразного использования воды, чего нельзя было достичь при хаотическом общинном („санатико-вом“) землевладении, между тем нехватка воды всегда являлась корнем аграрного вопроса в выжженном солнцем пустынном Закаспии. Под влиянием внешнего напора патриархально-родовая община туркмен разлагается. Владельцы крупных стад занимают и на земле „такое же привилегированное положение, как и в скотоводческом хозяйстве“. В туркменскую среду проникает торговый капитал в лице арийн, персов, кавказских татар, бухарцев и хивинцев. Старые патриархальные отношения здесь, как и везде, уступают место ростовщической кабале.

Если теперь мы перейдем от экономического базиса к политической надстройке, от нового строя производственных отношений, созданных колониальной эксплуатацией, к колониальному управлению, то мы сразу же убедимся в полном соответствии „надстройки“ „базису“. Один из казенных горлопанов, лет двадцать тому назад, писал: „С момента, что азиатам делаются ясны основы нашей Верховной власти, они с нами едины духом... Глубоко и убежденно преклоняясь перед искусством Британии владеть над океанами и чужими царствами, всякий патриотично, но беспристрастно мыслящий русский не может и не смеет закрывать глаза на коренную противоположность се правильного (I) и нашего далеко не уурядоченного (II) хозяйничанья в пределах того же громаднейшего и населеннейшего материка. Для одних это — приятная, но далеко не надежная оккупация земель, облюбованных солнцем и с невероятно дешевым человеческим трудом на других из-за куска хлеба“. Для антипода Англии, для Азии белого дара, есть домостроительный принцип, недостаточно еще переведенный в туземную жизнь¹⁾. В этом случайном образце полицейской поэзии очень правильно подмечено сродство царской монархии с азиатскими деспотиями. Шествуя по стопам ханов, царская Россия действительно „насаждала“ в Азии свой „домостроительный принцип“. Для нее колониальная политика была прежде всего средством расширения фундамента полукрепостнического, полубуржуазного строя. Оккупация земель, облюбованных солнцем и с невероятно дешевым человеческим трудом на других из-за куска хлеба, была прямым средством укрепления и защиты помещичьего землевладения в России. Эта „оккупация“ была гвоздем решения аграрного вопроса у всех правых партий еще до революции 1905—1907 г.г. Кадеты, стремившиеся примирить помещичьи привилегии с буржуазным прогрессом: чем ближе к мировой войне, тем больше рисовали заманчивость перспективы колониальной политики. Наконец, после октября 1917 года, буржуазно-помещичья контр-революция всех цветов и оттенков признала одной из своих ближайших задач — „движение на Восток“. „Колонизационное движение на Восток должно стать осью экономиче-

1) Кн. Эсер Ухтомский, К событиям в Китае, 1900 г., стр. 83, 15.

ской политики в области сельского хозяйства¹⁾ — так заявили ее авторитетнейшие идейные представители. В этом вопросе российские Угрюм-Бурчеевы вполне сошлись с Колупаевыми.

В Туркестан российское самодержавие перенесло в готовом виде свой административно-полицейский аппарат, несколько преобразовав его в соответствии с местными особенностями²⁾ в смысле более последовательного проведения „домостройного принципа“: наверху — генерал-губернатор, за ним — губернаторы по областям, ниже — уездные начальники. Так же, как и в России, царское правительство долгое время поддерживало общину, используя ее, как полицейско-фискальный аппарат: здесь оно оставило в неприкосновенности на низших ступенях „местное самоуправление“ в виде волостных управителей, сельских старост — „думов“ и народных судей — „казиев“. Русский хлопчатобумажный и торговый капитал сделал бая-ростовщика проводником своего влияния в мусульманском кишлаке, — российское самодержавие сделало его охранителем великодержавных „прав“ русской нации. Само собой разумеется, что сюда сплавлялись все отбросы резервной армии российской дворянской и служилой бюрократии. Здесь они находили широчайшее раздолье для личного производства, самого беззастенчивого и дикого грабежа, взяток и насилий без конца и предела. Все русское здесь жило и воспитывалось в сознании того, что коренное население Туркестана не люди, а рабочий скот, который нужно бить, грабить, насиловать. Недаром же в этой стране бесправия сложилась характерная песня:

Ох ты, Азия печальная,
Безответная страна —
И с начальством безначальная,
И с богатствами бедна.

Здесь каждый рядовой русский полицейский брал деньгами и натурой — вплоть до чужих жец, — сколько ему хотелось. Если он встречал сопротивление, он бил, убивал. Все равно, все преступления прикрывались благодетельным начальством!

Здесь обогащались, как в сказке. Захватывали у туземной бедноты любой участок земли с постройками на том основании, что... по шариату „тот, кто оживит землю, владеет ею“³⁾. Здесь не было границ „истинно-русской подлости“. В 1916 году была объявлена мобилизация киргиз на окопные работы. Доведенные угнетением до отчаяния, они восстали с дубинками и кетменями, первобытными орудиями труда и защиты. Усмирение было чудовищным по своей жестокости.

Резали и стреляли без числа женщин, детей, стариков. Потoki крови смешивались с грязью разрушаемых глинобитных стен.

Десятки кишлаков и аулов в Джизакском уезде, в Семыречье и

¹⁾ Проф. В. И. Гриневецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности, Москва 1919 г., изд. „Центросоюза“, стр. 188.

²⁾ См. Ильин, В далеком краю (роман), 1913 г., Ташкент.

Сыр-Дарьинской области были сгерты с лица земли. Земля, имущество, скот и постройки были конфискованы и отданы в награду русским кулакам, принявшим живейшее участие в усмирении. В кишлаки и аулы мог приходиться всякий и брать все, что ему хотелось. Еще и сейчас разрушенные стены в усмирённых уездах стоят, как живые памятники российского самодержавия. Память о 1916 году еще и сейчас крепко живет в сознании мусульманской бедноты.

Любой русский жулик при достаточном запасе наглости и оборотливости мог делать в Туркестане все, что ему угодно.

Здесь числилось 2% грамотных на родном языке среди населения. В числе прочего, царское правительство занялось здесь руссификацией. Черносотенные „миссионеры“ Остроумовы и губернаторы Лыкошины обращали „нехристей“ в православие и учили думать и чувствовать по-русски. В конце 1906 года в Туркестане были следующие русские учебные заведения:

	Число заведений.	Число учащихся.
Мужские гимназии	5	1.949
Женские гимназии	5	2.451
Учительские семинарии	1	87
Реальные училища	4	383
Ташкентский кадетский корпус	1	280
Мариинские училища (благотворит.)	1	240
ремесленные училища	1	83
технические	1	73
городские	21	3.091
приходские	165	10.728
Начальные и сельские училища	89	14.787
Русско-туземные школы	82	3.072
Железнодорожные училища	22	1.977
Итого	395	29.201

Кроме того, в пределах Бухарского ханства имелось 6 начальных училищ с 300 учащимися. Частных учебных заведений в Туркестане насчитывалось в 1906 г. 12 с 835 учащимися. Таким образом, в 1906 году общее число русских учебных заведений в крае составляло 413 с 30.336 учащимися; около 30% этого последнего числа составляют туземцы-мальчики¹⁾.

К этим цифрам нечего прибавить. Они дают документальное доказательство православно-националистического иракобесия.

Крайне типично распределение населения Туркестана по сословиям (по переписи 1897 г.)

¹⁾ Масальский й. „Туркестанский край“, стр. 333—339.

ОБЛАСТИ.	Дворяне и чиновники.	Духовенство и горожане сословия.	Крестьяне.	Казачья.	Ущербные Ущербные.	Иностранцы и прочие сословия.
Семиреческая	0,3%	3,1%	6,2%	—	87,1%	0,2%
Сыр-Дарьинская	0,4%	1,1%	2,3%	6,1%	95,2%	0,3%
Ферганская	0,1%	0,3%	0,5%	—	99,1%	—
Самаркандская	0,3%	0,7%	1,5%	—	97,4%	—
Закаспийская	1%	2,3%	9,5%	—	87%	—

Таким образом, можно с полным правом утверждать, что от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ всего русского населения Туркестана составляли профессионально-паразитические сословия — дворяне, чиновники, духовенство и кулаки. Если к ним присоединить еще кулацкую часть крестьянского и казачьего сословия, то окажется, что большинство пришлое русское население принадлежало к эксплуататорским группам разных степеней и рангов. Это и была живая сила колониального аппарата российского самодержавия и великодержавного капитала: она «сметала» киргиз с их земель, командовала угнетенными нациями Туркестана, брала взятки, обмеривала, обвешивала, торговала, ссужала деньги, скупала хлопок, грабила, душила и усмирляла. Она непосредственно опиралась на штыки русской оккупационной армии. Ей принадлежало управление краем и руководство его экономической жизнью. Она группировала вокруг себя отбросы туземного общества — переводчиков, подпольных адвокатов, спекулянтов, туземных полицейских. Ее опорными стратегическими пунктами были новые города, состоявшие почти сплошь из казарм, чиновничьих канцелярий, казенных квартир и лавок, железная дорога, русские поселки и казачьи поселения, врезавшиеся хитрым «на прусский манер» во владения коренного населения. Такова была общественная основа колониального гнета и колониальной эксплуатации в Туркестане.

IV. Революция в Туркестане.

До февральской революции 1917 года в Туркестане не было мало-мальски широкого революционного движения, за исключением стихийного отклика на революцию 1905—1907 г.г. в России, в среде русского пришлого населения. В 1905—1907 г.г. было „движение“ либерально-чиновничьей интеллигенции, были демонстрации с красными флагами, были солдатские восстания (Ташкент, Асхабад, Кушка), была железнодорожная забастовка, были „дни свободы“. Не было одного, — никакой связи между этим движением в среде национально-привилегированного меньшинства и жизненными интересами широких масс коренного населения Туркестана. Либеральные адвокаты, инженеры, врачи и чиновники были того мнения, что освободительное движение есть дело только „русского передового общества“; солдатам и рабочим было невдомек, что они живут и борются в царской колонии. В среде последних сочувствием пользовались эсеры. Для классового интернационального пролетарского движения здесь было слишком мало почвы. Правда, в 1907 г. во II Государственную Думу был избран бывший вице-губернатор Наливкин, приписавшийся социал-демократической фракции, но не был ли и самый этот факт простым проявлением либерально-чиновничьего желания „сделать обратное“ начальству?

В 1912 г. было солдатское восстание в Троицком лагере около Ташкента, жестоко подавленное.

В мусульманских кругах в 1905 году начинается национально-культурное движение. Уже с конца XIX века в Туркестане появляется Крымская газета „Тарджуман“ („Переводчик“), ратующая за культурное обновление (ее редактором был известный Измаил Гаспринский, умерший в 1914 г.). В 1905 г. и после 1905 г. начинает выходить целый ряд местных газет: „Тарахки“ („Прогресс“) под редакцией Габитова (выходила меньше года), „Хуршид“ („Солнце“), ред. Мунаввар Кари, журнал „Айна“ („Зеркало“), издававшийся поэтом Бек-Буди (1912 г.), „Сади Туркестан“ Убайдуллы Ходжаева, демократическая газета „Юрт“ („Страна“), выпустившая в 1912 г. в Коканде всего 2 номера. Мусульманская интеллигенция, в лице „джалидов“ (буквально: сторонников нового метода), выступает с требованием реформы школы,

аведения новой орфографии¹⁾, изгнания арабщины и древне-греческой схоластики из преподавания и развития национальных культур. Ей приходится вести ожесточенную войну с улемой, с мусульманскими книжниками из духовенства, которые объявляют новое движение „изменой исламу“, „безбожной“ европеизацией и нарушением религиозного закона „шариата“. Постепенно это движение оформляется и политически, как прогрессивно-национальное движение. Оно растет под влиянием татарской и киргизской интеллигенции, где „джадиды“ еще и раньше завоевали прочные позиции. Узбекская интеллигенция, в силу исторических условий,—крепости средневековой религиозно-культурной традиции в среде узбеков, бывших в старое время наследителями и оплотом ислама в Туркестане,—лишь постепенно и медленно втягивается в это культурно-национальное движение. Тем не менее и она вовлекается в общий поток пробуждающегося мусульманства.

Лет за 5, за 6 до революции начинает выходить и на русском языке печатный орган, прогрессивный „Голос Туркестана“.

Однако это движение за светскую школу и национальный прогресс, выражающее национальную потребность в буржуазном развитии, слишком слабо, чтобы перевернуть тысячелетний быт. Оно не распространяется дальше интеллигентной верхушки, безграмотный ремесленник-полупролетарий и дехкан не только чужды ему, но ничего о нем и не знают.

Таким образом, мы видим, что до революции 1917 г. никакой революционной идеологии, связанной с условиями Туркестана, даже никакой объединяющей связи в слабых намеках на революционное движение в среде русского населения, никакой революционной организации масс, никакой революционной традиции нет. Между толщей угнетенных наций и русским пришлым населением — непроходимая стена взаимного непонимания на почве национального неравенства.

В революцию 1917 г. Туркестан вступил вполне „первобытно“.

Февральская революция пришла сюда по телеграфу. Генерал-губернатор Куропаткин первоначально пустился на провокацию, предложив рабочим формировать бронепоезда „на случай восстания туземцев“. Провокация сорвалась. На местах и в Ташкенте дошли аресты сторонников старого режима. В Ташкенте организовался Совет солдатских и рабочих депутатов. Кое-где и в других местах образовались Советы, хотя первенство принадлежало не им, а „Комитетам общественной безопасности“, краевой съезд которых происходил в мае. Вскоре после нескольких черносотенных приказов, из которых особенно прославился приказ о назначении ташкентской думы наполовину из русских, наполовину из мусульман, Куропаткин, пытавшийся остаться прежним главой „военно-гражданской“ самодержавной власти в крае, был увезен в Петербург. На место генерал-губернатора был назначен

¹⁾ По старой орфографии нужно учиться читать 10—12 лет!

„Комитет временного правительства“ из кадет, под председательством Щепкина. Сразу же встал вопрос о „контакте“ с Советом. Большевиков здесь не было. На общественной арене подвизались только меньшевики и эсеры, объединявшие „революционную“ обывательщину, но волею-неволею им пришлось играть роль проводников „разложения“ российской державной „государственности“. Солдат не хотел больше слушать офицера. Рабочий требовал более решительного введения новых порядков. Продовольственный кризис, необычайно обострившийся в городах благодаря прекращению подвоза хлеба из России¹⁾, стучался во все двери. Наряду с Советом создался „Совет общественных организаций г. Ташкента“ из черносотенно-офицерских и буржуазно-чиновничьих элементов, поставивший своей задачей поддержание „твердой власти“ в крае. По всем городам из подлежащих военной мобилизации туркестанцев организовались шумно-черносотенные „союзы туркестанцев“, деятельность которых была одним непрерывным скакдалом.

Уже в начале мая „Туркестанский комитет временного правительства“, ввиду реорганизации состава временного правительства с одной стороны и наличия трений между комитетом и ташкентским Советом солдатских и рабочих депутатов и Сыр-Дарьинским областным съездом тех же организаций — с другой, признал для себя обязательным просить временное правительство об „освобождении“ пленов туркестанского комитета от исполнения возложенных на них обязанностей²⁾. „Контактная“ канитель продолжалась и дальше впредь до сентябрьских событий и даже октябрьских дней. Совет все время не сходил с оборонческо-соглашательской точки зрения. Криками: „Да здравствует Керенский!“ пестрят все заседания Совета. О большевиках в Совете все время говорят как об „иностранном продукте“, хотя и великодушно стараются простить им „увлечения“. С чисто-казенным энтузиазмом Совет голосует за наступление. Образовавшийся позже краевой Совет ведет ту же, с позволения сказать, линию. И все же трещина растет.

Растет и в центре, и на местах.

✓ Совершенно особым путем идет политическое развитие мусульманских масс. Коренным вопросом революции для них, конечно, был вопрос о национальном освобождении. На съезде русских с.-д. в июле была принята весьма туманная резолюция о „культурно-национальной автономии“ для Туркестана с той мотивировкой, что до уничтожения капитализма возможно лишь „ослабление (!!) национального гнета“, при современных же условиях только культурно-национальная автономия может защитить права „национальных меньшинств (!!)“³⁾. Еще более расплывчатая резолюция была принята съездом туркестан-

1) До революции в Туркестан ввозилось 4 миллиона пудов хлеба.

2) „Туркестанский Курьер“, 9 мая 1917 г.

3) „Наша Газета“, 6 июля 1917 г.

ских эс-эров. Смешно думать, что эти резолюции могли иметь какое-либо влияние на мусульманскую массу! Уже на происходившем одновременно со съездом „комитетов общественной безопасности“ первом мусульманском съезде в мае 1917 г., в Ташкенте происходит горячий обмен мнений по вопросу о национальном самоопределении. „Улема“ столкнулись с прогрессистами-демократами—Незамеддин Ходжаевым, Гурсун Ходжаевым, Мунаввар Кари, Нарбутабековым и др. Был поднят вопрос об отношении Туркестана к России. На этом первом съезде прогрессисты еще боятся резко высказаться за отделение: отделение лишило бы прогрессистов поддержки „русского либерального общества“ и дало бы полную победу улема. Съезд выбирает „краевой совет мусульманских депутатов“, краевой „Шуро Исламия“.

На местах и в Ташкенте джаиды, представляющие национально-либеральное движение, объединяются, главным образом, вокруг „Шуро Исламия“, как общенационального центра. Улема группируются в своем „обществе улема“ („Джемгуриате Улема“), которое приобретает, особенно в Ташкенте, большую силу.

Неожиданный для русских соглашателей конфуз получается на выборах в ташкентскую (городскую) думу. 60 мест получают улема, партия мулл и баев. „Улема“ подавляет думу своим большинством и непосредственностью. Она выставляет истинно-русского царского колонизатора, участника джизакской резни 1916 года, бывшего вице-губернатора Лыкошина своим кандидатом в городские головы. „Улема“ совершенно откровенно ориентируется (против мусульманских прогрессистов) на союз с черносотенными элементами колониального чиновничества. У „улемы“ отсутствует всякое понимание общенациональных, политических интересов мусульманства. Как партия, это—котерия баев и мулл, которые буквально не идут дальше интересов своего объемистого кармана. Когда в одну из комиссий выставляется с-д интернационалист Султан-Ходжа, они его цинично отводят, „потому что Султан-Ходжа не коммерсант, а мастеровой“¹⁾.

Следует отметить, что уже в это время кое-где намечаются зародыши мусульманских классовых рабочих организаций. В Ходженте мусульманские рабочие депутаты входят в общий Совет. В Самарканде организуется „союз трудящихся мусульман“, „Иттифон“. В Коканде организуется несколько позже такой же союз. Там же на выборах в городскую думу выставляется рабочий список „номер четвертый“—„туртенчи“. Во время агитации за него толпа, натравленная улемистами, убивает нескольких рабочих. Позже этот „номер четвертый“ среди мусульманства вообще становится синонимом антиклерикальной и социальной революции, „большевизма“ и сторонников его вырезают басмачи—наемные бандиты баев и мулл Ферганы. Кроме перечисленных мест, возникает некоторое подобие мусульманского профессионального союза рабочих еще и в Намангане. Однако

¹⁾ „Наша Газета“, 12 сентября 1917 г.

все это — лишь слабые зачатки. Они беспощадно вытрафливаются улемистами и совсем не в силах бороться с „Шуро Исламия“, центрами буржуазно-национальной концентрации мусульманства. У мусульманской бедноты нет своих вождей, своего голоса, своей печати. „Джадидское“ же движение распространяет свои идеи через газету „Улук Туркестан“ („Великий Туркестан“, под ред. Бакирова). Широко распространяется и оренбургская газета „Вакт“ („Время“), издаваемая известным Каримовым. Все культурные силы и средства к услугам буржуазной интеллигенции. Пока

В столицах шум, гремят витки,
Кипит словесная война;

в Семиречье удушение киргиз принимает вопиющие формы и размеры. Туда посылаются представители, комиссии, комиссары. Все тщетно. Кулак, заживший на грабеже киргиз и хорошо помнящий 1916 год, по-своему пользуется революцией. При первом слухе о том, что дунгане собираются из Китая в Семиречье, начинается массовый погром киргиз.

Вот отрывок из доклада пржевальской группы депутатов крайовому Совету: „Один крестьянин берет себе киргиз в работники, а другой, этих работников убивает. Крестьяне группами ездят обирать киргиз, не останавливаясь перед убийствами. В с. Кольцовке есть один дезертир, бывший житель Сазоновки, который заявил, что целью их является вызвать восстание киргиз для того, чтобы их перебить. В с. Григоровке крестьяне сожгли 5 киргиз, завернув их сначала в кошмы. 18 апреля около Кольцовки этой же участи подверглось 9 киргиз. Был случай нападения партий русских на киргиз в с. Быстротечевской (Пишпекского уезда)¹⁾. Мы спрашивали представителей 3 волостей, в числе около 30 человек. Во-первых, среди киргиз — полный голод: хлеба у них самих нет, а крестьяне его им не дают. Во-вторых, русские крестьяне и отпускные солдаты беспощадно грабят и убивают киргиз. Если бы не российские солдаты, которые стоят здесь на охране, от киргиз осталось бы одно воспоминание. В третьих, часто киргиз насильно уводят в работники и заставляют их работать бесплатно“²⁾. — Семиреченский кулак, с первых же дней революции, бценил развал царской государственности с точки зрения возможности разнуздания всех своих звериных, рабовладельческих и разбойнических инстинктов, которые в нем усиленно укреплялись и развивались царским правительством. И он сразу же воспользовался удобным поводом для того, чтобы повторить 1916 год. С начала революции кулачье стало забирать землю, домашний скот и даже жен и детей у киргиз, творя над ними чудовищные зверства и жестокости. Роковую роль в этом отношении сыграли слухи о том, что дунгане, бежавшие от погрома 1916 года в Китай, возвращаются

¹⁾ „Наша Газета“, 20 июля 1917 г.

²⁾ „Наша Газета“, 2 июля 1917 г.

в Семиречье. Посланный в Семиречье комиссар временного правительства Шкапский фактически взял на себя руководство этим массовым живодерством, цинично заявив киргизам, что „ни о каком примирении речи быть не может и киргизы должны быть выселены“¹⁾.

По поводу семиреченских зверств мусульманскими прогрессистами-демократами, (Неззмеддин Ходжаевым и др.) 18 августа в Ташкенте была устроена демонстрация протеста. Киргизская интеллигенция несколько раз пыталась провести объединение краевого Совета киргизских депутатов с краевым Советом крестьянских депутатов, чтобы путем „примирения“ верхов достигнуть прекращения зверств на местах. К семиреченским убийцам в слащаво-благожелательном тоне обращалась эс-эровская „бабушка“, Брешко-Брешковская с призывом: „дети мои (!), семиреченские крестьяне!“ Могло ли все это спасти несчастных мучеников российского империализма?!

Керенский, во время приема делегации узбеков в Петербурге, просивших его об отмене запрещения земельных сделок в Туркестане, на старый монархический манер и в истинно-монархических выражениях, заявил о своей верности старой политике: „Верю в вашу преданность нашей (!) родине и не верю слухам, что в Туркестане готовятся волнения против России; но предупреждаю, если бы таковые где-нибудь произошли, будут приняты самые суровые меры“²⁾. Шкапские и К^о делали то, о чем говорил российский Бонапарт из либеральных адвокатов.

Между тем в Ташкенте, в новом городе, назревали новые события. 12 сентября в 4 часа дня в Александровском парке в Ташкенте собрался грандиозный митинг железнодорожных рабочих и солдат, который вынес следующую резолюцию: „Обсудив вопрос о создавшемся в Ташкенте остром продовольственном кризисе и рассматривая его в общероссийском размере, вся ташкентская революционная демократия, в лице 1 и 2 Сибирского полков, мелких команд, рабочих Ташкентской и Средне-Азиатской железных дорог и представителей революционной демократии, собравшись 12 сентября на митинге в Александровском парке, считает необходимым заявить, что из создавшегося положения она видит выход:

1) В немедленной реквизиции всех находящихся у капиталистов предметов и продуктов первой необходимости, что может исполнить только местная власть, опирающаяся исключительно на Советы рабоч., солд. и крест. депутатов.

2) В осуществлении полного рабочего контроля над производством и распределением продуктов.

3) В национализации банков и предприятий, имеющих государственное значение.

¹⁾ „Наша Газета“, 21 июня 1917 г.

²⁾ „Аудисия“ происходила 24 августа 1917 года.

4) В правильном обмене продуктов между деревней и городом с тем, чтобы крестьяне могли получать мануфактуру, городские продукты и сельско-хоз. орудия, а городское население — хлеб.

5) В немедленном переходе всех земель без выкупа в руки трудового крестьянства.

6) В издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения Совета рабочих депутатов, профсоюзных союзов и фабрично-заводских комитетов.

7) В немедленном издании закона о страховании безработных за счет предпринимателей.

8) Все изложенное может быть осуществлено только при условии немедленной передачи всей полноты власти в руки Советов рабочих, солдат и крестьянских депутатов.

9) Немедленное образование революционного комитета в Ташкенте из представителей всех органов революционной демократии, который с завтрашнего же дня взял бы всю полноту, произвел бы немедленный учет всех продуктов и взял бы на себя их распределение.

Собрание протестует против действий краевого Совета, который не стоит на защите рабочих и солдат и ведет политику соглашательства с буржуазными партиями и немедленно требует переизбрания, для чего должен быть немедленно созван краевой съезд¹⁾.

Если вспомнить, что первый съезд большевиков в Туркестане происходил лишь чуть не год спустя, в июне 1918 года, то нужно будет признать, что большевизм появился здесь стихийным путем раньше самих большевиков.

„Гвоздь“ резолюции 12 сентября был в „учете и распределении продуктов“. Очень показательно, что в резолюции не было ни слова о временном правительстве, ни слова о войне.

14 сентября председателем Комитета временного правительства, с.д. бывшим вице-губернатором Наливкиным, была отправлена в Петербург телеграмма с тенденциозным освещением происшедшего, ссылками на избивание командующего войсками Черкеса и других белогвардейцев, к слову сказать, пытавшихся арестовать новый Ревком, избранный ташкентским Советом, и просьбой о назначении нового командующего войсками из Петербурга.

16 сентября белогвардейцами была повторена попытка „восстановить порядок“. Писаря разных штабов и управлений оказались вдруг вооруженными вместо перьев ружьями и собрались у помещения воинского начальника; юнкера школы прапорщиков, сняв охрану артиллерийского склада, взломали сарай, где хранилось оружие и патроны, и вооружились²⁾. Но во время встала под ружье и другая сторона. „Стараниями представителей революционной демократии кровопролитие было избегнуто“. Краевой совет сбежал от рабочих.

¹⁾ „Наша Газета“, орган ташкентского Совета, 14 сентября 1917 г.

²⁾ „Наша Газета“, 19 сентября.

и солдат в Скобелев и там развил кипучую провокационную деятельность. — после того, как ему не удалось в Ташкенте с помощью Черкеса посадить под замок Ревком.

Уже 16 сентября Керенский телеграфировал из Петербурга: Преступная попытка ташкентского Совета распатыть на далекой окраине власть республиканского (!) правительства является явно контр-революционной (!!). Высылаются войска и пулеметы¹⁾. Либердановский Ц. И. К. Советов подкрепил эту бонапартовскую угрозу плаксивым заявлением с своей стороны о том, что „всякие насильственные и незаконные выступления против органов революционной демократии и лиц командного состава, в особенности (!) против избранных Советами и утвержденных временным правительством, без различия лозунгов (?!!), под коими такие выступления происходят, разрушают необходимую революционную дисциплину, разрывают единую революционный (!) фронт“²⁾.

У Ревкома и Совета совсем не было необходимой решительности и уверенности. Захват власти и назначение своего командующего войсками поручика Перфильева (при комиссаре с.с.-д. интернационалисте Вайнштейне) как будто произошли по недоразумению! Со стороны соглашателей это был бунт на коленях. Помимо своей воли часть их была „увлечена стихией“.

19 сентября Центральным Комитетом Совдеп., членом Ц. И. К. Советов „солдатских депутатов“ Першиным, Центральным Бюро профсоюзов Ташкента и комитетами с.р., с.-д., „Бунда“, латышской с.-д. партии была послана телеграмма с несмелым требованием „немедленного задержания карательной экспедиции, ограждения (?) от посягательства Совета солдатских и рабочих депутатов и поддерживающих его граждан, рабочих и воинских частей, прибытие представителей революционной демократии и учреждения следственной комиссии“³⁾. Люди захватили власть, а потом стали просить „следственной комиссии“ по поводу захвата ими власти! Одно из анекдотических происшествий эпохи керенщины!

Было уже поздно: генерал Коровниченко с броневиками ехал. Рабочие и солдаты были фактически брошены на произвол судьбы „революционными“ обывателями.

29 сентября в газетах уже появилось объявление „генерального“ комиссара и командующего войсками Туркестанского военного округа генерала Коровниченко о свирепой расправе с „мятежниками“. Контр-революционный юнкерско-чиновничий сброд Ташкента мог приветствовать пришествие твердой власти в виде генеральских броневиков. Тем не менее, Коровниченко пустил в ход свои броневики не сразу,

¹⁾ Телеграмма И. Т. А. от 16 сент. из Петербурга.

²⁾ „Наша Газета“, 20 сент.

³⁾ „Наша Газета“, 20 сент.

⁴⁾ От слова генерал!

а лишь только через месяц после их прибытия. Пока он пользовался ими только, как „моральной силой“.

Черносотенно-чиновничий „Туркестанский Курьер“, вылупившийся из генерал-губернаторских „Туркестанских Веломостей“, очень хорошо определил ту роль, которая возлагалась российской буржуазией на „революционную демократию“, на соглашателей в Туркестане: „На Советы (солд., раб. и кр. деп. — писал он за неделю до сентябрьских событий, — выпадает та роль, которая при прежнем режиме лежала на русских пушках. Формально революционный рабочий, солдат и крестьянин заменяет прежнего русского „сарбазу“ (царского солдата)“¹⁾. Советы должны были поддерживать тот „авторитет“ — в материальном смысле слова „авторитет“ — русской колониальной администрации, который раньше держался палочной дисциплиной в русской оккупационной армии в Туркестане. Им „надлежало“ поддерживать гражданский мир в среде русского пришлого населения для сохранения русского колониального господства в Туркестане. Старые методы воздействия на русскую рабочую и солдатскую массу были уже непригодны. Нужно было говорить „революционные“ речи в пользу империалистического наступления, чтобы держать солдат в повиновении офицерам; прославлять „демократию“, чтобы не было „самочинного“ вмешательства в действия властей предрержащих; назначать политических покойников с революционным прошлым, чтобы был порядок“²⁾, и т. д., и т. п.

Однако это оказалось невозможным. В бывшей царской колонии разложение устоев буржуазно-помещичьего, полицейского режима пошло даже гораздо быстрее, чем в метрополию. Прежде всего личный состав колониальной бюрократии, сколоченной из отбросов чиновничьего мира, оказался малопригодным для того, чтобы соглашательские присяжные поверенные могли с ним заключать „коалицию“. Этим и объясняются постоянные столкновения покорно-соглашательских Советов с военным и гражданским начальством. Во-вторых, сдерживающих центров, в виде буржуазных и мелко-буржуазных организаций, здесь было несравненно меньше, чем в России. Наконец, „последнее по счету, но не по значению“ — для солдатских и рабочих масс здесь не было реального, практического смысла в сохранении внутреннего, гражданского мира и „национального единения“ во имя спасения русского колониального господства. „Самодемобилизующийся“ солдат или впоследствии „красногвардеец“ самочинным путем здесь мог захватить больше жизненных благ у местного населения, чем могла ему обещать колониальная администрация, пытавшаяся все же „не терять контакта“ с иными верхами мусульманства, с улемой и баями. О русском

¹⁾ „Турк. Курьер“, 5 сент. 1917 г.

²⁾ Шлиссельбуржец Иванов, член фракции с.-д. II Думы Називкин и т. д.

переселенце не приходится даже и говорить: начиная с февральской революции, он стал хозяйничать в кишлаках и аулах, как в своем собственном кармане. Если где и можно говорить о „солдатско-потребительском коммунизме“, так это именно здесь, в царской колонии. Чем больше рос продовольственный кризис в новых городах, вызванный особыми условиями снабжения Туркестана хлебом (из России), чем больше росло революционное недовольство рабочих и солдатских масс, тем больше этот стихийный „черноперелесельский“, „солдатско-потребительский коммунизм“ вступал в свои права. Русско-национально-привилегированное меньшинство десятками лет здесь воспитывалось в сознании своего национального превосходства, в обстановке колониального грабежа и разбоя. Убеждение, что у „туземца“ можно брать силой все, что потребуется, здесь получило прочность „обычно-правового“ предрас-судка. Все знали, как в конце прошлого века, после восстания в Андикане, непокорные кишлаки были снесены и на их месте оказались нащипы русских переселенцев. У всех на памяти был 1916 год. Ни для кого не была тайной переселенческая политика русского правительства. Неизбежно было, что и русская революция в Туркестане сразу же приобрела этот роковой колонизаторский уклон. Немногочисленный русский рабочий класс Туркестана, сам занимавший привилегированное положение в производстве, без вождей, без программы, без партии, без революционной традиции, не мог противостоять этому напору националистической, хищнической, мелко-буржуазной стихии. Не мог противопоставить своей железной революционной воли аппетитам „самодемобилизующегося“ солдата старой армии, русского переселенца и мелкого чиновника, обывателя нового города. Он сам плыл по течению событий в искренних поисках лучшего будущего.

В сентябре 1917 года противоположность между революционными стремлениями русского национально-привилегированного меньшинства, в лице рабочих и солдатских масс, и национально-освободительными стремлениями мусульманской буржуазии и буржуазной интеллигенции уже вполне явно выплыла на поверхность. Одним нужны были хлеб и свобода, хотя бы за счет старого города и кишлака. Другим, как хлеб, пужна была национальная свобода.

В конце сентября в Ташкенте происходил чрезвычайный общемусульманский съезд, второй по счету ¹⁾. Одна из весьма симптоматических его резолюций гласила: „Выслушав делегатов с мест и находя, что в некоторых местах, благодаря вмешательству представителей Совета солдатских и рабочих депутатов, родовой вражды среди киргизского населения и зловредной агитации отдельных лиц, создается

¹⁾ Первый был в мае. На нем было очень неполное представительство.

среди мусульманского населения партийная борьба за власть недопустимыми способами, как-то — подкупом, избиванием, вымогательством и др. Первый краевой чрезвычайный общемусульманский съезд и совещание крестьянских делегатов с Исполнительным Комитетом краевого Совета крестьянских депутатов считают нужным указать на принципиальную недопустимость незаконного вмешательства чуждых и незнакомых с бытом и условиями жизни местного населения организаций всякого рода в дело организации и деятельность местных административных органов (аул, волость, участок, уезд); на абсолютную вредность, насилие, родовой, партийной вражды, питающей злостную агитацию со стороны безответственных лиц; признать необходимым обратиться к населению края с воззванием о сохранении на местах порядка, призвать граждан к дружной и солидарной работе по организации и просить туркестанский Комитет временного правительства принять срочные меры к введению земского самоуправления в крае и подготовке населения к предстоящим выборам в Учредительное Собрание¹⁾.

Тон делает музыку, и тон этой резолюции ясно говорит, что она была направлена не только против семиреченского переселенца, заседавшего во многие Советы, но и против Советов вообще. Этим же съездом была выражена уверенность в том, что представитель временного правительства Российской республики (Коровиченко) будет стоять на страже революционного порядка²⁾. Характерно, что им же, на конспиративном заседании, было вынесено постановление об автономии Туркестана. В этом постановлении говорилось: 1) Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская и Закаспийская области должны войти в состав Российской республики в качестве отдельной территориально-автономной федерации, организованной на началах национально-культурного самоопределения всех народностей³⁾, населяющих эти области, под наименованием Туркестанской Федеративной Республики⁴⁾. Ввиду отсутствия на съезде представителей Семиреченской области⁵⁾, съезд, не решая вопроса о будущем устройстве Семиречья, лишь высказал пожелание о включении ее в состав туркестанской федерации. Представители от Уральской и Тургайской областей заявили о своем желании, чтобы эти области вошли в состав туркестанской федерации. 2) Законодательная власть по вопросам внутреннего управления туркестанской федерацией и самоуправление ею, — говорилось дальше в резолюции, — принадлежит туркестанскому парламенту, избираемому

¹⁾ Туркестанский Курьер, 8 октября 1917 г.

²⁾ Очень поучительно для Федяевых и Бауэров, сторонников национально-культурной автономии, что реакционнейшие укейисты, представители средневекового, духовного порабощения масс, на этом съезде голосовали за национально-культурную автономию!

³⁾ Были случаи, когда киргиз, ехавших жаловаться только Комитету временного правительства, по дороге убивали семиреченские кулаки.

на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, сроком на 5 лет, с обязательно пропорциональным представительством в нем всех народностей, населяющих Туркестанский край. Законодательные функции туркестанского парламента должны быть точно согласованы с основными законами Российской республики и с требованиями шариата. 3) Туркестанская федерация имеет в г. Ташкенте свой сенат под наименованием „Махкама-и-Шарья“ (палата законов), которому присваиваются права опубликования и разъяснения законов и требований шариата (в отношении мусульманского населения), надзора за всеми правительственными учреждениями и лицами и правильным выполнением суда всеми судебными учреждениями и лицами. Ему же принадлежит право высшего судебного учреждения туркестанской федерации. 4) Председатель сената („Махкама-и-Шарья“) именуется „шейх-уль-ислам“ (генерал-прокурор) и является высшим блюстителем законов туркестанской федерации¹⁾.

Эта резолюция была продуктом компромисса между улемистами и прогрессистами. Именно поэтому над (нижней палатой — туркестанским парламентом) была поставлена верхняя — „Махкама-и-Шарья“, над конституционным парламентом был поставлен традиционный теократический совет высшего духовенства во главе с „шейх-уль-исламом“, хранителем „древлего благочестия“. Самое находчивое „Махкама-и-Шарья“ в Ташкенте вполне соответствовало видению „Улема“, имевшей здесь свой главный центр. Однако до октябрьского переворота идея полного отделения от России не была популярна. „Улема“ искала поддержки у черносотенных колониальных деятелей — из Остроумовской шайки, „джанды“, связанные через „своего кумира“, члена II Государственной Думы Максудова, с Комитетом временного правительства, у Наливкиных, Доррберов и Ю. Тот же чрезвычайный съезд выставил требование, чтобы не менее половины общего числа членов туркестанского Комитета временного правительства было предоставлено представителям от туземного мусульманского населения, и чтобы должности областного комиссара или его помощника, уездного комиссара или его помощника и участкового комиссара или его помощника были предоставлены представителям от туземного мусульманского населения²⁾. Таким образом мыслится определенный раздел власти между мусульманской буржуазией и улема, с одной стороны, и российской великодержавной буржуазией, с другой. „Туркестанский парламента“ и „палата законов“ должны были быть соединены; по крайней мере, временно, с русской колониальной администрацией. Особо предусматривалось, что, краевой „Шуро Исламия“ входит в полном составе в совещание при туркестанском Комитете времен-

¹⁾ „Туркестанский Курьер“, 11 ноября 1917 г.

²⁾ „Туркестанский Вестник“, 14 ноября 1917 г.

ного правительства и в «Махкама-и-Шарбия» с совещательным гололом. Предполагалось «взять „тихой сапой“ русский империализм и для этого, предлагалось „все существующие в крае мусульманские организации объединить в одну политическую партию под наименованием „Иттифак-уль-Мислимин“ (соглашение мусульман), программа которой должна соответствовать всем резолюциям настоящего краевого съезда, и в основу которой должны быть положены принципы устройства жизни мусульман Туркестанского края на началах шариата»¹⁾.

Отсюда видно, что сентябрьский съезд был попыткой создания общемусульманского „национального“ блока под лозунгами автономии и шариата. — „Джадиды“ уступили улемистам даже школу.

Положение русского империализма в Туркестане было уже поколеблено. Была поколеблена и вера в его, несокрушимость. Съезд высказался за скорейшую отмену всех твердых цен, отмену права реквизиции продуктов, а также и права монополий. Было постановлено прекратить посевы американского хлопка, сократившиеся в 1917 г. на 50%, и сеять исключительно хлеб. Мусульманская буржуазия отказывалась оставлять Туркестан прежней хлопковой плантацией русского капитала.

Пока в мусульманской среде шел медленный процесс самоопределения, революционный кризис в Ташкенте нарастал. С первого же дня своего приезда в Ташкент, Коровиченко начал действовать по выработанному в Петербурге шаблону. Сначала был отдан приказ о роспуске солдат-семиреченцев по домам, затем об отправке остальной части гарнизона на фронт. Члены ташкентского Совета были привлечены по 100-й статье царского уложения за „бунт против Верховной власти“. Под этим „бунтом“ разумелось участие в сентябрьских событиях. В ночь с 18 на 19 октября была разоружена и арестована крепостная рота, при чем броневиками был открыт „для остротки“ пулеметный огонь. „Еще ранее,—как передает орган Совета „Наша Газета“, — когда члены краевого Совета вели переговоры с генералом и всячески старались наладить отношения и создать тот контакт (11?) с властью, к которому стремился ташкентский Совет, но от которого упорно уклонялся генерал, давая всякие подписки и обещания с тем, чтобы все это самым беззащитным образом нарушить, генерал стучал кулаком по столу и кричал: Кровью залью Ташкент, но на своем поставлю!“²⁾.

Краевой Совет действительно, всячески старался избежать „бремени власти“. 28 октября, то-есть, как раз тогда, когда Коровиченко уже начал кровавую баню, предварительно арестовав 2 членов краевого Совета, эти рыцари печального образа, желавшие жить в мире и согласии с черносотенными генералами, снова подтвердили свое, с позволения сказать, решение. Вот выписка из журнала заседаний

¹⁾ „Туркестанский Вестник“, 14 ноября 1917 г.

²⁾ „Наша Газета“, 8 ноября 1917 г.

туркестанского краевого совета солдатских и рабочих депутатов: 28 октября 1917 года. № 80 (журнала) председательствовал т. Левин. Присутствовали т.т. Калугин, Бич-Брудневский, Николаенко и Мелешко, при секретаре Вышетравском.

Слушали: Отношение к текущему моменту по вопросу о переходе власти Советам.

Постановили: 1) Обсудив создавшееся общеполитическое положение в стране, мы, присутствующие на сем заседании члены Краевого Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, высказываемся против перехода власти Советам, а тем более (!) в руки большевиков, и считаем, что власть до созыва Учредительного Собрания должна оставаться в руках Временного Правительства как в центре, так и в Туркестане.

Слушали: Отношение Краса к генералу Коровниченко и Турккомитету.

Постановили: 2) Относясь отрицательно к поведению представителей Временного Правительства генералу Коровниченко, Дорреру и Шендрикову, проводивших все время с момента прибытия в Ташкент политику зигзагов (!), выражавшуюся в неоднократном нарушении данных обещаний; кроме того, в том, что генерал Коровниченко в проведении своей политики совершенно игнорировал мнение и интересы (!) представителей революционной демократии в лице Краевого Совета, выступал публично даже с бранными словами (!) по адресу товарищей — солдат и рабочих и способствовал поселению розни между европейским и туземным населением, а также принимая во внимание вынесенное в прошлом недоверие некоторыми (!) демократическими организациями Дорреру и Шендрикову, — Краевой Совет выражает всем вышеозначенным лицам недоверие (!) и считает их дальнейшее пребывание у власти недопустимым.

Слушали: Об организации Краевого Совета.

Постановили: Принимая во внимание, что деятельность генерального комиссара и Туркестанского Комитета воспротивилась демократическим организациям и внесла возбуждение (!) в широкие демократические массы, повлекшее за собой отказ от повиновения и последовавшее за сим (!) открытое выступление рабочих и солдат, а также принимая во внимание, что и закончившийся 26 сего месяца 2-й крестьянский краевой съезд (русский), протестуя против действий генерала — Коровниченко, Доррера и Шендрикова, выражая им недоверие, требует их немедленного удаления, ввиду создавшегося грозного положения, Краевой Совет Солдатских и Рабочих Депутатов предлагает Временному Правительству (!) о немедленном удалении Турккомитета в лице Коровниченко, Доррера и Шендрикова и о передаче временно власти в руки демократических краевых организаций, впредь до установления новой власти.

Ввиду же происходящих сейчас в Ташкенте событий, предложить (III) генеральному комиссару немедленно прекратить нападение и расстрел войсковых частей. Если последнее не будет выполнено (I), Краевой Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов берет на себя (II) организацию временной краевой власти, впредь до ответа на посланную телеграмму Временному Правительству („Умри, Денис, лучше не напишешь!“).

Слушали: О самостоятельном существовании Краевого Совета.

Постановили: Краевой Совет существует и продолжает существовать на основах, выработанных съездом. Телеграфно сообщить областным Советам о присылке в 3-дневный срок всех недостающих членов Краевого Совета, указав, что в противном случае возникнет вопрос (I) о сложении полномочий (II) и ответственности за последствия (III).

Председатель (подпись). Секретарь (подпись)“ 1).

Мы не пожалели места специально для того, чтобы дать фотографию того, что представляли туркестанские Советы во главе с краевым в исторические октябрьские дни. Когда на улице трещали пулеметы, господа из „Краса“, трусливые и безграмотные обыватели, с истинно-канцелярским усердием „слушали и постановляли“, протестовали против перехода власти Советам и выражали недоверие Коровниченко, посылали телеграмму разогнанному в Петербурге временному правительству и грозились организовать „впредь до ответа на посланную телеграмму“ свою власть, в то же время собираясь сложить полномочия... за отсутствием кворума!

Можно ли сказать об этих обывательских ничтожествах чтонибудь больше того, что они сами сказали о себе?

Коровниченко, однако, действовал. В ночь с 27 на 28 октября Коровниченко, окружив „Дом свободы“ казаками, броневиками и юнкерами, арестовал 5 членов ташкентского исполкома и 2 членов краевого Совета, в том числе т. Казакова, будущего председателя „колонизаторского“ Туринка, и пресловутого доктора Успенского, как потом оказалось, перекочевавшего сначала к эс-эрам, а потом и к коммунистам... прямехонько от „Союза Михаила Архангела“. Увы! Более видных представителей революционных масс не было.

Затем был разоружен 2-й Сибирский полк, окруженный во время сна. Покончив со 2-м полком, юнкера и казаки с броневиками отпировались к 1-му Сибирскому полку, но по ошибке подняли стрельбу против своих казачьих казарм. вследствие чего 1-й полк проснулся и встретил их с оружием в руках. К 1-му полку пришли на помощь рабочие ташкентских железнодорожных мастерских, этой действительной цитадели революции. Борьба завязалась жестокая и тут и рабочие, и солдаты проявили настоящие чудеса революционного героизма.

1) „Наша Газета“, 10 ноября 1917 г.

Ловким маневром у белых был взят броневик и их оттеснили в крепость. Коровниченко вооружил против солдат и рабочих всех, кого только мог, — писарей, злобствующую обывательницу и даже гимназистов, но пушки, с которыми сначала рабочие не умели обращаться, решили дело. Угроза взлететь на воздух, вместе с артиллерийским складом и пороховыми погребами, подействовала. Белогвардейцы сдались на милость победителя. Удрал лишь один член Комитета временного правительства, «с.д.» корниловец Шендрик, чтобы потом, совместно со Шкапским в Семиречье устроить контр-революционную кашу вне Ташкента. 1 ноября бой кончился и победа осталась за революционными рабочими и солдатами. 2 ноября выступил на сцену почтенный «Крас». Приводим опять протокол его заседания. 3 ноября 1917 года. В 12 часов ночи (1) № 83. Присутствовали: председатель Успенский, члены: Мелешко, Калугин, поручик Перфильев, Казаков, Левин, Подпалов, Погребов, при секретаре Выше-травском.

Слушали: 1) О переходе власти к Совету.

Постановили: Отказываясь взять единолично власть в свои руки (2), Краевой Совет предлагает впредь до созыва съезда организовать временный Краевой Туркестанский Исполнительный Комитет из 9 лиц: три — от Краса, два — от Краевого Совета Крестьянских Депутатов, один — от Краевого Совета Киргизских Депутатов, один — от Краевого Совета Мусульманских Депутатов, один — от Краевого Комитета партии с.р., один — от Центрального Бюро партии с.д. и при нем Краевое совещание, состоящее из представителей всех краевых организаций, думы и Исполнительного Комитета Ташкентского Совета Р. и С. Депутатов³⁾. Об авторитетности и устойчивости этой новой «власти», которая совсем не была и не хотела быть властью, говорить, конечно, не приходилось. Но благодаря октябрьской победе рабочие и солдаты избавились от террора генеральских броневиков и пулеметов. Через две недели собрался 3-й Туркестанский съезд Советов. «Казуность» положения заключалась в том, что нужно было организовать власть; никто кроме непосредственных победителей организовать ее не мог, а они не имели своей организации и на съезде были представлены случайно, отнюдь не будучи большинством его. Когда дело подошло к вопросу об организации власти, председатель съезда улемистов, организатор ташкентской улема, Лапин, от имени этого съезда, происходившего во время октябрьских событий, предложил организовать «Туркестанский Исполнительный Комитет» в составе следующих представителей 3 — от Советов, 3 — от городских самоуправлений, 6 — от «краевого съезда мусульман», то-есть от улемистов. Кроме того, в дополнение, должен был быть создан контролирующий орган — «Ташкентский Краевой Совет», перед которым бы «Исполнительный Комитет» был ответственен. Его предполагалось

1) «Наша Газета», 10 ноября 1917 г.

составить таким образом: 5—от краевого съезда Советов С. и Р. Д., 5—от краевого съезда городских самоуправлений, 10—от съезда улемистов. Поясняя резолюцию съезда улемистов, Лапин заявил, что, основываясь на принципе самоопределения, мусульманство могло бы потребовать себе всей власти, "но оно делает уступку пришлым элементам, допуская их представителей к власти" ¹⁾. Решительность этого заявления объясняется тем, что октябрьские события, выдвигавшие вперед Советы, на мусульманскую массу произвели самое угнетающее впечатление: с Советами она имела меньше всего "контакта". С крушением власти российского империализма в Петербурге и низвержением Коровниченко в Ташкенте, мусульманская торговоростовщическая буржуазия, духовенство и прогрессивная интеллигенция не были уже больше заинтересованы в сохранении связи с Россией. С одной стороны, рухнули всякие надежды на возможность уступок со стороны временного правительства, с другой стороны, и классовые привилегии и национальный быт оказались под непосредственной угрозой "большевистской" стихии. Улемисты предложили коалицию для того, чтобы, пользуясь октябрьским переворотом, увеличить свой национальный вес. При этом они, разумеется, прекрасно учитывали, что русский городской обыватель теперь будет на их стороне, поскольку он потерял надежду на твердую власть из центра. Обстановка была именно такова. Царские колониальные чиновники и наемные писаки при первых же признаках грядущей большевистской грозы в Туркестане стали кричать против "русских империалистских войск", которые дают на волю населения через Советы, против "социал-шовинизма", "попрания права на национальное самоопределение" и т. п. В их устах все это имело чрезвычайно подозрительный смысл. В октябрьские дни эта черносотенная, империалистская демагогия нашла практическое применение, когда Коровниченко послал в старый город грузовики с оружием для раздачи. Увы! Самобытные ташкентские большевики этой демагогии отбросов колониального режима не могли противопоставить своей интернациональной точки зрения. Они слепо дедли в кайкан, расставленный для революционных рабочих и солдат черной сотней. Тогда как Дерреры ²⁾ и Лыкошины снюхивались и с "улема", и с прогрессистами, немногочисленные русские революционные элементы на одном слове не попытались привлечь к себе мусульманскую бедноту и наиболее радикальную часть мусульманской прогрессивной интеллигенции, не говоря уже о "джаджидах" вообще.

Ответом на предложение улемистов третьему съезду Советов была нелепая по своей безграмотности "декларация объединенной (21) фракции большевиков и максималистов", оглашенная в заседании 19 ноября Тоболиным. Вот ее полный текст: "Признавая существую-

¹⁾ "Наша Газета", 23 ноября 1917 г.

²⁾ Пьянщик Коровниченко "по гражданской части".

Центральную власть и форму ее организации, объединенная фракция большевиков и максималистов считает высшим краевым органом Краевой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который отныне именуется (??) Советом Народных Комиссаров Туркестанского края (?). Вместе с тем фракция считает необходимым разъяснить (!), что ею отнюдь не устраиваются (?!!) от участия в активной работе широкие слои населения, так как (!) каждый из народных комиссаров, стоящих во главе той или иной отрасли жизни края, будет иметь руководящее значение каждый в сфере своей деятельности, проводниками (!) же в жизнь выставляемых всем Советом Народных Комиссаров (!!) принципов явятся те съезды представителей с мест, не исключая и мусульман (!!!), которые будут периодически созываться тем или иным народным комиссаром по вопросам той или иной сферы хозяйственной или государственной жизни края, а также и те организации, которые созданы в настоящее время на местах.

Таким образом ни местное туземное население, ни местные интеллигентные силы (?) не устраниются от активной работы по улучшению быта и жизни края, а, наоборот (!), привлекаются к этой работе.

Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти С. С., Р. и К. Д., так и ввиду того, что среди туземного населения нет классовых пролетарских организаций, представительство которых в органе высшей краевой власти фракция приветствовала бы.

Включение в орган высшей краевой власти представительства оборонческих групп фракция считает недопустимым, так как они активно боролись, отстаивая власть временного правительства, изменившего революционной демократии.

При таковой организации власти края, как представляет себе фракция, каждый народный комиссар является ответственным перед всем Советом Народных Комиссаров, а Совет — перед съездами С. С., Р. и К. Д., созываемыми каждые 2 месяца (!) Советом Народных Комиссаров⁴⁾.

Благодаря блоку с „левыми эс-эрами“, эта резолюция — декларация была принята 97 голосами при 17 воздержавшихся и был избран Совнарком из 7 большевиков и 8 левых эс-эров.

„Парламентская“ победа была одержана, но в то же время — политически — был закреплен колонизаторский характер новой Советской власти в Туркестане. Вместо того, чтобы завоевывать самим доверие трудящихся масс угнетенных национальностей, новая власть предложила угнетенным национальностям завоевывать ее дове-

4) „Наша Газета“, 23 ноября 1917 г.

рше! Партия большевиков здесь не руководила событиями. Ее не было. Только одиночки — большевики оказались вынесенными на гребень революционной волны. Партия же стала организовываться лишь после октябрьской революции. Как это ни парадоксально, в Туркестане не партия большевиков создала Советскую власть, а Советская власть, необходимость утверждения власти Советов создала здесь партии большевиков и левых эс-эров. Неизбежным следствием этого явилось то, что партии большевиков и левых эс-эров, с первых же дней, сделались пристанищем значительного количества авантюристов, карьеристов и просто уголовных элементов. Характерно, что здесь „большевики“ официально не именовали себя иначе, как „правительственной партией большевиков“. С другой стороны, принадлежность к промышленному пролетариату в царской колонии была национальной привилегией русских. Поэтому и пролетарская диктатура здесь, с первых же шагов, приняла типично-колониаторскую внешность: русский рабочий взял на себя „управление народами Туркестана“. Поскольку он был не организован, не имел своей классовой программы, выработанной революционной практикой, не имел революционной традиции, он неизбежно должен был принять сотрудничество многих „бывших людей“, которые своей политической „оборотливостью“ могли доказать свое право на руководство¹⁾. Социального размаха колониальной революции, ограниченной и в своих интересах, и в своих ресурсах новым городом, казармой и железной дорогой, не мог изменить революционный героизм отдельных отрядов русского рабочего класса Туркестана.

Так или иначе, через неделю после третьего краевого съезда Советов, 26 ноября 1917 года в Коканде, самом крупном капиталистическом центре мусульманского Туркестана, собрался — четвертый по счету²⁾ — общемусульманский съезд, созванный краевым Шура-Исламия, во главе с Чокаевым. 27 ноября, в 12 часов ночи, была вынесена резолюция об автономии Туркестана. Она гласила: „4-й чрезвычайный обще-мусульманский краевой съезд, выражая волю населяющих Туркестан народностей к самоопределению на началах, возвещенных великой российской революцией, объявляет Туркестан территориально-автономным в единении с федеративной демократической Российской республикой, предоставляя установление форм автономии туркестанскому Учредительному Собранию, которое должно быть созвано в кратчайший срок, и торжественно заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно охранены“³⁾. Воздержались от голосования резолюции только двое, из которых один был представитель ташкентской улема. Вслед затем было избрано

¹⁾ Пример: Успенский, первый комиссар здравоохранения и лидер левых э-р.

²⁾ 1-й был в мае, 2-й в сентябре, 3-й (улемистов) в октябре.

³⁾ „Турк. Вестник“, 1 декабря 1917 г.

временное правительство „автономного Туркестана“ („Туркестани Мухторият“) в составе 6 членов 2-й Государственной Думы, инженера Ташшбаева—министра-председателя и министра внутренних дел¹⁾; присяжного поверенного Шаги-Ахметова—его заместителя, управляющего отделом внешних сношений²⁾ Чокаева³⁾, агронома Агаева—министра землеустройства и водопользования, заместителя председателя Кокандской городской думы Махмудова,—министра продовольствия, присяжного поверенного Уразаева—тов. министра внутренних дел⁴⁾ и присяжного поверенного Герцифелда, министра финансов. Временная форма организации власти была принята в таком виде: Правительственная власть впредь до созыва туркестанского Учредительного Собрания сосредоточивается в руках „туркестанского временного Совета“ и „туркестанского народного правления“. 1) Туркестанский Временный Совет составляется: при числу представителей Туркестана во Всероссийском Учредительном Собрании (!) из 32 человек, избранных настоящим съездом по следующему расчету: Ферганская область — 10 ч., Сыр-Дарьинская область — 9 чел., Самаркандская область — 5 ч., Семиреченская область — 6 чел. и Закаспийская область — 2 чел. 2) 4 представителя от съезда городских самоуправлений, 3) 18 представителей, по 1 человеку от различных европейских краевых демократических, политических, профессиональных, общественных и иных организаций; предоставление мест производится по усмотрению Совета в его первоначальном составе (26 человек)⁵⁾. „Автономное правительство“ в Коканде организовалось в противовес Совнаркому в Ташкенте. Активная роль в нем принадлежала, как это ни странно, киргизской интеллигенции. Понятно, почему она примкнула к антисоветскому автономистскому движению. „Общий ход истории“ оказался гораздо сильнее, чем тот национальный антагонизм, который существовал между различными народностями Туркестана. Киргизская интеллигенция, вышедшая из той массы кочевников, которая смотрела на земледельческое узбекское и торгово-ремесленное население городов, как на исконных наследственных врагов своих, пошла на услужение к мусульманской⁶⁾ буржуазии. Попытки, которые делались мусульманской⁷⁾ интеллигенцией для примирения экономически непримиримых элементов, путем ссылки на авторитет объединяющего всех ислама, на общее происхождение тюркских народностей, кончались полной неудачей и только „автономное движение“ на один момент могло все же сплотить эти элементы. Нужно полагать, что если автономное движение давало надежду городской туземной буржуазии расправить свои крылья, с одной стороны, то, с другой, обезземеленные и пролетаризованные массы ко-

1) Член Турк. Комитета врем. правительства.

2) Председатель краевого Шуро-Исламия, член Турккомитета вр. прав.

3) „Туркестанский Вестник“, 1 декабря 1917 г.

4) Узбекско-саргской.

чевников или, вернее, их представители надеялись дать отпор пере-седенческому засидию, опираясь на автономное движение. Только этим и объясняется то странное обстоятельство, что городская мусульманская ¹⁾ буржуазия, интересы которой по существу были противоположны интересам кочевников, нашла в киргизской интеллигенции, настроенной довольно националистически, своих представителей и верных руководителей. Этим же объясняется то, что киргизская печать ²⁾, которая в первые дни „автономии“ молчала, а иногда и пела гимны в ее честь, после ее крушения окрестила свою интеллигенцию титулом „изменников“ ³⁾.

Была и другая причина, почему киргизская интеллигенция заняла руководящее положение в автономистском движении. Улема не принимала в нем организованного участия. Центром влияния улемистов был Ташкент и ташкентские улемисты были против объявления автономии в Коканде. Поскольку после октябрьских событий руководство автономистским антисоветским движением сосредоточилось, главным образом, в руках прогрессивной интеллигенции, выразившей волю нации к буржуазному самоопределению, постольку неизбежно были выступлены на первый план киргизской интеллигенции, наиболее свободной от связи с реакционно-феодалной „улемой“.

К антисоветскому автономистскому движению был привлечен русский обыватель — интеллигент, злобствующий на революцию. Он получал представительство в „автономном“ правительстве. Более того, — это „автономное правительство“ сделалось для него центром организации антибольшевистских сил. Присяжные поверенные при хлопчатобумажных фирмах, писак из „Туркестанского Курьера“, „либеральные“ инженеры и бывшие царские чиновники воспользовались создавшимся положением, чтобы с помощью буржуазно-национального движения мусульманской буржуазии и интеллигенции спасти свои привилегии, свое „положение в обществе“. Кокандское „правительство“ должно было стать правительством. Пока оно еще не имело ни войска, ни казны, ни власти. Кокандский съезд, наряду с другими резолюциями, вынужден был принять резолюцию о „неприкосновенности народных представителей Туркестана“.

Раз нельзя было искать союзников и защитников в Петербурге и Москве, приходилось их искать на юге. И вот съезд постановляет вступить в черносотенный, калединский „Юго-Восточный Союз казацких войск, горцев Кавказа и вольных народов степей“. Вступление мотивировалось тем, что только из „стран“ Юго-Восточного Союза Туркестан сможет удовлетворить свою нужду в хлебе. Однако, „умысел ивой тут был“: российская контр-революция, в лице остатков

¹⁾ Узбекско-сартская.

²⁾ Киргизская газета выходила под названием „Брлык Туз“, редк. Ходжаиновым, будущим коммунистом.

³⁾ Статья тов. Тяркулова (неподписанная) о „Кокандской автономии“ в сб. „Три года Советск. власти“, Ташкент 1926 г.

колонциальной бюрократии, толкала мусульманскую буржуазию все дальше и дальше на путь борьбы с Советами. — „Свободный Туркестан“ — газета, купленная кокандским правительством, — откровенно писал: „Если русская буржуазия в настоящее время стоит за автономию, то вовсе не потому, что ей улыбается автономия как таковая, а потому, что с осуществлением ее кончится господство ненавистных ей большевиков в крае. Вообще в Туркестане произошла перемена ролей: демократия — против автономии и за насильственное внедрение социализма, буржуазия — за автономию“¹⁾. Для осуществления контр-революционной „автономии“ звали и поджидали казаков.

На 13 декабря — день рождения Магомета — было назначено торжественное объявление автономии в Ташкенте и манифестация. К этому времени работа русских белогвардейцев достигла высших пределов. Лозунг: „Долой правительство смазчиков! Да здравствует автономия!“ — переходил из торгово-промышленного общества в грузинское землячество, к „украинцам“, оттуда в союз приказчиков, из союза приказчиков на почту, к учителям, офицерству и т. д. Все надеялись „урвать свое“ от большевиков. Тщетно Совнарком пытался укротить страсти обещанием созыва туркестанского Учредительного Собрания, „которое одно правомочно (!) провозгласить автономию Туркестанского края“. Хотя манифестация в русском городе и была запрещена, она прошла туда и толпа раззадоренных чинушей освободила из тюрьмы героя октябрьской бойни, Доррера и генерала Княшко, в царское время орудовавшего в военно-полевых судах. В результате столкновения, спровоцированного белогвардейцами, на месте осталось 18 человек.

Это было продолжением начатого в Коканде²⁾.

„Внутреннее положение Туркестанской республики было крайне тяжкое. Продовольственный кризис привел к голоду. Контр-революционный саботаж со стороны всех элементов колонциальной бюрократии, питавшейся в этот период надеждой на „автономию“, был самый безобразный. Никаких признаков сколько-нибудь устойчивого организационного аппарата не было. Только небольшие группы передовых рабочих и солдат поддерживали равновесие. Естественно, что говорить о распространении Советской власти на весь Туркестан в этих условиях не приходилось. Советская власть была „разбросана“ только по немногим городским и станционным „оазисам“. Но и там она совсем не крепко держалась на ногах.

¹⁾ „Свободный Туркестан“, 16 января 1919 г.

²⁾ „Наша Газета“, 15 декабря 1917 г.

V. Советская власть в Туркестане.

Почти с первого дня октябрьской революции Советская власть в Туркестане оказалась отрезанной и изолированной от советской России. Между Туркестаном и советской Россией образовалась дутовская пробка. Борьба с черносотенным атаманом Дутовым, пытавшимся превратить оренбургские степи в самостоятельное царство контр-революционных верхов казачества, завязалась еще при Керенском. Оренбург несколько раз переходил из рук в руки, — то он находился под властью Дутова, то его захватывали оренбургские рабочие, проявившие в этой борьбе с черносотенными казачьими атаманами чудеса пролетарского героизма и стойкости. Поскольку Оренбургская губерния входила в Уральское областное объединение советов, уральские пролетарии неоднократно посылали свои отряды на помощь оренбуржцам. С самого начала рабоче-крестьянской революции железнодорожная линия Самара — Оренбург — Ташкент сделалась предметом ожесточенной борьбы между контр-революцией и революционным пролетариатом. Еще и по сие время по всей этой линии остались следы опустошений гражданской войны. Защищая эту коммуникационную линию, железнодорожные рабочие, вместе с тем, защищали и свою жизнь, потому что контр-революционные казачьи банды не щадили никого, зверски уничтожая все на своем пути.

Контр-революция перервала связь между Россией и Туркестаном. Тем самым она лишила Туркестан идейной и организационной поддержки русского пролетариата, изолировала Туркестан от его руководящего влияния. Можно с полным правом сказать, что до прорыва оренбургской пробки осенью 1919 года Советская власть в Туркестане развивалась самостоятельно, — так, как если бы Туркестан был идеальным „изолированным торговым государством“ Иоганна Готлиба Фихтеля. Период времени — с октябрьской революции до прорыва оренбургской пробки в сентябре 1919 года — полоса совершенно самобытного развития Советской власти в Туркестане. Если специфически-колониальный уклад местных национальных и классовых отношений определял здесь своеобразное течение революции от февраля до октября, ее колониальный характер, то изоляция Туркестана от советской России с момента октябрьской революции еще более усугу-

была колониальный характер советского строительства в Туркестане. В самом деле, живой обмен веществ между советской Россией и советским Туркестаном парализовал бы влияние колонизаторских пережитков и сразу направил бы национально-освободительное движение киргиз, узбеков и туркмен в русло советской автономии, внесло бы глубокое классовое расслоение в их среду. Этого не случилось, контр-революция и здесь задержала революционное развитие, и Туркестан оказался предоставленным своим собственным силам и своим собственным противоречиям. На немногочисленный слой сравнительно-отсталых русских пролетариев выпала непосильная задача строительства Советской власти и защиты ее в бывшей царской колонии.

Положение новой Советской власти было весьма неустойчивым. Почти единственной опорой являлись ташкентские железнодорожные мастерские. В Коканде у всех на глазах организовывалась контр-революция. То же самое происходило в старом русском чиновничьем центре—Скобелеве, под боком у которого, в старом Маргелане, начинал будущий вождь басмачей—Мадамин-Бек. Не лучше обстояли дела и в Самарканде. Из Закаспия ползли темные, зловещие слухи о приближении казаков.

При таких условиях собрался четвертый съезд Советов. Одновременно с ним происходил крестьянский съезд, который довольно беспомощно заявил о своих притязаниях на власть. Хотя съезд и назывался крестьянским, на самом деле он был только съездом русских крестьян-переселенцев, и настроение последних он выявил достаточно определенно, — съехались „столыпинские помещики“, „крепкие мужички“, решительно враждебные всякому пролетарскому влиянию.

Типично туркестанские „левые эс-эры“ всячески пытались подкупить их своей демагогией, — пугали, что большевики „хотят завести снова самодержавие через батрацкие советы“, призывали создать в Туркестане „свое“ „крестьянское“ правительство и т. п. Между прочим, лидер левых эс-эров, Н. И. Черневский, подлаживаясь под кулацкое настроение: „поскорее бы избавиться от опеки большевиков!“, дал такое разъяснение автономии Туркестана: „у нас уже есть автономия, ибо мы не свосимся с Петербургом по делам управления в Туркестане, самоуправляемся (!), учреждаем всевозможные комитеты (!!) и проч. Кокандская автономия — миф, ибо мусульмане не доросли до автономии, не удержат всех завоеваний революции и придут к нам сами. Нам нужно создать такую власть, которая была бы автономна и защищала всех живущих в Туркестане“¹⁾. Яснее выразиться нельзя. — Из беды российский обыватель делал добродетель и определенно пытался воспользоваться лозунгом национальной территориальной автономии на потребу своим колонизаторским интересам.

1) „Свободный Туркестан“, 24 января 1918 г.

В этом отношении характерна резолюция 2-го Семиреченского областного крестьянского съезда. В резолюции говорилось: „2-й областной крестьянский съезд, обсудив вопрос об отношении к Сибири и Ташкенту и осветив подробно положение нашей области, нашел, что Семиреченская область как в географическом, так и в экономическом, торговом и климатическом (1?) отношениях больше подходит к Сибири, поэтому постановил, в согласии (??) с остальными народностями области, просить Учредительное Собрание о присоединении нашей области к Сибири, впредь же, до решения Учредительным Собранием этого вопроса, мы исполняем приказы, идущие из центра и из Ташкента“ 1) Семиреченские плантаторы из „Хижин дяди Тома“ находили для себя более подходящим климат сибирской кулацкой контр-революции! С представителями временного правительства Шкапским и Ивановым, организовавшими в Семиречье силы казачьей контр-революции, они поладить не могли, так как с казаками, конкурировавшими с ними на эксплуататорском поприще, их разделяла старая сословная вражда.

Только этим желанием отделиться от пролетарского центра объясняется тот анекдотический факт, что из 70 наказов краевому крестьянскому съезду 38 наказов (большинство) высказывались за автономию, 10 были категорически против и 8 находили ее преждевременной 2).

Крестьянский съезд изъявил желание „слиться“ со съездом Советов Р. и С. Д. и задавить его своим большинством. Это было бесцеремонно отвергнуто. Тогда „крестьянский“ съезд вынес резолюцию „о необходимости вооружения русского населения на местах для самозащиты от участвовавших грабежей и (1?) защиты революции“ и другую — „о прекращении выработки пива а равно и других напитков, вырабатываемых из хлебных злаков (1)“ 3), мирно разъехался по домам. Диверсия кулаков-самогонщиков не удалась.

Съезд Советов занялся обсуждением вопроса об автономии. На некоторую оригинальность претендовала только резолюция „с.д. интернационалистов“. Она гласила так: „Считаясь с экономическими, культурными, национальными и бытовыми особенностями Туркестана, съезд признает необходимым автономное устройство Туркестана в границах единой Российской демократической республики. Исходя из этого, съезд считает, что задачей краевой власти, выдвинутой революционной демократией, является подготовка автономного устройства Туркестана на демократических началах путем: 1) немедленного приступа к созданию органов демократического самоуправления, земств, городских дум и 2) через местное самоуправление, как переходную ступень, к созыву краевого автоном-

1) „Голос Крестьянина“, 15 (2) марта 1918 г.

2) „Свободный Туркестан“, 31 января 8 г.

3) „Свободный Туркестан“, 30 января 9 г.

ного собрания на основе всеобщего избирательного права¹⁾.

Этот план постепенной „демократизации“ бывшей царской колонии страдал всеми недостатками всех меньшевистских планов. — Он предполагал национальный и классовый мир там, где никакого мира не было и быть не могло: широким массам коренного населения необходимо было подлинное национальное самоопределение, без руководящего участия российской колониальной бюрократии; русские рабочие никоим образом не могли примириться с контр-революционным „федерализмом“ черносотенного колониального чиновничества и офицерства; разрыв между баями и мусульманской беднотой рано или поздно должен был наступить.

В противовес меньшевистскому плану, большевики выдвигали лозунг „пролетарской автономии“, однако в условиях страны, населенной, по преимуществу, мелкими производителями, эксплуатировавшимися в течение десятков лет российским империализмом, он был лишь революционной фразой, за которой скрывалось очень скверное, колонизаторское содержание.

Так или иначе, на съезде Советов судьба кокандского правительства была решена 62 голосами за, 11 против при 3 воздержавшихся.

Вернемся несколько назад, к нему. — Приблизительно через месяц после объявления автономии в Коканде был собран съезд мусульманских рабочих и дехканских депутатов и мусульман-воинов. Целью его была демонстрация „национального единения“. Из состава съезда были выделены представители в Народный Совет²⁾ при автономном правительстве. Им была предоставлена 1,3 мест. Рабочие депутаты, как Незамеддин Ходжаев, при этом, ни в малейшей мере не обнаружили оппозиции по отношению к буржуазному большинству, но послушно тащились за ним в хвосте. Автономное правительство в борьбе за свою „легализацию“ не ограничилось одними выступлениями на внутреннем театре военных действий, оно потребовало от В. Ц. И. К., на основании сделанной в Бресте декларации о „самоопределении народов“, признания его полноправным правительством всего Туркестана. Ответа на это покушение с негодными средствами, конечно, не последовало, но двоевластие неизбежно должно было вызвать правительственный кризис в самом Коканде. Добровольные пожертвования на организацию правительственной власти в несколько сот тысяч рублей были быстро исчерпаны. Туркестанский Совет Народных Комиссаров, сам сильно стесненный в деньгах, произвел выемку 8 миллионов рублей из кокандского отделения государственного банка. Это еще более обострило политический кризис, так как мусульманская торговая буржуазия испугалась за свои вклады. У власти появился

1) „Наша Газета“ 25 января 1918 г.

сторонник более решительных действий Чоканов¹⁾. В свою очередь, не дремала и российская контр-революция. Из Закаспия двигались на родину 17 казачьих эшелонов, всюду смещая и арестовывая на своем пути Советы и советских работников. Против них были направлены добровольческие отряды из Ташкента. Произошел бой, следствием которого явилось освобождение Самарканда, захваченного казаками, и разоружение казаков. Уже одно это должно было предрешить судьбу Коканда. Между тем в Коканде своим порядком открылись военные действия. В ночь с 29 на 30-е января было произведено нападение на крепость, занимавшуюся русским красногвардейским гарнизоном. Одновременно был разобран в нескольких местах железнодорожный путь: были перерезаны провода. Русские офицеры, ворвавшись на телефонную станцию, заставили прекратить ее работу. Также едва не был убит в своей квартире председатель Местного Совета, Бабушкин. 30 января образовался военно-революционный комитет и того же дня вечером прибыли войска из Скобелева с пушками и пулеметами. Был предъявлен ультиматум, а 31 января около 3-х часов дня из крепости был дан первый пушечный выстрел по старому городу. Начался артиллерийский обстрел, а затем завязался и бой с войсками автономистов, состоящими из персов, лезгинов, текинцев и сартов. Не имея под руками своей собственной вооруженной силы, кокандское правительство обратилось за помощью к предводителю разбойничьей, басмаческой шайки — Иргаш-Баю.

Иргаш-Бай и русские белогвардейцы сделали все от них зависящее, чтобы раздуть кровопролитную бойню. С другой стороны, к русским солдатам и красногвардейцам присоединились армяне-дашнаки поголовно вооружившиеся, и разные мародерские элементы.

Начались грабежи, разгромы магазинов и разбои. Гражданская война для многих стала приманкой из-за легкой наживы.

31 января краевой Совет воинов, рабочих и дехканов мусульман постановил: 1) подвергнуть временное правительство аресту впредь до выяснения всех обстоятельств краевым Советом; 2) принять всю полноту власти краевому Совету воинов, рабочих и дехканов мусульман; 3) ввиду крайне возбужденного состояния мусульман как в Коканде, так и в окрестностях, и поголовного вооружения по случаю распространяемых слухов о бомбардировке старого города Коканда, назначить начальником милиции Чанышева, которому подчинить всю вооруженную милицию для восстановления полного порядка и спокойствия как в Коканде, так и извне; 4) просить военно-революционный комитет воздержаться от каких-либо активных выступлений, дабы предупредить объявление мусульманами по всему краю войны (газа-

¹⁾ Тюркюлов, „Кокандская автономия“ в Туркестанском сб. 3 года Советской власти.

ват), в противном случае вся ответственность за последствия возлагается на военно-революционный комитет" 1).

Увы! Вмешательство краевого Совета воинов, рабочих и дехкан-мусульман слишком запоздало. Поскольку он до сих пор послушно плелся за мусульманской буржуазией, его политический авторитет в разгар борьбы был равен нулю.

Это и доказал Иргаш, сразу же посадив под арест его „главнокомандующего“ Чанышева. Сам „совет“ стоял за войну против большевиков и беспомощно бросался от угроз „газаватом“ к „авторитету демократических организаций“ и обратно.

Новые попытки перемирия не могли уже дать ничего.

К 5 февраля положение крепостного гарнизона стало почти критическим, но в это время, под командой военного комиссара Перфильева, прибыли ташкентские и самаркандские отряды, только что произведшие разоружение казаков. 6 февраля произошел штурм старого города. В ночь с 6-го на 7-е Коканд уже представлял одно сплошное море огня. 7 февраля грабежи и разбои достигли чудовищных размеров. — Толпы вышедших из повиновения солдат и красногвардейцев, чернь и мелкая буржуазия бросились грабить и тащить, что только можно было. Особенно усердствовали в грабежах армяне. В старом городе были разграблены все магазины, торговые фирмы, торговые ряды, банки и частные более или менее приличные (!) квартиры. Кассы в банках и торговых фирмах были взломаны и деньги из них похищены. Грабители складывали награбленное имущество на арбы и свозили его на вокзал и в крепость. Там шел дележ чужого имущества. Наблюдались такие картины: грабителям нужны были возчики награбленного имущества. Чтобы достать таковых, они отыскивали в дальних городских кишлаках сартов, забирали у них арбы и лошадей и заставляли их везти награбленное имущество. Безлошадных сартов грабители заставляли носить тюки на плечах" 2).

Хотя это описание кокандского погрома заимствовано из официального органа кокандского правительства, тем не менее по всем данным и рассказам самих участников похода оно вполне соответствует действительности. В конечном счете все беды обрушились на голову мусульманской городской и кишлачной бедноты. — Кокандская „автономия“ была ликвидирована, но, вместе с тем, была подготовлена почва для басмачества.

Продовольственный кризис в городах был одной из причин падения власти временного правительства в Туркестане. Мусульманскую бедноту царь-голод во много раз крепче схватил за горло. Зимой 1917 — 1918 года трупы умерших с голоду валялись всюду, — на улицах новых городов, на железнодорожных станциях, на больших дорогах.

1) „Новый Туркестан“, 2 марта 1918 г.

2) „Новый Туркестан“, 11 марта 1918 г.

Вот краткие, но красноречивые сообщения того времени: «В селении Янги-Курган за одну неделю умерло от голода 35 человек. В селении Будал умерло голодной смертью за одну неделю 43 человека. В селении Буке за то же время умерло от голода 37 человек. В Семиречьи голодные киргизы начинают поедать трупы умерших от голода»¹⁾. В самом начале этой страшной зимы была уже съедена вся мука. Скот пропал из-за бескормицы или был тоже съеден. По данным с мест убыль людей от голода, холода и болезней доходит к настоящему времени (ноябрь 1918 г.) в разных районах от 25 до 50 процентов. Скот же сохранился не более как в $\frac{1}{10}$ части»²⁾. На 4-м съезде Советов Колесов, делая доклад по продовольственному вопросу, ограничился лишь одним разбором перспектив снабжения новых городов и, главным образом, Ташкента. О спасении мусульманской бедноты не было сказано ни слова! На 5-м съезде Советов были приведены цифры поступления хлебных грузов по месяцам и областям. — В Самаркандскую область пришло хлебных грузов: в ноябре 1917 г. — 76 вагонов, в декабре — 20 вагонов, в январе 1918 г. — 3 вагона, в феврале — 14 вагонов. В Ферганскую область пришло хлебных грузов: в ноябре — 103 вагона, в декабре — 45 вагонов, в январе — 15 вагонов, в феврале — 16 вагонов. В Закаспийскую область пришло хлеба: в ноябре — 67 вагонов, в декабре — 53 вагона, в январе — 6 вагонов, в феврале — 33 вагона. В Сыр-Дарьинскую область пришло хлебных грузов: в ноябре — 175 вагонов, в декабре — 54, в январе — 150, в феврале — 56. На весь Туркестан, считая и русские владения Бухарского ханства, в ноябре 1917 г. поступило 459 вагонов хлеба, в феврале же 1918 г. — лишь 122 вагона»³⁾. Причиной такого падения поступления хлебных грузов было образование оренбургской пробки в декабре 1917 года. Ясно, что все поступавшие хлебные грузы шли исключительно для распределения среди русского населения. Удаленная от власти мусульманская беднота была также лишена и хлеба и должна была нести на своих плечах всю тяжесть весенней и летней засухи 1917 года, суровой зимы 1917—1918 года и перехода Туркестана от роли хлопковой плантации к самодовлеющему хозяйству. Новый город обрушивался на голодные старые города и кишлаки градом реквизиций и конфискаций, а мусульманское население вымирало, будучи не в силах само справиться с голодом. Между русским новым городом и обитающей в нем Советской властью и широкими массами коренного населения образовалась непроходимая пропасть. С одной стороны, продовольственный кризис

¹⁾ «Новый Туркестан», 19 февраля 1918 г.

²⁾ «Известия Ц. И. К. Турк. республики», 23 ноября 1918 г.

³⁾ «Наша Газета», 28 апреля 1918 г.

разжигал аппетиты „солдатско-потребительского коммунизма“¹⁾ в среде русского населения и толкал его на путь „первоначального накопления“ за счет коренной туземной массы; с другой стороны, голод еще более укреплял традиционное господство баев над туземной беднотой, которая была вынуждена отдавать богачам за щепотки гнилой муки не только остатки своего домашнего скарба, но и прямо отдаваться в рабство, продавать своих жен и детей. Таким образом, в мусульманской среде складывалось то роковое настроение по отношению к Советской власти, которое выражалось в краткой формуле: „скоро ли кончится русская свобodka?“ — „Русская свобodka“ означала голодную смерть, красногвардейский налет на сложившийся веками национальный быт, расправы без разбора, поголовные конфискации и реквизиции, самочинные обыски.

Почти непосредственно вслед за разгромом Коканда был объявлен поход на Бухару. Насколько тогда мало разбирались в международной обстановке, свидетельствует следующий красноречивый отрывок из протокола заседания Турцияка. Доклад делает военный комиссар Осипов, будущий „герой“ белогвардейского явварского восстания: „Туркестанская республика существует волею божьей. Вполне достаточно вооруженных сил, которыми располагает Афгания (I), чтобы смести нас с лица земли. Нас выручает Англия (II), которой далеко не безразлично, кому будет принадлежать Туркестан.

Афгания приходится считаться с тем, что когда ее полчища двинутся на Туркестан, английские войска займут Афганию (I)“.

Англия в роли спасителя большевистского господства в Туркестане! Повстине, „есть от чего в отчаяние притти“!

Объявление похода на Бухару было связано с „накоплением“ на бухарской территории русских белогвардейцев, крупных спекулянтов и бежавших участников „Кокандской автономии“, а также и с отказом эмира допустить в Бухаре национализацию русских частных банков. Туркестанский Совнарком предложил Колесову отправиться в Бухару для переговоров с Эмиром. Совместно с младобухарцами Колесов выработал манифест, в котором эмиру предлагалось заменить старый состав бухарского правительства новым, образовав при себе Совет из джадидов-младобухарцев. Эмир отказался от подписания манифеста, заявив, что сам народ не желает никаких реформ. Однако после переговоров с Колесовыми, приехавшим на ст. Каган со своим отрядом красногвардейцев, он согласился, вставив от себя поправку, которая сводила весь манифест на-нет. После вторичных переговоров манифест был подписан без поправки, но тут уже начались военные действия, — делегация, посланная для переговоров, была расстреляна эмиром, же-

¹⁾ Термин „солдатско-потребительский коммунизм“ мы, конечно, употребляем не в похобно-меншевистском смысле, но в его действительном значении в применении к партизанские мажковой типа, которая пышным цветом цвела в Туркестане.

²⁾ „Наша Газета“, 21 мая 1916 г. Заседание Турцияка 10 мая.

лесная дорога сразу оказалась разрушенной в нескольких местах, была объявлена „священная война“ против неожиданно вторгшихся „гауров“¹⁾. Было вырезано несколько сотен русских обывателей Бухары, многие женщины и дети были забраны в рабство и т. д. Новая Бухара оказалась отрезанной, и если бы не подошла к Кермине помощь из Ташкента, колесовский отряд не выдержал бы стремительного натиска живой лавы людских тел, шедших с палками на пулеметы.

Пришедшие в Бухару русские солдаты и красногвардейцы занялись прежде всего самыми возмутительными грабежами и насилиями. Грабили все и всех без разбора, безобразничали, пьянствовали и творили насилия без конца. Именно этим объясняется огромный взрыв возмущения по поводу вторжения русских. Русские явились в Бухару для разбоя — такую оценку колесовскому походу дало все население. „Революционная“ подоплека совершенно отошла на задний план перед колонизаторскими аппетитами. Это подтверждает постановление общего собрания мастеровых и рабочих средне-азиатских и ташкентских мастерских и представителей от Красной армии, Перовских эшелонов, Кушкинского отряда и революционного комитета: „Возмущению нашему, нет границ! Мобилизуемся все до одного против учинивших насилье и грабеж над мирными жителями и ультимативно требуем от всех отрядов, действующих против Бухары, немедленно сдать все имущество, захваченное в боях, особо избранной комиссии для возврата такового пострадавшему мирному населению; кроме того, требуем, чтобы все попустители грабежа и насилия и утаившие награбленное имущество были преданы беспощадному правдивому революционному суду, ибо рабочему, запятнавшему себя грабежом и насилем, нет места среди нас — трудового пролетариата“²⁾.

Колесовская авантюра вызвала бесполезное кровопролитие, бессмысленное убийство многих тысяч бедняков, вакхавалию грабежа и разбоя, резкую реакцию против русской колонизаторской „Советской власти“. Позорная память об этом колонизаторском походе сохранилась на многие годы.

Внутреннее положение Советской власти в Туркестане весной 1918 года было критическое. Обывательская контр-революция, которой умело руководили агенты Дутова и англичан, уже подбиравшихся к Закаспию, ловила всякий повод, всякий слух, чтобы „насолить“ Советской власти. Тут было и лицемерно-холопское возмущение Брестским миром, и тем, „почему большевики сают гражданскую рознь, не спросясь народа“, и тем, что большевики якобы „продали собор в Ташкенте сартам за 2 миллиона (!)“. Вооруженная сила была представлена набранными по добровольной записи партизанскими отрядами, имевшими свое выборное начальство и страдавшими всеми пороками партизанщины 1918 года. Здоровое ядро составляли железнодорожные

¹⁾ „Наша Газета“, 3 апреля 1918 г.

²⁾ „Новый Туркестан“, 30 марта 1918 г.

рабочие, но и они были очень далеки от понимания революционной дисциплины. В значительной же части „Красная армия“ того времени рекрутировалась из деклассированных элементов, свидетельством чему были погромы в Коканде, погромы в Бухаре, пьянство, грабежи и разбой в разных местах. Власть не могла опираться на организованную силу, высшим органом народного суверенитета был митинг, который мог все решать и все отменять. Финансовое положение новой власти было крайне тяжелым. Первым поступлением были 8.223.232 рубля, взятые в Кокандском отделении государственного банка. Ташкентская контора отказалась принять их на текущий счет. 11 марта было предложено казенной палате открыть Совнаркому кредит в 11.500.000 руб., а 1 апреля—перевести на усиление этого кредита для уплаты жалования служащим Средне-Азиатской ж. дор.—289.788 руб. Произведен был перерасход на сумму в 7.408.574 /руб., дополненный отчасти поступлениями из Бухары (!) и по-разному документам на 3.900.000 руб. Расходная смета, представленная V съезду Советов, была составлена в следующем (непритязательном!) виде:

на железнодорожную сеть . . .	19 миллионов руб.
земледелие	6
содержание таможен	0,5
политехникум (!)	10
работы хлопкового банка	10
в Семиречье	4,1
Фергану	3
Самарканд	3

Итого 53 милл. 500 тыс. руб.

При этом находили даже „свободное наличие“ в 128 миллионов рублей... в надежде на то, что „центр“ пришлет 178 миллионов рублей подкреплений! Пока же начали печатать свои бонны и к апрелю 1918 года их выпустили уже на 7.750.000 руб.¹⁾ Ни о каком финансово-экономическом плане, конечно, что называется, „и в мыслях не было“. Оперировали банковской наличностью и печатным станком сообразно тому, откуда больше просили и требовали, и, таким образом, ассигновывали на политехникум 10 миллионов, отпуская „на земледелие“—шесть!

Еще хуже обстояло дело с организацией народного хозяйства. Центром экономической контр-революции был пресловутый союз „Хлоп-мас-мыл“, сгруппировавший в своих рядах всю агентуру российского великодержавного капитала в Туркестане. Он решительно воспротивился национализации хлопковой промышленности и повел настоящую кампанию против Советской власти, пуская при этом в ход и черносотенную демагогию,—заявления о том, что Советская власть

¹⁾ Этими скудными цифрами ограничился комсесар финансов на V съезде! „Наша Газета“, 27 апреля.

хочет отдать хлопковую промышленность... немцам! В то же время, на местах шла открытая распродажа рабочими и служащими хлопковой промышленности и дележ вырученных денег между собой.

Туркестанская власть производила национализацию за национализацией, за отсутствием крупной промышленности обрушиваясь на мелкое ремесленное производство и мелочную торговлю. „Национализировали“, напр., все сады, — когда же пришла пора их убирать, все фрукты сгнили. За все головотяпства должна была расплачиваться мусульманская старогородская и кишлачная беднота. А наряду с этим сотни тысяч и миллионы — для вольной заготовки хлеба и других продуктов — раздавали явным спекулянтам и прохвостам. „Милостивый государь“, заявлявший, что у него есть заготовленный хлеб, мог свободно, без всякой проверки, получать миллионы. Давали на слово 200 тысяч какому-нибудь дутому „г-ну туркестанскому коллективу хлеборобов“. Спекулянты, получавшие полномочия от официальных учреждений, бросались на вольный рынок и там своей конкурентной еще более взвинчивали цены, наживая и сами на „государственных заготовках“ и „национализациях“ сотни тысяч и миллионы.

В связи с приездом „чрезвычайного комиссара в Средней Азии“ т. Кобозева, пятый съезд Советов принял постановление о привлечении мусульман к власти и объявил Туркестан автономной частью Р. С. Ф. С. Р. В тех условиях, без коренной ломки старых колониальных отношений, это решение было благим пожеланием. Только случайные представители киргиз и узбеков или, вернее, главным образом татары могли прийти к власти. На съезде было большинство „левых эс-эров“, но для торжественности была разыграна комедия „единения“ и даже совершен „поделуный обряд“. Знаменитый господин Успенский, целуя тов. Кобозева, провозгласил: „целую большевика тов. Кобозева потому, что теперь мы идем по одному пути“¹⁾. Это не мешало левым эс-эрам и дальше практиковать свою кулацко-обывательскую демагогию. Татарин тов. Кливадеев, приехавший из Москвы, довольно путанно доказывал, что с помощью Корана можно сделать всех мусульман коммунистами. В новый Турцик было избрано впервые до 10 мусульман (Джурабаев, Ибрагимов и др.).

В мае была одержана победа в Семиречьи. В войне между Шкапским, опиравшимся на казаков, и Советами русские переселенцы встали на сторону Советов, подтолкнутые на это старой сословной враждой с казачеством и возможностью воспользоваться его богатыми ресурсами. Поэтому, тотчас же по занятии города Верного, начальник партизанских отрядов Мураев... „потребовал от восставших против Советской власти станиц возмещения убытков, понесенных мирным населением (т. е. переселенцами) во время военных действий, и покрытия расходов по содержанию отряда революционных войск“²⁾. Семи-

¹⁾ „Наша Газета“, 11 мая 1918 г.

²⁾ „Наша Газета“, 24 мая 1918 г.

реченское кулачье неожиданно стало „опорой“ Советской власти и коммунистической партии, а „Советская власть“ и „Коммунистическая партия“ в свою очередь, сделались проводниками его интересов. Результаты этого быстро сказались. „Советский“ орган, выходящий в Верном, „Вестник Семиреченского (1) Трудового Народа“ печатает антисемитские погромные статьи: „Цари золота—враги человечества“ (№ 20), „Ротшильдово племя“ (№ 23) и т. д. Попы, переселенческие чиновники и царские полицейские „направляют плыитку“. Грабеж киргиз продолжается уже под „советской“ фирмой. Семиреченский Областной Исполнительный Комитет выпускает свои собственные бонны и гарантирует их запасами опия. И так далее, и так без конца.

Замечательная вещь: в то время как Туркестанская Советская власть противостоит мусульманской бедноте, как чуждая и враждебная ей сила, она находит совершенно невероятных союзников в среде европейских национальностей,—в лице представителей армянской буржуазии—„лашнаков“, русских кулаков Семиречья, царских чиновников и даже русских погромщиков—полов! Все эти отбросы эксплуататорского общества прекрасно размещаются под красным знаменем коммунизма, поскольку туркестанский „левый коммунизм“¹⁾ в условиях бывшей царской колонии на деле означает хищническую феодальную эксплуатацию русским краснотвардейцем, переселенцем и чиновником широких масс коренного населения.

В мае—июне 1918 года в третий раз образуется оренбургская пробка. Контр-революционное давление вновь увеличивается. Втайне готовится Асхабадский фронт. Наступает переломный момент. Во второй половине июня собирается первый съезд партии коммунистов-большевиков Туркестанской республики.

Настроение в Ташкенте в это время было в высшей степени тревожным. Главную роль играло недовольство продовольственной политикой. 20 июня в железнодорожном клубе „Карла Маркса“ собрались все „демократические“ организации, профсоюзы и железнодорожники по вопросу о посылке мирной делегации на дугровский фронт с широкими полномочиями—до заключения мира с дуговцами включительно. В Ташкенте тогда насчитывалось всего лишь 250 членов партии и 125 сочувствующих в старом городе. Еще хуже было положение на местах. На происходившем в этих же числах первом съезде профессиональных союзов Туркестана были сильные колебания, и резолюцию, отвергающую „мирную“ провокацию, удалось провести с большим трудом. Съезд коммунистов принял весьма знаменательное постановление „о партийной работе среди мусульманского пролетариата“, найдя необходимым: 1) для привлечения широких мусульманских масс к строительству новой жизни—признанию языка мест-

1) После появления „левого“ коммунизма в рядах Р. К. П. туркестанские колонизаторы принимают это название, называя себя „бухариитами“¹⁾.

ного населения, преобладающего по всей республике, — турецкого — государственным, наряду с русским, со всеми мероприятиями, отсюда вытекающими; 2) образование при всех областных, уездных и местных совдедах комиссариатов по национальным делам для самой энергичной агитации и привлечения широких масс мусульманства к советской работе; 3) обязательное издательство всех официальных органов на русском и мусульманском языках; 4) организацию при Ц. К. кадра опытных партийных работников для пропаганды среди мусульманского пролетариата идей классовой борьбы и коммунизма, — идеала, к которому стремится международный пролетариат; 5) оказание полнейшего доверия (!) мусульманскому пролетариату, осуществив организацию необходимой для защиты социалистической родины Красной армии из среды мусульманского пролетариата; 6) издательство партийной литературы на мусульманском языке, являющееся необходимым и важным подспорьем (!) в работе партийных агитаторов среди мусульманского пролетариата¹⁾. 20 июня вышел первый номер „Иштракиун“ („Коммунист“) под редакцией тов. Клавлева.

И все же до действительного сближения с массами киргиз, узбеков и туркмен было еще очень далеко! На этом первом съезде туркестанских коммунистов выступал неизбежный представитель „революционной партии Дашнакцутюн“, более прочих отличавшейся в преследовании туземной бедноты. Съезд выразил готовность „доверить оружие мусульманскому пролетариату“, но на самом деле никакого доверия не было и, по существу, дело шло только о переходе к режиму „просвещенного абсолютизма“ в отношении жителей старых городов и кишлаков. Этот режим не мог рассчитывать на большой успех. Можно было собирать фиктивных представителей мусульманских профсоюзов (цеховых), имамов и улема и заполучать от них вотумы доверия Советской власти, но это отнюдь не было проведением действительно интернационально-классовой политики.

Тем не менее эта попытка была сделана. Этому властно требовали окружающие условия. Нужно было защищаться от наступающей контр-революции, и Турция, вслед за съездом коммунистов, принял следующее решение: „Наступает решительный момент, когда правительству республики приходится учесть свои реальные силы перед возможностью ставки на карту всех достигнутых пролетариатом завоеваний, когда перед лицом всего пролетариата республики встает во весь рост вопрос: Быть или не быть советскому Туркестану?“

В числе неотложных мероприятий, подобно центру (?) Российской советской Федерации, Туркестанскому рабоче-крестьянскому правительству предстоит в срочном порядке:

¹⁾ „Наша Газета“, 29 июня 1918 г.

1) Объявить государственным языком¹⁾, наравне с русским, местный преобладающий язык (сартовский и киргизский).

2) Уравнять в правовом отношении всех граждан республики, издав декрет о равномерном распределении хлеба, мануфактуры и проч. без различия национальностей²⁾.

3) Организовать полный учет всего мужского—как европейского, так и мусульманского населения республики в возрасте от 20 до 35 лет.

4) Принять все меры к организации пролетариата и беднейшего крестьянства и дехканства республики в советы на местах, усилении активной деятельности советских партий на местах и рассылкой советской литературы из центра в самом широком масштабе, как на русском, так и на туземном языках.

5) Принять меры к изъятию из среды пролетарских организаций всех активных контр-революционных элементов и подголосков буржуазии и бюрократии, какой бы политической и классовой окраски они ни были.

6) Произвести с помощью специальных институтов—под личную ответственность командного состава и выборных представителей рабочих—радикальную чистку рядов существующей красной армии, красной гвардии и масс сознательных рабочих от всякого рода темных личностей, деклассированных, провокационных, разлагающих морально и контр-революционных элементов, позорящих своими действиями призванные защищать Советскую власть ряды пролетариата и армии, дабы искоренить всякую возможность подрывать в широких массах населения доверие к Советской власти³⁾.

Асхабадская контр-революция назревала давно. 17 июня по приказу Совнаркома была объявлена перепись. Она была понята как мобилизация.—Никто из представителей местной власти—„Закаспийского Совнаркома“—не мог объяснить цели ее. 17 июня, в день переписи, выступили фронтовики и железнодорожники. Начали раздаваться выкрики: „долгой Советскую власть!“, „да здравствует Учредительное Собрание!“. Открылась стрельба. На „дом революционного пролетариата“, где находились ревком и штаб Красной армии, было поведено

¹⁾ В Туркестане упорно считали, что требованием национального равноправия является не отмена государственного языка и фактическое проведение равноправия языков, а объявление государственными языками языков угнетенных национальностей, наряду с русским.

²⁾ Поскольку хлеб и мануфактура выдавались только по карточкам профессиональных союзов, поставившие это имели бумажное значение, — из организации профсоюзов мусульмане-кустаря были устранены.

³⁾ Резолюция Турцика от 11 июля 1918 г. „Советский Туркестан“, орган центр. Комитета и Совнаркома Турк. Республики Российской советской федерации, от 16 июля 1918 г.

наступление. Восставшие вызвали 350 вооруженных на подмогу из Кизил-Арбата. Но утром, 18-го, ревком предложил устроить мирную конференцию, и кровопролитие прекратилось¹⁾.—Таково было начало. Посланный из Ташкента чрезвычайный комиссар Фролов своим диким поведением еще более обострил положение. Вся белая гвардия, несознательная масса рабочих, фронтовики, офицерство и английские шпионы объединились под лозунгом: „долой комиссаров!“—Руководство контр-революционным движением принял Асхабадский стачечный комитет, во главе с слодвижником Доррера, царским прислужником Татариновым и меньшевиком Фунтиковым. Военная власть незаметно перешла в руки офицеров-белогвардейцев, вооруживших туркмен и текинцев. Асхабадский „совнарком“ частью был арестован, частью бежал. Красноармейцы были зверски перебиты. 17 июля Турчик, Совнарком, Ц. К. большевиков Туркеспублики, Ц. К. левых эс-эров, Центральный Совет профсоюзов и Ташкентский Совет обратились с воззванием ко всем рабочим по поводу Асхабадской контр-революции. Отправившийся для мирных переговоров с рабочими комиссар труда, рабочий-большевик с 1905 года, тов. Полторацкий—один из лучших и наиболее авторитетных работников, был варварски растерзан. Провокационным способом белогвардейцы заняли Мерв. До прибытия отрядов из Ташкента нельзя было установить линии фронта, так как местные силы были ненадежны²⁾.—Так вырос Асхабадский фронт,—в то самое время, когда Оренбургский фронт приковывал все лучшие части. Его возникновение стояло в теснейшей связи с общим планом наступления союзников на советскую Россию. То, что было проделано англичанами в Баку с помощью Бичерахова, в Асхабаде было устроено при содействии Фунтиковых и фронтовиков. Быстро появились на фронте английские офицеры и сипаи. Организовалось под верховным покровительством генерала Малиссона „Временное Закаспийское Правительство“ из представителей русской и армянской буржуазии и царских бюрократов. Туркмены были вовлечены в это белогвардейское предприятие, как бессознательная сила. Им нечего было терять с падением Советской власти, которая опиралась исключительно на одних русских. Идя за своими родоначальниками, они сделались поневоле слепым орудием в руках английского империализма.

Асхабадская контр-революция была не только продуктом внешнего давления английского империализма, она была также и плодом „внутренней истории Туркестана“,—той колонизаторской партизанщины, которая органически была неспособна построить твердую революционную власть, и того разложения русского пролетариата, которое было обусловлено долгой привычкой решать все на митинге и с помощью митинга. 1918 год и в центральной советской России был го-

¹⁾ „Наша Газета“, 27 июня 1918 г.

²⁾ „Советский Туркестан“, 26 июля 1918 г.

дом партизанщины, „власти на местах“ и мучнигования, но там была сразу же начата ожесточенная борьба против всех этих пережитков „демобилизации“ старого государственного аппарата, — здесь же „демобилизованный большевизм“, — упрощенная идеология демобилизованного солдата старой армии, — был почти официальным символом веры.

Туркестан оказался в кольце контр-революционных фронтов: с одной стороны — Оренбургская пробка, с другой — Ашхабадский фронт, в Ферганае — басмачи, в Семиречьи — казачья контр-революция.

Разгром „Кокандской автономии“ не мог пройти бесследно в промышленной и торговой Ферганае, наиболее „обуржуазившейся“ области коренного Туркестана. Голод 1918 года унес в ней до 30% населения. Однако кризис хлопководства создал там огромную армию безработных. По преувеличенным вычислениям, в 1918 году там оказалось до 400 тысяч безработных „чайрикеров“, которые до того времени работали исполу, до 300 тыс. обезземеленных „хлопковиками“ дехкан и до 50 тысяч заводских рабочих. — Если даже эти цифры соответствуют действительности только наполовину, то и в этом случае они огромны. Но объяснение им можно найти в том, что в 1918 году, в Ферганае, на полтора миллиона душ населения приходилось только 800 тысяч десятин земли, то-есть по полдесятины на душу ¹⁾. Само собою разумеется, что десятки и сотни тысяч узбекской бедноты, при тогдашнем политическом положении, неизбежно должны были стать кадрами басмачества. Вот какую характеристику басмаческому движению давал Краевой комитет партии в начале 1920 года: — „Басмачество в Ферганае не является исключительно анархическим разбойничьим движением, — развившись отчасти из разбойничьих банд, прикрываемое и подогреваемое лозунгом борьбы за национальную автономию, подхваченное в контр-революционных целях улемой и байством и развитое после разгрома Кокандского автономного правительства, — насильственными действиями против коренного населения, — колонизаторскими элементами, примазавшимися к Советской власти, это движение пустило довольно глубокие корни среди местного населения, став постепенно национальным движением местного байства против Советской власти, как таковой ²⁾. Вслед за Иргашем, приглашенным кокандским правительством, выступил Мадамин-Бек, бывший курбаши (вечто вроде военачальника и в то же время владетельного феодала) старого Маргелана. К нему стали стекаться все те, кого разруха и революция выбила из жизненной колеи: В руках баев и улема знамя Ислама, естественно, превратилось в знамя национальной борьбы против русской Советской власти.

Басмачество выросло, с одной стороны, на почве борьбы за национальное самоопределение, как результат разгрома „кокандской автономии“ и последующих колонизаторских безобразий, с другой же стороны,

¹⁾ „Наша Газета“, 13 августа 1918 г. Статья: „Помощь в Ферганае“, Малкофа.

²⁾ Тезисы о Ферганае, принятые в заседании Крайкома от 11 февраля 1920 г.

на почве экономического кризиса, — голода, разрушившего хлопковое хозяйство в Фергане и, вместе с тем, лившего узбекско-сартовскую буржуазию прежнего благосостояния, а массы мардикеров, чайрикеров и чернорабочих — обычного заработка. Борьба с басмачеством с первых же дней приняла затяжной характер, поскольку басмачи вели войну исключительно небольшими партизанскими отрядами и могли вполне рассчитывать на помощь местного населения или, по крайней мере, на доброжелательный нейтралитет с его стороны. Для определенной части буйства, басмачество сделалось промыслом, так как басмаческие курбаши в сфере своего господства эксплуатировали кочевое население, как истинные феодалы, облагая его контрибуциями и заставляя на себя работать.

На шестом съезде Советов, собравшемся в октябре 1918 г., произошел раскол между большевиками и левыми эс-эрами. Левые эс-эры, определенно учитывая растущую тяжесть положения, отказались участвовать во власти. Во время съезда в ташкентских мастерских устраивались весьма хитрые махинации, пытались мобилизовать общественное мнение¹ против съезда и т. д. Со стороны контр-революционных элементов, оперировавших под разными политическими вывесками, «бутада» в мастерских была прямой подготовкой январского выступления, как это потом и выяснилось из процесса участников январских событий Попова, Агапова, Цветкова и др. Чем дальше, тем больше партизанщина приобретала контр-революционную окраску. Иргаш, объявивший себя ханом в Фергане, сделался особенно популярным среди населения после действий высланного в Анджак отряда, спасаясь от насилий которого население бежало к Иргашу. Посланный для борьбы в г. Чуст отряд взял у населения 100.000 руб. Такие же безобразия, буйства, насилия и грабежи наблюдались и в других местах²). Самую откровенную картину пьяного разгула рисует телеграмма прославившегося в Туркестане своим поведением Казанского полка — 1-му съезду красноармейских и красогвардейских депутатов Туркестанской республики: «Стоянка всего полка на ст. Катта-Курган немислима, так как нет свободных путей, но также немислима стоянка полка и на ст. Самарканд, где найдутся запасные пути для всех эшелонов полка (!), ввиду обилия вина (!!), в котором, по вине местной власти (!!), красноармейцы купаются и тонут. Требуем содействия президиума краевого съезда красноармейцев и красогвардейцев в разрешении выезда полка в местность, где нет спиртных напитков (!!!), но где возможна стоянка»³). На этом 1-м съезде громко раздавались речи о том, что «нужно приказать власти сделать что требуется»⁴). Финалом его было избрание Военного Совета республики...

¹) Речь председ. Туркиза Вотничева на заседании 1-го красноарм. съезда 2 декабря, «Наша Газета», 4 декабря 1918 г.

²) «Наша Газета», 7 декабря.

³) Заседание съезда 27 ноября, «Наша Газета», 30 ноября 1918 г.

44 человека! В конце декабря происходил 2-й краевой партийный съезд, и борьба личных группировок, разыгравшаяся на нем, была также свидетельством разлагающего влияния партизанщины и демагогии. Стояли „старые коммунисты“, предводительствуемые Тоболиным, и молодые—сторонники Вотивцева. Против молодых „старые“ выдвигали то обвинение, что ташкентская организация „загрязнена темными и авантюристскими элементами“ и „Ц. К. ведет соглашательскую политику“. „Молодые“ отвечали тем же. Никакой принципиальной почвы под этими разногласиями, за исключением общего убеждения, что к партии слишком много приизалось случайных попутчиков, не было. Об этом красноречиво рассказывали доклады с мест: в кулацком Семиречья уже давно постановили, чтобы двум партиям (левым эс-эрам и большевикам) слиться воедино, ибо разногласие ведет к расколу“ (!), из других мест повествовали в том же духе. Большинство из голов против 38 при 8 воздержавшихся „победили“ „молодые“ (!). — Трудно сказать, чья это была победа.¹⁾

В декабре 1918 года басмаческое движение в Фергане значительно усилилось. В это же время произошло под руководством левых эс-эров восстание в селе Беловодском, крупнейшем кулацком центре Семиречья.—Было образовано „автономный Беловодский уезд“, управлявшийся „Советом беловодского митинга“ (!!). По сведениям Следственной комиссии „восстание было организовано сибирским правительством и являлось тактическим маневром командующего копальско-сергиевпольской отрядами белогвардейцев“²⁾. Оно было быстро ликвидировано, однако общая атмосфера в связи с обострением военного положения и ростом контр-революционного недовольства создавалась крайне напряженная. В целях провокации Закаспийское временное правительство обратилось к Советскому Туркестану с „мирным“ предложением, поставив своими условиями созыв „Туркестанского Учредительного Собрания“, признание власти будущего Всероссийского Учредительного Собрания“, „создание временной власти по соглашению борющихся сторон“ и „амнистию всем участникам гражданской войны, за исключением уголовных“³⁾.

С начала декабря началась в ташкентских железнодорожных мастерских новая „бутада“. Организующим моментом послужил лозунг „рабочей конференции“, а в ночь с 18-го на 19-е января выступили настоящие белогвардейцы во главе с членом коммунистической партии, военным комиссаром Туркестанской республики, негодяем Основым, который заранее подготовил к этому 2-й полк и организовал всюду свои ячейки, вплоть до железнодорожных мастерских. План был продуман очень основательно и еще накануне Осипов добился у Ташкентского Совета приказа о разоружении крепости, которая в его расче-

1) „Наша Газета“, 27 декабря 1918 г.

2) Правительственное сообщение. „Наша Газета“, 3 января 1919 г.

3) „Наша Газета“, 1 декабря 1918 г.

дах была единственной опасностью. Прежде всего были изменнически завлечены и убиты все видные советские работники-большевики, т.т. Шумилов, Качуринер и др. Был пущен повсюду слух, что восстали левые эс-эры. Этому слуху первоначально поверили, так как это было бы „в порядке вещей“ с точки зрения создававшихся отношений.

До сих пор еще январские события являются загадкой для судебно-следственных органов и потому нельзя точно определить долю участия в них левых эс-эров. Однако можно с полной определенностью утверждать, что факт „однобокой“ расправы с комиссарами-коммунистами отнюдь не случаен. Между Осиповым и левыми эс-эрами связь была, на конфликте левых эс-эров с коммунистами наживали свой политический капитал белогвардейцы на митингах в железнодорожных мастерских. Имел Осипов связи и среди примававшихся, демагогических элементов большевистской организации. Об этом ясно говорит показание „осиповца“ техника Ивана Подова, бывшего весь 1918-й год главным заправкой всех „бугад“ в мастерских: „Осипову я верил потому, что он коммунист-большевик и, значит, хочет пользы рабочим; значит, не согласен только с тактикою других комиссаров“¹⁾. Именно на таких „наивно“-демагогических настроениях строил Осипов весь свой расчёт. — Будучи сам совершенно ничтожной персоной он был силен окружающей атмосферой сочувствия со стороны всех примававшихся к революции.

Его военный план расстроился из-за сопротивления крепости. Это сопротивление позволило организовать в последний момент рабочим, и Осипову с остатками профессиональных белогвардейцев пришлось бежать окружным путем в Бухару.

Январские события были контр-революционным бунтом примававшихся против Советской власти, которая, несмотря на свою особенную слабость в Туркестане, все же стояла на пути их авантюристским аппетитам. Самобытность их в том, что они были логическим завершением целого периода колонизаторской партизанщины. Тот же самый Осипов устроил январское восстание в Ташкенте, возвратившись из похода в Фергане, где он воевал с Иргашем!

На Осипова работали и шкурники, почитавшие митинг в железнодорожных мастерских „высшей властью“, и авантюристы, находившиеся в области отчетности в состоянии войны с правилами арифметики, и бывшие дарские офицеры, и вчерашние чиновники губернаторских канцелярий, и православные „коммунисты (??!)“ - погромщики, и лево-эс-эровские прохвосты, в несколько месяцев проделавшие путь от „Союза Михаила Архангела“ к самому крайнему радикализму. Все это было накипью русской колониальной революции. Недаром же полковник Цветков, формулировавший на суде программу „осиповщины“, совершенно совладающую с аслабадской („деловой кабинет без политической окраски“, „созыв Туркестанского Учредительного Собрания“).

1) „Наша Газета“, 26 февраля 1919 г. Из зала суда.

на вопрос о том: „зачем было занимать мастерские, когда власть находилась в городе?“, без слиянчиков ответили: „власть ставят люди, находящиеся в мастерских!“¹⁾ Это следовало понимать буквально, — по отношению к краевой и местной власти „мастерские“ выполняли роль „суверенного народа“. К „мастерским“ обращались все претенденты на престол, все пытались купить их своей демагогией, хотя в период крайнего напряжения борьбы на фронтах лучших элементов там не было.

Январские события, которые были жестоким уроком туркестанским советским работникам, вместо прояснения сознания, породили новую путаницу. Они были использованы для проведения слияния между большевиками и левыми эс-ерами. Вместо чистки партии и выпрямления ее политики получилась бесформенная коалиция „держателей власти“. И доводом за эту коалицию было предательское убийство лучших из коммунистов, „обескровление правительственной партии“.

Толчок был дан 2-м железнодорожным съездом, заседавшим одновременно с 7-м съездом Советов. За это высказывался также Кобозев, представитель центра, прибывший вторично в Туркестан после прорыва Оренбургской пробки в январе—феврале 1919 года. 6 марта ташкентская организация левых эс-эров высказалась за слияние с коммунистами в единую партию. 7-го такое же решение было принято фракцией левых эс-эров 7 съезда Советов. Краевая конференция левых эс-эров к этому присоединилась, вынесла постановление, что партии левых эс-эров, как в Ташкенте, так и на местах, объединяется с партией большевиков коммунистов в единую рабоче-крестьянскую коммунистическую партию всем составом своих членов!²⁾ 7-й съезд Советов прошел под знаком этого объединения. На нем было подробно освещено состояние всей советской организации в Туркестане — основным вопросом был продовольственный. В 1918 году на заготовку продовольствия было ассигновано 506,725 тысяч руб., в 1919 г. продовольственной директорией смета была составлена 4.633.350 тыс. руб.³⁾ Вследствие военных действий, Закаспий и Фергана были исключены из района заготовок. Главными источниками были Актюбинский и Темирский районы. Ни о какой продовольственной политике не было даже и речи. „Туркестан спасло только чудо, — случайно проскользнула сюда мануфактура, и ею только жили, обменивая на хлеб“⁴⁾. Не было налаженной продовольственной организации, — были отдельные уполномоченные, с более или менее темным прошлым и с довольно темными источниками дохода в настоящем. — бывшие офицеры, торговые комиссионеры, чиновники, которые официально, от имени продорганов, занимались спекуляцией. Позже многие из них попали под суд и че-

¹⁾ „Наша Газета“, 27 февраля 1919 г.

²⁾ „Наша Газета“, 28 марта 1919 г.

³⁾ „Наша Газета“, 4 апреля 1919 г. Замечание Казакова на съезде.

кистскую расправу. В докладе комиссариата земледелия было установлено: 1) что общая площадь посевов в трех областях республики — Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской в 1919 году по сравнению с 1918 годом сократилась на $\frac{46}{100}$; 2) что, несмотря на открытые оренбургской пробки (она вскоре закрылась), нельзя ожидать подвоза хлеба и из Европейской России, хотя бы там оказались хлебные излишки, так как за отсутствием подвижного состава на железных дорогах в Туркестан может поступать хлеба не более 225.000 пудов в месяц; 3) что в текущем году можно ожидать еще сокращения площади посева по сравнению даже с 1918 г. Причинами этого являются: во многих районах недостаток семян, во всех районах недостаток мертвого и живого инвентаря, кроме того, в некоторых местах причиной сокращения посевов служит неплановая (?), а иногда и незаконно производящаяся реквизиция как хлеба (даже семенного), так и живого и мертвого инвентаря¹⁾. Кризис транспорта выражался особенно в нехватке подвижного состава и недостатке топлива. В распределение подвижного состава большую путаницу внесли воинские части. Без всякого разбора захватывали вагоны, тормозили правильное передвижение поездов. Часть подвижного состава находилась на ашхабадском фронте, а другая часть — на оренбургском. Чтобы перебросить продукты из одного места в другое, нужно было брать вагоны с фронта. В отношении топлива дело обстоит еще хуже. Будучи отрезанными от Баку, мы здесь с большим трудом поддерживали движение поездов. Громадное количество нефти было назначено для нашего края, но вследствие ашхабадского фронта, мы успели получить только незначительную часть этого запаса, а остальная часть осталась в Закаспии. Это обстоятельство заставило нас обратить серьезное внимание на твердое топливо. Чтобы применить твердое топливо, нужно было соответствующим образом приспособить паровозы. Затем нужно было расширить добычу твердого топлива. С этой целью была организована топливная (?) директория с неограниченными правами. С организацией директории добыча топлива увеличилась, но, благодаря отсутствию подвижного состава, добытое топливо не было распределено по станциям. Потребность жидкого топлива была громадна. На фронтах паровозы постоянно стояли под парами. Пришлось употребить вместо нефти масло (!), которого в сутки сжигалось до 6 000 пудов. На это обратили серьезное внимание, и ныне расход выражается в 370 пудах. На северном жел. дор. участке пришлось употреблять рыбу в качестве топлива (!!). В громадном количестве была заготовлена рыба из Аральского моря для вывоза в Россию. Но ввиду оренбургского фронта и отсутствия транспорта часть испорченной рыбы пришлось сжигать вместо топлива²⁾. Так изображалось положение в докладе Казакова 7-му съезду Советов. Не лучше было и в других отраслях. Ставки за

¹⁾ „Наша Газета“, 1 апреля 1919 г.

²⁾ „Наша Газета“, 14 марта 1919 г.

рабочней платы были установлены от 370 до 540 руб. для лиц, занятых физическим трудом, и от 600 до 850 р. для умственного труда. Однако и эта градация вызывала возмущение, потому что „с социальной точки зрения все должны пользоваться благами жизни одинаково“).

Допуская самые подозрительные элементы к органам власти, здесь не хотели и слышать об использовании буржуазных специалистов.

Работа Комиссариата Просвещения была направлена почти исключительно на обслуживание русских возых городов. В Ташкенте, в русской части города, насчитывалось 73 школы при 681 учащих и 12.021 учащихся, в туземной—48 школ при 158 учащих и 9.200 учащихся. По краю данных представлено не было.

На съезде была оглашена хлестаковская радиограмма „председателя комитета по созыву Туркестанского Учредительного Собрания“ Мустафы Чокаева из Асхабада. Радиограмма была адресована: „Москве, Ташкенту, Вильсону, Клемансо, Лансингу, редакции L'Humanité“ и комитету журналистов при мирной конференции. Содержание ее было не менее странным, чем адресат: это было обращение к мирной конференции с просьбой признать за Туркестаном „возможность суверенного существования“... в лоне англо-сипайско-белогвардейской власти“).

На съезде Советов была образована национальная секция под председательством Кобозева. Там собрались все мусульманские делегаты, однако уже самый факт ее существования был белым на глазу у колонизаторов-коммунистов, почувствовавших, что начинается что-то новое, в высшей степени опасное для русского господства. Национальную секцию пытались разогнать, но неудачно.

24 мая открылась 1-я краевая конференция мусульманских организаций Российской коммунистической партии, созданная по инициативе „мусульманского бюро“. Она поставила ребром вопрос о национальном самоопределении. Под ее давлением были разоружены все дашнакские дружины, все еще продолжавшие неистовствовать со времени „кавказской автономии“¹⁾. Конференцией было избрано краевое бюро мусульманских организаций Р. К. П. Еще перед конференцией инициативное мусульманское бюро обратилось к трудовому населению Ферганы с призывом: уйти из рядов басмачества и приняться за строительство своей власти на местах²⁾.

Тем не менее, положение „самоопределяющихся“ мусульман-коммунистов из лагеря джадидской интеллигенции—киргизской (Рыскулов) и узбекской (Турсун Ходжаев)—было критическое. Колонизаторский „истинно-русский“ „левый коммунизм“ не хотел без боя сдавать своих „насиженных позиций“. Инициаторы первой мусульманской конферен-

1) „Наша Газета“, 23 марта. „В Ташкентском Совете профсоюзов“.

2) „Наша Газета“, 18 марта.

3) Орган французской социалистической партии.

4) „Наша Газета“, 22 марта 1919 г.

5) „Известия“, 5 июля 1919 г.

6) „Известия“ 3 мая 1919 г.

ции коммунистов должны были снабжать ее участников... особыми удостоверениями о том, что они никаким обыскам и арестам без разрешения президиума конференции не подлежат¹⁾ Фактическое соотношение сил на местах характеризовалось такими документами: „Предъявитель сего красноармеец (имя рек), честный и исполнительный солдат, увольняется от службы навсегда, как сарт“²⁾ На местах и в центре все еще подвизались старые „деятели“, вся „интернациональная“ мудрость которых исчерпывалась одним простым рассуждением (все мусульмане — спекулянты). В Перовске сидел потомок литовских князей, „товарищ“ Гержотт, приговоренный потом Реввоен трибуналом туркфронта к расстрелу за свои „художества“, которые тысячам и десяткам тысяч киргиз стоили жизни.

Открытие 3-го краевого съезда коммунистов произошло 1 июня 1919 года. Уже 1-я красная конференция мусульман-коммунистов констатировала, что „дух и направление, впитанные режимом царского правительства в господствовавшие и привилегированные слои населения, в отношении к подчиненным, не вывелась еще окончательно. До сего времени приходится быть свидетелем открыто пренебрежительного отношения к туземной трудовой массе со стороны представителей бывшего привилегированного класса и даже со стороны некоторых называющих себя коммунистами, которые, разыгрывая из себя „начальство“ тоносятся к мусульманам, как к подданным. Национальные трения между киргизами и крестьянами в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях, особенно обострившиеся со времени злополучного бунта 1916 года, до сего времени не прекратились, выливаясь в разные недоразумения — то аграрные, то чисто политического характера, ведущие, в конечном счете, к обезличению киргизского населения. В Ферганской области советская деятельность, вместо борьбы с разбойниками, вылилась в поощрение роста разбойников и полное гонение не только мусульманского населения, но и мусульманских „коммунистов“³⁾. На 3-м съезде столкнулись колонизаторы, группировавшиеся вокруг Казакова и Успенского, и мусульманские делегаты, объединившиеся вокруг Кобозева, как „представителя центра“. Нельзя сказать, чтобы точка зрения товарища Кобозева отличалась большой последовательностью и принципиальностью. „Тезис“ о внешней политике гласил: „Внешняя политика коммунистической партии Туркестана должна строиться из расчета длительной обороны всемирного социалистического отечества, в частности Туркестана, на три года (??), но без подрыва (?) экономического процветания советских стран; при чем однако наша партия не должна позволять себя увлекать различными военными специалистами (??!) авантюрами, грандиозными шовинистическими военными замыслами (?), из рядов какой-бы национальности они ни исхо-

¹⁾ Документ, хранившийся в архиве Крайкома.

²⁾ Таких документов были десятки и сотни.

³⁾ „Известия“, 7 июня 1919 г.

дили. Норма оборонительных сил Туркестана, при указанных условиях, не должна быть выше двух современных советских армий, — соответственно этому уровню должно стоять и все военное дело, снабжения и организации боевых сил Туркестана, при чем главная бдительность должна быть направлена на памирское направление, где должны появиться главные силы Англии¹⁾. Это индийско-памирское направление, несомненно, было плодом... недостаточной осведомленности в географии.

Не менее странными были соображения из экономической области: Наше финансовое банкротство, выразившееся в обесценении местного туркестанского рубля даже по сравнению с бумажным рублем центральной Советской России от трех до четырех раз, выражает собой обычный закон экономики, а именно, что количество экспропрированных (?) товаров у населения, замененных (?) бумажными знаками, чрезвычайно велико²⁾.

В Туркестане, где нужно было, прежде всего, доставить на ноги элементарную организацию труда, в качестве всеисцеляющего средства предлагалась тейлоризация!

Туркестан, представляющий, в главной своей массе населения, дехканов — этих своеобразных земельных пролетариев, — говорил Кобозев, — в то же самое время исчисляет лишь небольшое количество мелких ремесленников, объединенных в цехи средневекового типа, и представляет, поэтому страшный вид перехода от современного коммунизма (?) к отдаленному феодализму, подобно тому, как представляла такую же картину и Россия в самом недавнем прошлом перед февральской революцией³⁾. Из всего этого делался вывод, что нужно относиться с большой осторожностью к средней буржуазии. Никакого анализа особого типа колониальных отношений не было. Не было дано принципиального указания на разницу в положении между нацией господствующей и угнетенными нациями. Вместо этого на съезде разыгрался удивительный спор о том, можно ли наделять мусульманскую бедноту званием пролетариата, со всеми вытекающими отсюда правами.

Мусульманские делегаты объединились вокруг Кобозева, как представителя центра⁴⁾; Кобозев, идя по линии наименьшего сопротивления, не пошел дальше общих мест.

Само собой разумеется, что колонизаторы избрали предметом своей травли тов. Кобозева не потому, что позиция его была путаной, а потому, что в лице мусульманской оппозиции на съезде они увидели прямое покушение на свои «суверенные права». На этом играл и бывший член «Союза Михаила Архангела» Успенский. Этим была вы-

¹⁾ «Труды 3 съезда коммунистической партии Турк. республик», Ташкент, 1919 г., стр. 26.

²⁾ «Труды», стр. 28.

³⁾ «Труды», стр. 20.

сваива и „отставка правительства“ заявившего, что при создавшемся положении оно не в состоянии работать. На этом основывалась и позиция Казакова, ультимативно ставившего вопрос о хлебной монополии в расчете на то, что мусульманские делегаты восстанут против новой вакханалии самочинных обысков, реквизиций и насилий. В этом была причина вмешательства Гриднева от имени ташкентского Совета, „от имени 120.000 ташкентских пролетариев“, грозившего роспуском партийному съезду. Колонизаторы всячески старались довести дело до разгона партийного съезда и арестов его членов.

Это—опять-таки иллюстрация „самобытного“ развития Туркестана! Столкновение на съезде было подготовлено борьбой между Краевым Комитетом партии, во главе которого стоял Солькин, и Краевым Мусульманским Бюро. На съезде власть столкнулась с партийной организацией. Прения имели отвратительный вид лично-групповой склоки. Склока продолжалась и после съезда. На съезде были приняты все резолюции „кобозевской“ группы, постановлено было всюду организовать мусульманские национальные секции при партийных организациях, был избран Краевой Комитет в составе Кобозева, Рыскулова, Бернадюка, Сорочкина, Апина, Тоболина, Солькина, Эффендиева, Алиева, Незамеддин-Ходжаева и Ермолова. Однако „парламентская“ победа далеко еще не означала действительного поражения колонизаторов, которые опирались на партизанщину, на „истинно-русский“ шовинизм и примазавшихся кулаков и чиновников. Это было подтверждено заявлением группы мусульман-делегатов съезда в числе 76 человек, которое гласило: „Мы, мусульмане-делегаты, собравшиеся на 3 съезде Р. К. П. Турк. республики, категорически просим 3-й съезд принять меры против того, что Следственными Комиссиями производятся аресты активных мусульманских работников, и Следкомы принимают материалы от разных кишлачных баев, а также и от чиновников, бывших волостных правителей и беспартийных инструкторов земельно-водных комитетов, где все чиновники и прапорщички, которым очень нравится угощение баев, за что им желательно взять в свои руки власть и передать таковую в руки баев, чтобы угощения продолжались дальше. Делают доносы в Следкомы, которые производят аресты активных работников-мусульман, не разбирая их дела по 3 и 6 месяцев; в отсутствие активных работников в советской власти и пользуясь свободным временем, баи захватывают власть и потому в мусульманских деревнях власть часто оказывается в руках буржуазии“¹⁾.

Прорыв оренбургской пробки, на этот раз окончательный, приближался. К 7 сентября полный разгром колчаковской армии уже стал фактом. Красными войсками цедра была занята Эмба. Перебежчики переходили тысячами. Соединение Туркестана с Советской Россией было вопросом нескольких дней.

1) „Труды“, стр. 265.

С приближением этого момента конфликт между самобытным туркестанским колонизаторством и политикой центра должен был все более и более обостряться. После 3 съезда коммунистов он принял форму ожесточенной борьбы между Крайкомом, во главе которого встал Кобозев, и Турциком, возглавлявшимся все еще Казаковым. 12 июля из Москвы была получена от Ц. К. Р. К. П. радиограмма следующего содержания: «Ц. И. К. Советов Турк. республики и Краевому Комитету Коммунистов.—На основании принятой восьмым съездом программы коммунистической партии, в интересах проведения политики рабоче-крестьянской власти на Востоке, необходимо широкое пропорциональное населению привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями. Прекратить реквизицию мусульманских имуществ без согласия краевых мусульманских организаций; избегать всяких трений, создающих антагонизм. Надеемся, что передовой революционный кадр Туркестана—русский пролетариат—исполнит свой революционный долг, примет все меры к осуществлению намеченной центральной властью цели и не причинит затруднений к ее проведению. Сообщите об исполнении Ц. К. Р. К. П.»¹⁾ В старом Ташкенте Краевым Бюро мусульманских организаций Р. К. П. был собран митинг с участием членов Крайкома и на нем было вынесено решение о необходимости переизбрать президиум Турцика (Казаков—Успенский), произвести выборы на 8 съезд Советов на основе пропорционального представительства и поручить Крайбюро привлечь мусульманскую интеллигенцию к подготовке 8 съезда. По этому случаю 20 июля было устроено объединенное заседание Турцика, Крайкома, ташкентского Исполкома, Реввоенсовета, ташкентского Комитета партий, Центрального Совета профсоюзов, ташкентского Союза профсоюзов и Краевого Бюро мусульманских организаций, на котором колонизаторы добились того, чтобы было постановлено «резолюции (Ц. К. Р. К. П.) по краевым оглашать; общенародных митингов не устраивать»²⁾. В Ц. К. махмули радио: «Постановление Ц. К. партии о пропорциональном представительстве в представительстве Туркестана вообще (?), а не пролетариата (?!) для лучшего проведения в жизнь нашей восточной политики вызывает недоразумения и затруднения, так как в правительство войдут по этому принципу все деклассированные элементы и явные по существу противники советской власти и принципа (!) социальной революции.

Постановлено (!)—будет сначала учредилка, а затем и более худшее, как это было уже в Асхабаде.

„Принимая во внимание (!), что данный вопрос имеет огромное значение, а в особенности для Туркестанской Советской Республики и

¹⁾ „Известия“, 28 сентября 1919 г.

²⁾ „Известия“, 28 сентября 1919 г.

может быть грозит последствиями для Советской власти в Туркестане и окончательно лишит возможности иметь какое-либо наше влияние на Востоке.—Ввиду чего просьба экстренно дать подробную информацию и инструкцию по существу данного вопроса № 675. Председатель Турцика Казаков, секретарь Турцика Теодорович¹⁾.

„Генеральный бой“ произошел на 8 съезде Советов и 4 съезде коммунистов, заседавших в сентябре 1919 г. Самым боевым пунктом порядка для съезда Советов был доклад председателя Турцика, Казакова.—2 июня был издан декрет о хлебной монополии.—„Издав 2 июня декрет о хлебной монополии, Ц. И. К. предписал опираться (!) на комитеты бедноты, для организации которых приняты спешные меры“²⁾.

Этот декрет послужил первым яблоком раздора на съезде. Туркестанские комбеды быстро обнаружили свою русско-кулацкую сущность, закрытие же всякой вольной торговли в стране мелкого производства по преимуществу, без обеспечения коренного населения необходимыми продуктами, привело к широкому возмущению в туземных кругах.—Рабочий—мардикер оказался лишенным даже той традиционной „лепешки“, которая была до сих пор главным предметом его питания. Но об этом мало думали.—Вот извлечение из протокола съезда: Файзуллин: Тов. Казаков говорит, что хлебная монополия должна была проводиться в жизнь через соответствующие краевые организации. В Ташкенте имеется Мусульманское Бюро коммунистической партии, но там до напечатания в газетах декрета о хлебной монополии ничего не было известно³⁾.

Казаков.—Для меня, как для коммуниста, нет национального вопроса (!). Я никогда не подчеркивал вам, что в Туркестане 95% мусульман и только 5% русского населения. Помните всегда, товарищи, что именно на почве национальной розни (!) контрреволюция и провокация делают свое подлое и грязное дело“⁴⁾.

Казаков был недостаточно подготовлен к тому, чтобы определять политическую линию. Всем заправлял Успенский. Цинизм этого господина доходил до Геркулесовых столбов. Когда он был запрошен на съезде, почему киргизы Перовского уезда откочевали в горы (спасаясь от неистовств перовского самодержца Гержотта), то на это последовал классический по своей простоте ответ: „да, Турцику известно, что кочевое население не стоит на месте, а кочует!“⁵⁾

Кобозев в связи с радио от Ц. К. поставил вопрос о партийной дисциплине. Одновременно было разоблачено нежелание темных элементов, группировавшихся около Турцика, идти на соединение с центром.

¹⁾ Там же.

²⁾ Заявление Казакова в заседании съезда от 9 сентября.—„Известия“, 12 сентября.

³⁾ „Известия“, 13 сентября. Заседание 10 сентября. Намек на г. Кобозева.

⁴⁾ „Известия“, 13 сентября 1919 г.

Вит был Мерв. Хотели там закрепиться, а пошли дальше, взяли Асхабад, и на этом не остановились. На Актюбинском же фронте, в это время, туркестанская Красная Армия терпела поражение за поражением. Это как будто никого не беспокоило.

Колонизаторы выступали под флагом так называемой «активной группы». Их опорой была «власть на местах». — Приведем отдельные штрихи этой «власти». — Заявление бывшего председателя Сыр-Дарьинского областного Совета: «Если говорить о власти в уезде (Чимкентском), то — если можно так выразиться — там скорее всего «пьяная власть». Распоряжений центра там никто не читает, никто ими не интересуется и не заботится о проведении их в жизнь. Никакой связи уездного исполкома с волостями не существует и 250-тысячное население уезда предоставлено своей собственной участи. Приблизительно в таком же точно положении находится и соседний Аулие-Атинский уезд. Верненский уезд: «Развито слишком изготовление самогонки, — и пьянство процветает».

В состав уездного исполкома входят 20 человек, из коих один только мусульманин. Мусульмане вообще от взхождения в Совет уклоняются, боятся (!) идти к власти. «В Семиречьи вообще есть партия, но нет коммунистов¹⁾». Кто входит в партию, об этом свидетельствует откровенное признание «комитетчиков»-кулаков на 3-м съезде коммунистов — в том, что «члены комитета выписывают себе «для поддержания хозяйства» по 7000 рублей²⁾».

Легко понять, что в умах представителей такой «власти на местах» всякое требование о привлечении коренного населения к власти должно было вызывать бешеную классовую злобу. Не видя перед собой мусульманской бедноты и рассматривая всё коренное население как единый объект эксплуатации, они, естественно, всякий намек на национальное самоопределение этих масс считали возвратом к Учредилке. За почти двухлетнее изолированное существование Туркестана на поверхность поднялась вся мусть и грязь старой колониальной политики. Поскольку лучшие силы немногочисленного русского пролетариата были отвлечены борьбой на фронтах, эти примазавшиеся не могли встретить сопротивления даже в простом чувстве классовой ... безразличности. 8-й съезд Советов дал наказ новому Турцику, куда прошло уже большинство мусульман, «целиком подчинить свою деятельность руководящим указаниям третьего Интернационала восьмого Всероссийского и третьего Туркестанского партийных коммунистических съездов и их исполнительных органов³⁾».

Закаспийское правительство было свергнуто, Кюляк разбит, — политическое поражение колониализаторства стало неизбежным.

¹⁾ «Известия», 26 сентября 1919 г. Статья «Власть на местах».
²⁾ «Труды 3 съезда», стр. 93.
³⁾ «Известия», 9 октября 1919 г.

На ряду с этим и „кобозевщина“, пытавшаяся подменить принципиально-интернационалистскую политику личным прожектерством и бесформенным блокированием со всеми „мусульманскими элементами“, должна была отойти в прошлое.

Заключительным аккордом колонизаторской эпопеи была Джалал-Абадская авантюра. Падкое до сотрудничества со всякими колонизаторскими элементами, Туркестанское правительство старого состава разрешило формирование особой крестьянской армии в русско-кулацком Джалал-Абадском районе. Во главе штаба этой кулацкой армии встал белогвардеец Монстров. Когда началось проведение земельной монополии, эта „армия“ восстала и вступила в союз с басмаческим вождем Мадамин-Беком, заключив с ним формальный договор.

Общей платформой была признана Учредилка. Однако, конечно, не в ней лежала основа этого союза. Основой была общность классовых интересов баев-полуфеодалов, полубуржуа с русскими кулаками-переселенцами. Новые веяния в рядах Советской власти и соединении Туркестана с центром были одной из побудительных причин такого „интернационального“ объединения. И после не раз кулаки умели устраиваться в басмаческих рядах, оставляя за собой даже свои кабальные права на эксплуатацию мусульманской бедноты! Шайка Мадамина и отряды крестьянской армии в первых числах сентября окружили город Ош, разобрали железнодорожный путь между Андижаном и Джалал-Абадом, где находилась штаб-квартира крестьянской армии и, наконец, появились между Андижаном и Скобелевым, разбирая сразу в нескольких местах путь и наладая на железнодорожные станции и посты^{*)}. Джалал-Абадские повстанцы в сравнительно короткий срок были разбиты. Басмачи же остались, будучи в большей степени „почвенным образованием“.

*) „Известия“, 15 октября 1919 г. Ст. „Конец Джалал-Абадской авантюры“.

VI. Ликвидация колониального наследства и советская автономия.

Соединение Туркестана с центром неизбежно должно было повлечь за собой, во-первых, решительную перемену политического курса, во-вторых, коренную перестройку всего советского аппарата. Российскому пролетариату был нужен свой полномочный орган в Туркестане, который бы взял на себя руководство ликвидацией колониального наследства и практическое объединение советского строительства в Туркестане с советским строительством во всей федерации. Для этой цели была учреждена комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров Р. С. Ф. С. Р. по делам Туркестана и ей, наряду с советскими полномочиями, были даны и партийные права.

Новые веяния были принесены уже российской Красной армией, пришедшей в Туркестан из центра. — 3-я конференция коммунистических ячеек 1-й армии туркестанского фронта, при самом вступлении российских рабоче-крестьянских войск на территорию Туркестана, постановила: 1) По прибытии в Туркестан войти во все партийные и советские учреждения Туркестана для направления партийной и организационной работы, согласно постановлений Ц. К. Р. К. П. 2) Приступить к исправлению политики туркестанских товарищей, привлекая к советскому строительству среднее русское крестьянство¹⁾ и туземное население вплоть до мелкобуржуазных классов. 3) Направить все усилия для привлечения мусульманства на сторону Советской власти, для чего повести усиленную работу среди членов партии и через них среди товарищей красноармейцев в духе твердого проведения партийной линии. Среди населения необходимо приступить к устной и письменной агитации путем перепечатки декретов, партийных постановлений, заявлений лидеров партии, статей и речей тов. Ленина и Сталина и др., писавших и говоривших по национальному вопросу. 4) Повести широкую агитацию путем печати о грабительской империалистической политике Англии в ее колониях, где под игом

¹⁾ Это уже неразборчивое усердие новичков!

цивилизированных разбойников стонет мусульманское население Востока.

5) Повести кампанию за развитие кустарной промышленности и кооперативного строительства в Туркестане.

6) По прибытии представителей центральной власти в Туркестан немедленно декларировать о правах и обязанностях граждан, точно установив границы национализаций и конфискаций, чтобы создать прочную базу для дальнейшей экономической политики.

7) Образовать немедленно бюро жалоб и принять меры против всех притеснителей середняка, беднейшего крестьянства и дехканства.

8) Оказать всемерную поддержку революционному движению в соседних с Туркестаном странах⁴⁾.

Турккомиссия, в состав которой были назначены т.т. Елизава, Фрунзе, Рудаутак, Куйбышев, Бокий и Голощенин, частью приехала в Ташкент в ноябре 1919 года, частью позже. Начинать перестройку приходилось с азов, — с проведения в жизнь решений Р. К. П. о дисциплине в армии, об отмене выборного начала, об использовании военных специалистов, с установления отчетности всех советских ведомств, с ликвидации всякого рода туркестанской отсебятины. Ввиду того, что на месте буквально не за что было уцепиться, нужно было опираться на организованный военно-хозяйственный и политический аппарат российской Красной армии, пришедшей в Туркестан после прорыва брэнбургской пробки. Чуть не каждый профессиональный союз и почти все без исключения комиссариаты имели свои аппараты снабжения, которые конкурировали между собой на вольном рынке. Поэтому одной из первых мер Турккомиссии было упразднение всех этих самостоятельных заготовительных органов и усиление краевой продовольственной дирекции силами особой продовольственной комиссии туркестанского фронта⁵⁾. При Центральном Совете Народного Хозяйства был создан отдел военных заготовок. Существовавший доселе самостоятельный Комиссариат иностранных дел Туркестанской республики был упразднен и заменен Отделом внешних сношений при Турккомиссии. Так как Туркестанская Чрезвычайная Комиссия — Турчека до сих пор служила, главным образом, орудием лично-группового соперничества и вместо борьбы с контр-революцией в ней заводились дела против неугодных лиц, вся чрезвычайная карательная деятельность волею-неволею сосредоточилась в особом отделе туркфронта.

Изолированное государственное хозяйство Туркестана, сложившееся за время обособленного существования Туркестана, нельзя иначе характеризовать, как анархическое эмиссионное хозяйство. Печатный станок едва-едва успевал изготавливать туркестанские бонны. Никакого плана в распределении средств не было. Каждое ведомство старалось заполучить побольше туркбоннов, чтобы пустить их в оборот на вольный рынок. Ни о контроле, ни об отчетности не было речи.

⁴⁾ „Известия“, 9 декабря 1919 г.

⁵⁾ Досоглашение Турккомиссии и Турчека. „Известия“, 25 ноября 1919 г.

Заготовительная деятельность государственных органов снабжения сводилась к случайным реквизициям и спекуляции. Вот краткая табличка, указывающая на рост цен на продукты питания в Туркестане в различные периоды ¹⁾.

	Вдорожание за один год в про- центах.	Вдорожание с 1914 года в процентах.
К концу 1915 года	41 ⁰ / ₁₀₀	41 ⁰ / ₁₀₀
1916	135 ⁰ / ₁₀₀	232 ⁰ / ₁₀₀
1917	466 ⁰ / ₁₀₀	1770 ⁰ / ₁₀₀
1918	149 ⁰ / ₁₀₀	4560 ⁰ / ₁₀₀
1919	1065 ⁰ / ₁₀₀	58800 ⁰ / ₁₀₀

Этот чудовищный рост цен был прямым следствием той политики, которую можно было бы определить шедринской формулой: „la politique—jamais! Toujours „ура!“ ²⁾. Печатали деньги не только в Ташкенте, свои деньги были в Кизил-Кийских коях, свои в Семиречье, где они гарантировались „всем имеющимся на складах облисполкома запасом опиума“.

На 5-й туркестанской красной конференции Р. К. П. тов. Рудзук так описывал положение в Туркестане ко времени соединения его с центром: „Комиссариат путей сообщения имеет свое народное хозяйство, свои фабрики и заводы, Горнозаводские рабочие заняты не только своей отраслью промышленности, но имеют также мыловаренное, текстильное и кожевенное производства. Тот орган, который фактически должен был бы руководить народным хозяйством, здесь расстраивал народное хозяйство. Если посмотреть по отделам, то результаты окажутся чрезвычайно плачевными: кроме развития спекуляции, кроме неимоверно громадного количества чиновников, кроме канцелярской волокиты, ничего для организации народного хозяйства он не сделал. Совет народного хозяйства тратил на разные расходы десятки миллионов рублей, и, как оказывается, эти деньги находятся еще по карманам уполномоченных и разных агентов. На руках этих агентов сейчас находится 11 миллионов рублей, и за все время своей работы они купили не более 500 пудов товару.“

Может показаться, что вся политика, все усилия были направлены здесь к тому, чтобы всячески препятствовать увеличению посевной площади. Сгонялись с земель целые кишлаки, население которых фактически обрабатывало земли, до сих пор не засевавшиеся, и на их места садили других, не обрабатывающих эти земли“. Тогда как в центре раньше был организован государственный аппарат снабжения, а потом уже была уничтожена частная торговля, в Туркестане „прежде всего уничтожили частную торговлю, а потом только стали организовывать государственный аппарат снабжения“ ³⁾. И так далее, и тому подобное.

¹⁾ „Народное хозяйство Туркестана“ № 3, 15 февраля 1920 г.

²⁾ „Политика?—Никогда! Всегда ура!“

³⁾ „Народное хозяйство Туркестана“ № 3, 15 февраля 1920 г.

Изолированное туркестанское государственное хозяйство по своим колониальным особенностям было близко к организации феодального типа. Это сказывалось не только в „красногвардейской атаке“ на мусульманские старые города, кишлаки и аулы, но и во взаимоотношениях между отдельными профессиональными группами рабочих, воинскими отрядами, отдельными Советами и даже отдельными комиссариатами: каждый действовал как „владельческий феодал“. Чарджуйский Совет установил налог за проезд паровозов по Чарджуйскому мосту через Аму-Дарью. Жлобинский полк брал контрибуции не только с „непокорного“ населения, но и... с Советов.

Уничтожить эту феодальную анархию, выросшую на почве колониальных отношений под фирмой Советской власти, было насущнейшей и первейшей задачей Турккомиссии.

Вполне понятно, что реорганизация армии, привлечение специалистов, перестройка хозяйственного аппарата, уничтожение былой самостоятельности и партизанщины вызвало бешеную злобу против „центровиков“ со стороны примазавшихся авантюристов, которые попытались привлечь к этой травле и остальные элементы рабочих. В особенности им было легко это делать, раздувая „истинно-русский“ шовинизм.

Какие местные силы могла привлечь себе на помощь Турккомиссия на первых же порах? Среди русского населения, не исключая и рабочих, и даже коммунистов, отношение к новому политическому курсу было по ду враждебное. Соединение с центром приветствовали, как избавление от контр-революции. Первые встречи были полны неподдельной радости. Однако стоило только людям увериться, что в Туркестане, составляющем часть советской федерации, не может уже больше проводиться старая политика протектирования русского населения, как они быстро отхлынули от тех, кого только что приветствовали и возносили „в стихах и прозе“. По углам „истинно-русские“ „советские“ чиновники стали плести вздор о „советском империализме“. Кое-где начали ворчать о „старом режиме“. Последние могикане партизанщины видели в подлинном советском режиме чуть ли не „контр-революцию“. Тут не бесполезно напомнить об одном трагическом факте в Семиречье. В 1919 году из центра в Семиречье прилетел на аэроплане через фронт летчик-коммунист, тов. Шавров. Через четыре дня после его прибытия он был судим в церкви пятитысячным „красноармейским“ митингом семиреченских кулаков и тут же растерзан. Его обвинили в том, что он „белогвардеец“, так как он сразу же заявил, что в качестве командующего фронтом, назначенного из центра, он не допустит больше выборов командного состава. Эти партизанско-кулацкие взгляды были распространены не в одном Семиречье. Ташкентские железнодорожные мастерские определенно не хотели расставаться со своим суверенным положением в республике. Такие же „автономистские“ устремления господствовали на Кизил-Кийских коях, в Байрам-Али и т. д. Еще по пути в Ташкент Турккомиссии пришлось захватить с собой Гержотта, так как он все еще свирепствовал в Перовске.

Поддержку своей последовательно-международной политике в Туркестане российский пролетариат мог получить только из среды угнетенных. Киргизам, узбекам и туркменам нечего было терять от ликвидации колонизаторской партизанщины, приобретали же они с соединением с центром реальную опору для свободы национального развития.

Но эта среда была далеко не организована. До сих пор в революции она была страдающей стороной и, конечно, вследствие этого не могла выделить надежных революционных кадров. „Красногвардейская атака“ всей тяжестью своей ложилась на бедноту, она вызывала неизбежную и законную националистическую реакцию, которая еще больше привязывала киргизскую, узбекскую и туркменскую бедноту к своим маанам, баям и улема. Бай, волостные „мибашии“, сельские старосты — думы, ростовщики — торговцы и бывшие переводчики при приставах и уездных начальниках, с помощью подкупа, взятки и прислужничества, могли еще обезопасить себя от колонизаторской власти, заняв какой-нибудь административный „советский“ пост и назвавшись председателем волостного или членом уездного или даже областного Совета. У бедноты этого выхода не было. По этой причине, еще при колонизаторской власти — в Советы, которые тогда в глазах туземной бедноты были обыкновенными полицейско-фискальными органами русской власти, проникли эксплуататорские, хищнические элементы. Те, кто заставлял население выполнять полицейские повинности при паризме, оказались на своих местах и при Советской власти. Колонизаторам, при случае проявлявшим лицемерную заботу о „меньшем брате“, не нужны были подлинные руководители туземной бедноты, равноправные с ними товарищи. Им нужны были переводчики и полицейские исполнители. Для этой службы бай были самым подходящим элементом. Таким образом, колонизаторская политика создавала определенный классовый подбор в органах власти на местах, — в старых городах, кичлаках и аулах, — не давая организовываться бедноте под градом беспорядочных реквизиций, конфискаций и насилий и позволяя баям свободно брать с бедноты в увеличенных размерах то, что они должны были отдавать Советской власти.

Новые элементы, ставшие группироваться вокруг Краевого Мусульманского Бюро, отнюдь не были представителями мусульманской буржуазии как таковой. Это были представители — отчасти киргизской, отчасти узбекской — национальной интеллигенции, как Рыскулов, учитель, Турсун-Ходжаев — один из виднейших „джалидов“ в Туркестане, Незамеддин Ходжаев, бывший рабочий печатник — „джалид“ и т. д. Их ряды были усилены представителями татарской и турецкой интеллигенции. Это была та национальная интеллигенция, которая

4) Бывшие военнопленные турецкие офицеры, наиболее видным из которых был член турецкой коммунистической партии, комиссар просвещения Турк. республики, Эфендиев.

убедившись на опыте в невозможности осуществления национальной автономии киргиз и узбеков помимо Советской власти, пришла к сознанию необходимости сделать „пришлую“ Советскую власть орудием национального самоопределения. — „Если в трагедиях, происходивших в Туркестане, — говорил Рыскулов на 3-й краевой мусульманской конференции Р. К. П., — виновны, с одной стороны, мятежники, которые пачкали знамя пролетариата кровью угнетенных народов, то, с другой стороны, историческая ответственность возлагается на прежних руководителей народа — на интеллигентных баев и фанатиков-мулл-улемистов. Теперь тюркские коммунисты должны исправить ошибку истории, в частности, туркестанского народа. Представители трудящихся тюрков, истинные революционеры, объединенные под красным коммунистическим знаменем, образуют единую коммунистическую организацию. Тюркские коммунисты заботятся не только об интересе фабрично-железнодорожного пролетариата, но считают своей обязанностью обеспечить культурно-экономические нужды тех народов, которые живут на протяжении тысячеверстных песчаных степей и в кишлаках, войдя в их среду. „Товарищи! Когда возвратитесь по местам, объясняйте массам взгляд социальной революции на их права и обязанности. Объясните народам, что права трудящихся одними словами-теориями нельзя завоевать. Организуются тюркские войска, пусть записываются в ряды социалистической красной армии“¹⁾. „Трудящиеся тюрки“, — объяснял Эффендиев на той же конференции, — записывались в партию, борясь всеми силами против грабежей и бедствий“²⁾. Нужно было в рядах господствующей партии противопоставить колонизаторам организованную силу, которая бы представляла интересы мусульманских масс. Поэтому, несомненно, резко расходилось с истиной заявление колонизаторского Турника в телеграмме Ц. К. Р. К. П. и В. Ц. И. К. во время 8 съезда Советов, что „мусульманская секция партии включает в себе (!) бывших торговцев, переводчиков, руководящих остальными при полном отсутствии интеллигентных партийных сил. За лозунгом партии, при отсутствии других партий, идут младо-сарты, не имеющие по существу представления о нашей партии“³⁾. Торговцы и переводчики были вольными и невольными протеже колонизаторов, которые, „не признавая наций“, особенно свирепо обрушивались на национальную интеллигенцию угнетенных народов. Именно они создали то положение, когда „при отсутствии других партий“, вследствие невозможности иным образом выразить волю угнетенных масс к национальному самоопределению и даже просто отстаять свои интересы, все должны были стремиться в ряды коммунистической партии, которая при колонизаторском режиме превратилась... в своего рода Ноев Ковчег, где было гораздо больше „не-

¹⁾ „Известия“, 5 февраля 1920 г.

²⁾ Там же.

³⁾ „Известия“, 24 октября 1919 г. „Пропавшая грамота“.

„чистых пар“, чем „чистых“! Партия была ареной непрерывной борьбы лично-групповых интересов, за которыми скрывались и интересы „столипинского помещика“, и интересы бая, и интересы бывшего чиновника, и интересы отсталого русского рабочего, желающего все получать за счет коренных народов.

„Вместе с дальнейшим развитием товарного производства у народа возникает потребность в классе интеллигенции, говорящей на ее родном языке, в национальной интеллигенции, и эта потребность в языковой культуре выливается в потребность в национальной по форме культуре, хотя бы содержание ее было самым что ни на есть интернациональным. И если у нации возникает потребность в национальном классе интеллигенции, то у этого класса, в свою очередь, вырастает потребность в великой образованной нации“¹⁾.

Революция застала в Туркестане процесс национального самоопределения угнетенных народов только в самом его зачатке. Колонизаторская политика самобытной туркестанской „Советской власти“ не ускорила его, а наоборот, задержала, затормозила. Отсюда совершенно естественно вытекло стремление немногочисленной киргизской и узбекской национальной интеллигенции создать из угнетенных народов Востка единую силу, единую нацию — тюрков, опираясь фактически на средневековую духовно-религиозную общность мусульманства. Эта националистическая утопия была прямо навеяна бывшими турецкими офицерами во главе с Эфендиевым, которые, попав в Туркестан в качестве военнопленных „российского империализма“, постепенно захватили в свои руки все дело просвещения мусульманских масс. По существу, эта националистическая утопия представляла собой ничем неприкрытый пантюркизм. В резолюции 3-й краевой мусульманской конференции „об автономии и конституции Туркестана“ это было выражено следующим образом:

„В интересах интернационального объединения трудящихся и угнетенных народов, провести путем коммунистической агитации идею уничтожения стремления тюркских народностей делиться по существу и по названию на татар, киргиз, башкиров, узбеков и т. д. и составлять отдельные мелкие республики, а объединить в целях сплоченности и привлечения других тюркских народностей, не входящих в состав Р. С. Ф. С. Р., вокруг Тюркской Советской республики, а где невозможно этого добиться — объединения отдельных тюркских народностей между собою по своим территориальным расположениям“²⁾.

Этот план, как две капли воды, был похож на план создания „революционной федерации“ славянских народов, предложенный в свое время анархо-славянофилом М. А. Бакуниным. — „Пакславизм, — писал

¹⁾ К. Кауцский. „Национальные проблемы“, рус. пер. 1918 г., стр. 49.

²⁾ „Известия“, 9 февраля 1920 г. Пункт 6-й резолюция.

Бакунии, — это вера и уверенность в будущем славян; мы, славяне, составляем свой собственный мир, мир, который тысячу лет был угнетаем разными врагами, и все-таки не был уничтожен; мир, который был разрываем на части посторонними народностями, но все-таки соединился под одной формой по инстинктивному чувству братства¹⁾. — Так же, как панславист Бакунии подменял международное объединение трудящихся объединением славян, пантюркисты подменяли это интернациональное объединение пролетариев всех стран и угнетенных народов всего мира объединением тюрков, связанных на деле только общим происхождением и средневековой духовно-религиозной общностью — Исламом. Младотурки пытались восстановить панисламизм на светской основе в форме пантюркизма. Здесь предлагалось обновленное, „коммунистическое“ издание пантюркизма, столько же далекого от жизненных интересов киргизской, узбекской и туркменской бедноты, — не говоря уже о татарах и башкирах, — сколь далек был от них Константинополь. Коммунизм должен был стать орудием националистической утопии, родившейся на почве интеллигентского бессилия²⁾. В то же время эта националистическая утопия шла в разрез с требованием национально-культурного самоопределения киргиз, туркмен и узбеков. Историческое деление тюрков на татар, киргиз, башкир, узбеков, туркмен и т. д. объявлялось „искусственным делением“, и все стремления к подлинно-национальному самоопределению татарских, киргизских, башкирских, узбекских и туркменских масс признавались „неправильными“ с точки зрения якобы национального единства всех тюркских народов. Практически это сводилось к замене узбекского, киргизского и других языков „интернациональной“ смесью турецких и татарских слов, к отказу от развития национальной культуры, к искусственной тюркизации школы. В период пребывания Эфендиева комиссаром народного просвещения это выразилось в введении военной турецкой муштровки и турецких песен и маршей во всех школах, в насаждении всюду турецких учителей из бывших военнопленных, в официальном запрещении вводить новую орфографию и в прямом поощрении религиозной пропаганды. 3-я краевая мусульманская коммунистическая конференция и 5-я краевая конференция Р. К. П. постановили признать Туркестанскую республику — республикой тюркских народов и туркестанскую коммунистическую партию — тюркской коммунистической партией. Инициаторы этих предложений стремились сделать отсталый Туркестан очагом национальной концентрации всех тюркских народов, живущих в пределах Р. С. Ф. С. Р., и, в этом сказывалось не только желание избавиться от туркестанских доморожденных колонизаторов, но и совершенно определенное недоверие к центру

¹⁾ Цитировано по книжке В. Полоцкого „Михаил Александрович Бакунин“ Москва, 1920 г., стр. 30.

²⁾ Впервые это разоблачение пантюркизма резолюции 3-й конференции было сделано политическим отделом инструкторского посода В. Ц. И. К. „Красный Восток“ в начале марта 1920 г.

Р. С. Ф. С. Р., к российскому пролетариату в целом. Именно поэтому Эфендиев предлагал „оставить внешнюю политику на усмотрение туркестанского правительства“¹⁾. Единая республика всех тюркских народов, входящих в Р. С. Ф. С. Р., должна была, по мысли ее защитников, служить сильным противовесом „Москве“. Об этом не говорилось, но это подразумевалось и это было вскрыто дальнейшим ходом событий.

Положительное значение 3-й краевой мусульманской коммунистической конференции и 5-й краевой конференции Р. К. П. заключалось в идейном „разоружении“ колонизаторства. В свое оправдание колонизаторы могли заявлять только одно, — что „причиной их ошибок было отвлечение всего внимания туркестанских коммунистов к фронтам и некогда было заниматься туземцами“²⁾. Увы! Большого они уже сказать не могли. Им оставалось лишь оправдание и самозащита!

Конференции высказались за слияние мусульманских и русских организаций в единую партию с национальными секциями для пропаганды и агитации среди меньшинств. В резолюции о работе в деревне было подчеркнуто различие условий работы среди кочевников, оседлого населения и русских переселенцев.

Новый краевой комитет, секретарем которого был выдвинут Турсун Ходжаев, занялся сразу же выработкой тезисов по всем основным вопросам туркестанской советской политики. Были приняты тезисы о Фергане, тезисы о Семиречье, о земельной политике, об экономической политике и т. д. Было признано, что „нельзя ставить успех революционирования и раслаивания мусульманских масс в зависимость от чистоты принципов и формы Советской власти и социалистической революции, а наоборот, необходимо настолько видоизменить эти формы, чтобы они наиболее соответствовали характеру и стремлениям национально-демократического и классового движения этих масс“³⁾. Было решено, что хлебная монополия должна проводиться со всей неуклонностью только в русских районах, среди же мусульманского населения она должна заменяться прогрессивным процентным отчислением с получаемого урожая, так как по шариату допускается отчисление в пользу бедных до десяти процентов⁴⁾. Захватываемые у трудового дехканства земли было постановлено возвращать прежним владельцам.

Также было указано на необходимость спешной организации кустарных артелей и кооперативов для объединения кустарей-полупролетариев и трудовых дехкан.

Однако нужно было не только решать. Нужно было действовать. Через кого же приходилось действовать? Об этом говорят цифры и

1) „Известия“, 5 февраля 1920 г.

2) Заявление Кияличкова. „Известия“, 25 января 1920 г.

3) „Резолюции и инструкции Турк. крайкома Р. К. П. 5-й сессии“. Ташк. 1920 г.

4) Там же, стр. 29.

факты. На совещании председателей партийных комитетов в мае 1920 года Ферганский областной комитет представил следующие данные о социальном составе организаций: по всей области — рабочих 6%, крестьян 12%, „прочих“ (II) — 82%. В Анджане — рабочих 18%, крестьян 3%, „прочих“ — 72%. В Коканде — крестьян 26%, рабочих 8%, „прочих“ элементов 66%¹⁾. Представленные на 7-й уездно-городской конференции Ферганской (Скобелевской) организации Р. К. П. — 792 члена (осенью 1920 г.) распределялись таким образом:

	мусульман	европейцев
рабочих	153	269
дехкан-крестьян	20	19
„лиц интеллигентного труда“	73	258
	246	546

В Сыр-Дарьинской области осенью 1920 г. насчитывалось 22.522 члена партии. Можно себе представить, каков был их состав!

Еще более ужасающую картину „сотрудничества“ самых разнообразных элементов давали органы власти. Здесь можно было найти и попа на должности продовольственного комиссара (Пишпек), и охранника на посту блюстителя советской законности (Катта-Курган), и уголовного громилу, и профессионального разбойника на посту начальника рабоче-крестьянской милиции (Кадыров в Самарканде, расстрелянный по постановлению особого отдела туркфронта). Работа агитационно-инструкторского поезда В. Ц. И. К. „Красный Восток“ („Кзыл-Шарк“), занимавшегося около полугода чисткой этой местной „власти“ и организацией мусульманской бедноты, дала богатейший материал в этой области и показала насколько было призрачным завоевание власти мусульманской интеллигенцией и в верхах. Изменение политического курса на местах отразилось лишь в смысле некоторой „передвижки власти“ от колонизаторских элементов к мусульманским эксплуататорским верхам. Колонизаторская уголовщина причудливым образом сплелась с байскими интересами. Под советскую крышу были перенесены все методы феодально-ростовщической эксплуатации и классового угнетения. Несколько изменился личный состав носителей власти, остались старые формы полицейско-фискальной организации.

В этом отношении крайне поучительна история с возвратом земель, захваченных русскими колонизаторами у трудового дехканства. На предмет возвращения этих земель был издан декрет № 241. Кто же им воспользовался? — Воспользовались им наиболее экономически сильные элементы — баи и даже русские кулаки. На основании этого декрета, они, опираясь на полную беспомощность Туркестанского комиссариата земледелия, стали поспешно восстанавливать себя в правах, — отнимать свои сады у школ, стонять с своей земли случайно за-

¹⁾ Известия Турк. Краевого К-та Р. К. П., 20 июня 1920 г. № 1.

хвативших ее «дехан-бедняков и т. д.¹⁾ Такой неожиданный оборот дела позволил колонизаторским элементам выступить против нового Турцка и Крайкома под маской «защитников мусульманской бедноты», что уже совершенно не соответствовало действительности.

Руководящая группа мусульманских работников, во главе с т. Рыскуловым, чем дальше, тем больше теряла чувство действительности и тонуда в националистическом оппортунизме. Отказ от классовой политики прямо и непосредственно вел к союзу с торгово-ростовщической буржуазией старых городов, — с байством и через него с улемистами. Одно время в старом Ташкенте на глазах у всех разыгрывалась самая настоящая вакханалия иракобесия. Имамы разделили старый город на участки и следили за всеми, кто не посещает мечетей. «Ослушников» приводили в повиновение обливанием водой и помоями при путешествии по улицам.

Взгляды рыскуловской группы были сформулированы довольно точно в докладной записке «полномочной делегации Туркестанской республики», ездившей в Москву в июле 1926 года. В этой записке определенно подчеркивалось, что «вся работа по поднятию Востока должна идти исключительно через посредство организований революционных сил мусульманских стран как входящих в состав Р. С. Ф. С. Р., так и не входящих в последнюю. Только опираясь на их политические и вооруженные силы и посредством их можно двигаться на Восток». Международная задача классовой борьбы здесь ставилась как исключительно национальная задача тюркских народов, подлежащая их исключительной компетенции. Роль советской России определялась так: «она должна заключаться в организации политических и вооруженных сил трудящихся мусульман, концентрации их на окраинах и снабжении их материальными средствами и оружием». — Этим самым российскому пролетариату в целом отводилась роль скромного союзника национально-буржуазной демократии Востока. Он изолировался от всякого влияния на ход внутренней классовой борьбы среди народов Востока.

Само собой разумеется, что это недоверие было плодом долголетнего существования колониального режима в Туркестане. Однако оно неизбежно влекло за собой подмену классовой борьбы националистической дипломатией.

Турккомиссия, все время наталкивавшаяся на сопротивление колонизаторских элементов новому курсу, не могла непосредственно опереться на группу сторонников т. Рыскулова. Она должна была вести свою политику, отдельную от последней. Следствием этого были постоянные разногласия, складывавшиеся из недомолвок и недоразумений, и всегда превращавшиеся в нудный спор о правах и компетенции. Большая организационно-политическая работа тормозилась, задерживалась и просто срывалась. Для ликвидации колониального

¹⁾ Случайно, так как никто сознательно не стремился передать им эту землю!

наследства и осуществления советской автономии нужнѣ была самодеятельность и организация масс, а ее не могло быть там, где не было определенной политической линиѣ, проводимой силами местных работников. Националистическая интеллигенция рыскуловского толка выступала в качестве „срѣдотения“ между Турккомитетской и туземными массами. Организацию этих масс она ставила в зависимость от своего монопольнаго положения в мусульманской среде.

Поэтому борьба за национальное самоопределение на деле превращалась в мелочную борьбу за своих „национальных чиновников“ на австрийский манер¹⁾. Задачи организации бедноты старых городов и кишлаков отстранялись на задний план. Только усилиями политического отдела поезда В. Ц. И. К. „Красный Восток“ удалось провести привлечение кустарей-полупролетариев и профессиональные союзы. До этого времени профессиональные союзы, обслуживавшие, главным образом, потребительские интересы русского населения), были профессиональными союзами одной лишь русской рабочей аристократии. Кустари и ремесленники-полупролетарии старых городов считались как бы гражданами второго разряда. Никто не думал о том, что в стране карликового мелкого производства именно они должны стать основой новой производственной организации, именно на них должен быть построен план привлечения масс кореннаго населения к общественному производству.

Большую работу по намеченнѣ руководящей политической линиѣ произвел съезд политработников туркфронта, собравшійся в начале июня 1920 г. В основу принятой съездом резолюции о партийном и советском строительстве были положены тезисы политбюро „Краснаго Востока“. Вводная часть их гласила: „В Туркестанѣ, бывшем в течение десятилетий колонией царской бюрократии и великодержавнаго капитала, до сих пор еще сохранились остатки феодальнаго уклада. Капиталистическое развитие здесь проникло, главным образом, только в область торговли, оставив почти незатронутой область производства. Основная масса населения—трудовые дѣханы и кустари—до сих пор еще находятся во власти баев и крупных торговцев, будучи бессильны разрушить оковы двойнаго—полукрепостническаго, полубуржуазнаго гнета. С другой стороны, царское правительство в Туркестанѣ систематически создавало основу для колониальной эксплоатации в лице русского населения—кулачества и колониальной бюрократии—и, таким образом, постоянно укрепляло почву для национальнаго гнета и неравноправия. Советская власть не смогла сразу ликвидировать этого наследия прошлаго. Тонкий слой русских пролетариев, вследствие его отсталости, оказался не в состоянии построить здесь действительно массовый, подлинно интернациональный, централизованный аппарат пролетарскаго государства. Его основные кадры были тотчас же отвле-

¹⁾ Тезисы политбюро „Краснаго Востока“.

²⁾ Все продукты выдавались исключительно по карточкам профсоюзов.

чены борьбой на фронтах, к власти же примазались, с одной стороны, «истинно-русские» старо-чиновничьи элементы, а с другой стороны, к ней стала примазываться часть имущих верхов местного населения: бывшие переводчики, торговцы и т. д.; другая часть имущих верхов местного населения, под национальными и религиозными лозунгами, вступила на путь вооруженной борьбы с Советской властью в лице басмаческих банд.

Благодаря отсутствию массовой классовой борьбы, отсутствию классовой организации трудящихся масс, Советская власть во многих местах Туркестана и по сие время продолжает быть достойным небольшим групп, не способствующих самостоятельности масс. К аппарату Советской власти в таких местах и по сей час почти не привлечены на деле ни русские рабочие, ни тем более мусульманская беднота. Даже идейная мусульманская интеллигенция, работающая преимущественно на поприще культуры и просвещения (проявляющая очевидный уклон в сторону националистических предрассудков), так же, как и немногочисленные группы русских и мусульман трудящихся, которые пробиваются к власти—не являются руководящей силой.

Если Туркестану не вуждено стать ареной борьбы враждующих между собой феодальных беков и ханов под покровительством английских империалистов, то массовая Советская власть должна здесь осуществиться и укрепиться только на основе национального самоопределения коренных народов Туркестана. Наряду с поставленным в порядок дня широчайшим привлечением массы подлинных пролетариев русских и мусульман (как бы ни малочисленны были кадры последних), нужно поднять к власти широчайшие низы мусульман—подпролетариев, кустарей, не пользующихся наемным трудом, трудовых дехкан и т. д. Необходимо влить струю подлинного самоопределения масс в мертвые пока формы автономии Туркестанской республики. Съезд политработников не ограничился общей характеристикой, но отметил также и особенности всех областей.

В Семиречьи момент октябрьского переворота застал организованными лишь кулаков-крестьян и казаков, которые, будучи эксплуататорами по существу, не могли составить опоры Советской власти. Кулачество, еще раньше ведшее скрытую борьбу с казачеством за право первенства и монополию на удобные земли и настроенное отчасти против высшей царской администрации, которая больше симпатизировала казакам, постаралось использовать октябрьский переворот в своих целях и повело со словенную войну с казаками под флагом и от имени Советской власти. Эта война дала кулакам-крестьянам перевес почти по всему Семиречью, и таким образом еще более укрепила их господство. Сделавшись господствующим классом, кулаки-крестьяне окончательно подчинили себе кочевое население и под видом реквизиций и конфискаций отобрали все лучшие земли. Находясь под впечатлением расправ 1916 года, кочевое население было не

в состоянии реагировать на действия кулацких советов и, стараясь выйти из сферы влияния крестьян, забивалось в степь.

Таким образом, Советская власть в Семиречьи в большинстве районов еще до сих пор продолжает оставаться в руках кулачества, или находится под влиянием кулачества. Бедное и среднее крестьянство и трудовое казачество не имеют своих классовых организаций и идейно находятся во власти кулачьи. Мусульманская беднота в советских организациях почти что не представлена. В Советах сидят лишь бывшие волостные переводчики, князьки-манапы.

Коммунистическая партия в Семиречьи на деле является сборищем кулаков, городской обывательщины и различных случайных элементов, при очень незначительном проценте действительно коммунистических, подлинно интернационалистских элементов, — фактически здесь под флагом коммунистической партии осуществляются интересы русской деревенской буржуазии. Единственным общественным слоем, который мог бы осуществить Советскую власть в Семиречьи, является мусульманская беднота, в данный момент совершенно неорганизованная и находящаяся частично под влиянием своих князьков-манапов.

В резолюции съезда политработников было определено указано, что вывод красноармейских частей, укомплектованных из кулаков Семиречья, является обязательным условием проведения коренной ломки старых отношений. Насклько это указание соответствовало действительному положению дел, показало партизанско-кулацкое восстание в Верном летом 1920 г. Приказ туркфронта о выводе местных частей из Семиречья послужил толчком к открытому контр-революционному восстанию. Верненский гарнизон, подстрекаемый провокаторами, выступил с требованиями снятия продовольственной разверстки, уничтожения Реввоен трибунала, применявшего беспощадную репрессию к кулацко-белогвардейским элементам, установления выборности власти сверху донизу взамен назначенных ревкомов. Общим объединяющим лозунгом был клич — «против центра!» Был образован самочинный «босвой совет» крепости, оказавшейся в руках мятежников. К движению присоединилась местная организация «коммунистов». Восстание было быстро ликвидировано, но оно показало в особенно ярком свете кулацкую подоплеку семиреченской партизанщины.

Сыр-Дарьинская область (говорилось далее в резолюции съезда политработников) в главных своих чертах сходна с Семиреченской. Большой процент населения Сыр-Дарьинской области выпадает на кочующих киргиза, экономическое положение которых катастрофично. Подвергаясь усиленной хищнической эксплуатации со стороны пришлого крестьянского кулачества, городского чиновничества, а во многих случаях и оседлого узбекского населения, они вполне естественно не смогли создать для себя и при Советской власти мало-мальски своих условий существования. Положение некоторых уездов в области земледельческого хозяйства самое ужасающее из-за отсутствия сельско-хозяй-

ственных орудий, живого и мертвого инвентаря и, главным образом, скудости водных оросительных сооружений, пришедших в ветхость, а во многих местах даже и окончательно разрушенных. Скотоводческое хозяйство кочующих киргиз совершенно разрушено, благодаря усмирительной деятельности царского самодержавия (1916 г.), продолжавшейся под вывеской Советской власти кулаками и примазавшимися. Продовольственный вопрос в области достиг наивысшего напряжения в особенности для кочующего населения. Кулачество продолжает нагло спекулировать на голоде и нищете кочующих киргиз, отказывая в доставке им хлеба даже в богатейших производительных уездах—Аулие-Атинском и Чимкентском⁴.

Самаркандская область. — Подавляющее большинство населения Самаркандской области составляет узбекское и таджикское земледельческое население, занимающееся также во многих местах домашним промыслом. Оно почти совершенно не испытало на себе влияния Советской власти и по-прежнему находится в полной зависимости от баев и улема. Влияние последних в Самаркандской области усугубляется соседством, торговыми сношениями и идейно-религиозным общением с Бухарой, представляющей оплот духовной реакции в этой части Востока⁵.

Описание Ферганы в резолюции съезда вполне совпадало с описанием, данным еще ранее Крайкомом, — главным моментом было выделение басмачества.

Что касается Закаспия, то о нем говорилось так: „Закаспий по своему географическому положению является ареной возможной борьбы между английским империализмом и Советской властью и одним из опорных пунктов для развития революционного движения в сопредельных странах (Персия). 70% населения Закаспия составляют туркмены, живущие до сих пор патриархальным родовым бытом. Только половина их осела и занимается теперь земледелием, другая половина их до сих пор кочует, занимаясь скотоводством и лишь медленно оседая. Совсем недавно в жизнь туркмен проник денежный капитал, и торговля составляет занятие очень незначительного круга туркмен. Открытого вида эксплуатации туркмена туркменом, напр., в форме батрачества, нет, но замечается постепенное закабаление путем установления экономической зависимости мелкого землевладельца от более крупного. Все это обуславливает крайне слабое расслоение туркменского общества.

10% населения Закаспия составляют русские. Из них 4% (?) падает на железнодорожников и промышленный пролетариат (Байрам-Али, Мерв, Полтарацк, Красноводск), зараженный в некоторой (?) своей части колонизаторскими предрассудками. Отдельными поселениями по Закаспию (в районе Кушки и по персидской границе) разбросаны поселения переселенцев — русских кулаков, которые до сих пор еще эксплуатируют в качестве батраков персов, афганцев и т. д.

Остальное русское население составляют бывшие чиновники и мещанство, с еще более ярко выраженными колонизаторскими тен-

денциями, обладающие небольшим навыком приспосабливаться к любой власти и пролезающие ныне в качестве технических служащих в советские учреждения или занимающиеся спекуляцией и бело-английским шпионажем. Остальную часть населения (до 20%) составляют прочие народности: персы, армяне, азербейджанцы и т. д. и киргизы в Мангышлакском и Красноводском уездах. Персы и армяне живут по преимуществу в городах, это — торговцы, спекулянты и кустари. Необходимо отметить, что носителями торгового капитала в Закаспии являются персы и армяне, в то время как нарождающийся торговый капитал среди туркмен еще не вышел из рамок деревни и не проник в города. На съезде политработников, принявшем эту подробную резолюцию о партийном и советском строительстве с характеристикой его современного состояния по областям, произошло резкое размежевание между большинством и представителями политотдела 1-й армии.

Представители политотдела 1-й армии, стоящей в Восточной Азии, усвоили весьма своеобразную точку зрения на советское строительство на Востоке. Эта точка зрения была, впрочем, очень некритическим отражением их положения — положения представителей армии, пришедшей со стороны, — в край с патриархальным населением, — охранять границу. Она была выражена первым съездом политработников 1-й армии: "туземное общество, переходящее от кочевого образа жизни к первобытным формам оседлого сельского хозяйства, сохранившее в значительной степени свой родовой уклад, фанатично-религиозное, не может нами рассматриваться как общество с развитыми классовыми отношениями и поэтому (?) должно быть использовано для укрепления Советской власти, как единое национальное целое. Вместе с тем отдельные элементы не могут быть широко вовлечены в коммунистическую партию, так как широкое вовлечение таковых способно ослабить нашу партию созданием внутри ее социально-разнородных групп" ¹⁾. На съезде этот взгляд был заклеен как точка зрения оккупационной армии. В самом деле, с одной стороны, его сторонники проявляли величайший оппортунизм, отказываясь от политики классового расслоения и потакая тем самым байским элементам. С другой стороны, за этим оппортунизмом скрывалось настоящее колонизаторство: коммунистическую партию предлагалось оставить замкнутой организацией господствующего национального меньшинства.

Съезд политработников выявил неизбежность борьбы на два фронта — против русского колонизаторства и против феодально-буржуазного национализма. К этому времени отношения между Турккомиссией и рыскуловской группой, опиравшейся на Крайком и Турцик, достигли критической фазы. От Турцика в Москву отправилась делегация с требованием ликвидации Турккомис-

¹⁾ "Первый армянский съезд политработников 1-й рез. армии туркфронта". Исл. воарм. I, стр. 8.

сии. Кризис назрел. Дальнейшие колебания в политике Турккомиссии были уже недопустимы. Надежда на проведение политики классового расслоения через националистическую интеллигенцию и самоизживание буржуазного национализма рухнула. Буржуазный национализм не хотел видеть настоящего источника своей слабости — в буржуазном утопизме, а сваливал всю вину за свое внутреннее бессилие на российский пролетариат в целом, на федеративную связь с советской Россией. В декларации делегации это было неуклюже сформулировано в виде прозрачного намека на то, что „соединение Туркестана, с центром никак не может быть рассматриваемо, как завоевание (?) Туркестана центральными войсками“.

Результатом хлопот „делегации“ было далеко не „лестное“ для нее постановление Ц. К. Р. К. П. от 29 июня. Это постановление гласило:

„Основными задачами Р. К. П. в Туркестане Ц. К. Р. К. П. считает:

а) ликвидацию отношений, создавшихся между пришлым европейским населением и коренными народами в результате 50 слишком лет империалистической политики самодержавия. Отношения эти за два с половиной года Советской власти, находившейся в руках тонкой прослойки русских рабочих, зараженных колонизаторской психологией, не только не изменились к лучшему, но еще более обострились, благодаря своеобразным „коммунистическим“ действиям, рассматриваемым поработанным коренным населением, как продолжение действий агентов старой царской власти и по существу являющихся таковыми;

б) ликвидацию патриархально-феодалного наследия, сохранившегося в общественных отношениях туземного населения; в целях введения советов трудящихся, каковые советы должны обеспечить население от всякой эксплуатации и осуществить союз с республиками, в которых пролетариат в состоянии проводить переход к коммунизму.

В целях ликвидации указанных отношений необходимо срочно принять следующие меры:

а) Отобрать у переселенцев киргизских районов все земли, запроектированные переселенческим управлением, или самовольно отобранные переселенцами у киргиз, оставляя переселенцам участки в размере трудового надела. Изъятые земли обратить в фонд наделения киргизских обществ, артелей и отдельных лиц и устройства на них киргиз и дунган — беженцев после разгрома 1916 г.

В основу наделения земледельческих туземных хозяйств положить принцип уравнивания с русскими крестьянами. Кочевое хозяйство должно быть обеспечено не только кочевьем, но и пашней, обеспечивающей переход к оседлому земледельческому хозяйству. Переход к земледельческому хозяйству должен быть обеспечен государственными субсидиями, агрономической помощью и т. п.

б) Обеспечить землей безземельных дехкан.

в) Разбить все кулацкие организации, обезоружить кулаков и самыми решительными мерами лишить их какой-либо возможности не только руководить, но и влиять на организацию местной власти и на

местное строительство путем широко применяемой системы реквизиции:

г) Выслать из Туркестана в российские концентрационные лагеря всех бывших чинов полиции, жандармерии, охранки, тех из царских чиновников, использование которых в Туркестане политически неприменно, спекулянтов, бывших управляющих крупными российскими предприятиями, всех призвавшихся к партии, советским органам, Красной армии и т. п.

д) В порядке перераспределения партийных сил откомандировать в распоряжение Ц. К. всех туркестанских коммунистов, зараженных колониализмом и великорусским национализмом, и одновременно мобилизацию нескольких сотен коммунистов для работы в Туркестане.

е) Уравнять в продовольственном отношении туземное городское население с русским и принять меры к улучшению продовольственного положения туземных крестьян.

ж) Принять действительные меры к поддержке и развитию туземной промышленности.

з)

и) Постановление это проводить в жизнь с неуклонной твердостью, подавляя всякое сопротивление органам, проводящим его, широко применяя систему высылки по отношению к лицам, в каком-либо отношении препятствующим осуществлению на деле настоящего положения.

Далекая от мысли проводить какую-либо классовую политику в туземной среде, рыскуловская группа в лице Крайкома и президиума Турцика недвусмысленно заявила о своем нежелании заниматься „дик-видацией патриархально-феодалного наследия“. На совместных заседаниях Турцика, Крайкома и Турккомиссии, после приезда делегации из Москвы, она была вынуждена сознаться, что ее буржуазно-националистическая политика привела к определенной группировке туземных эксплуататорских элементов в центре и на местах. Результатом взаимных объяснений явилась отставка всех видных работников рыскуловского течения. Пленум Турцика избрал новый президиум Турцика во главе с тов. Рахимбаевым — коммунистом-интернационалистом. Комиссия Ц. К. Р. К. П. взамен „самораспустившегося“ Крайкома назначила временный Центральный Комитет коммунистической партии Туркестана в составе товарищей Тюрякулова, Атабаева, Судтан-Ходжа-Касым-Ходжаева, Бабаджанова, Рахимбаева, Ходжанова, Асфендиарова и др. На место буржуазно-националистической интеллигентской верхушки должны были прийти подлинные представители узбекских, киргизских и туркменских низов. И они пришли.

Этого требовало не только внутреннее положение, но и внешне-политическое положение. В Фергане целый ряд басмаческих вождей весной 1920 года пошел на мир с Советской властью. Однако этот мир „на основе шариата“¹⁾ был непрочен. Басмаческие части, которые

¹⁾ Договор с Мадами-Беко и.

должны были переформировываться в регулярные части Красной армии, но деле продолжали оставаться прежними разбойничьими бандами.

По ту сторону фронта Мадамин-Бека заменили Кур-Ширмат и Хадходжа, которые в один прекрасный день, заманив его к себе, постепенно перевели в ряды активного басмачества большую часть ранее перешедших в Красную армию отрядов „Бухара и Шериф“, „священная Бухара“, во исполнение английского плана о создании средне-азиатской коалиции против Советской власти, стала откровенно провоцировать войну против Советской Федерации.

Руководящее ядро мусульманских работников интернационалистов совместно с Турккомиссией принялось за лихорадочную подготовку 5-го Красного съезда коммунистической партии Туркестана и 9-го съезда Советов. Всюду комиссии по созову съездов провели огромную работу. Наряду с агитацией, они занимались и чистой местной советских учреждений и партийных организаций от колонизаторов и мусульманских эксплуататорских элементов. Беднота старых городов, а кое-где и кишлаков почувствовала и новую власть. „Переворот“, произведенный в центре, был радостно встречен местами. Буржуазно националистическому политиканству пришел конец. Наступала пора черной, будничной работы по-революционному. Партийные и советские съезды по областям и уездам доставили богатейший материал из жизни чудовищно-забитых трудящихся масс коренного Туркестана. Прямо со съездов многие заведующие отделами и председатели партийных организаций из бывших царских чиновников отправлялись в тюрьму.

На Ферганский областной съезд явились кара-киргизы, сорок лет не видавшие городов, — чтобы поведать о своей каторжной первобытной жизни без всякого просвета впереди. На Аулие-Атинский уездный съезд прибыла группа киргиз с просьбой, чтобы их исключили из коммунистической партии, так как они туда насильно записаны баями и макалами для несения всякого рода повинностей.

Объявленная Реввоенсоветом туркфронта мобилизация тридцати тысяч киргиз, узбеков и туркмен прошла во многих местах с большим подъемом.

Непосредственно перед революцией в Бухаре в Туркестан приехала новая Турккомиссия (и вместе с тем туркестанское бюро Ц. К. Р. К. П.) в составе тов. Сокольников, Сафарова, Кагановича (Вороневского) и Петерса.

Революция в Бухаре, руководимая „джадидами“ — бухарскими революционерами, разрушила старый оплот средневекового насилия и мракобесия в этой части Средней Азии.

5-й съезд К. П. Т. и 9-й съезд Советов Туркестанской республики (в сентябре 1920 г.) были первыми съездами, на которых действительно прозвучал голос туземной бедноты. В приложении мы помещаем тезисы — „о задачах коммунистической партии в Туркестане“, принятые 5-м съездом К. П. Т. и легшие в основу соответствующей резолюции 9 съезда Советов: 5-й съезд К. П. Т. высказался за организацию

„союзов трудового дехканства“, которые бы, объединив малоземельных чайрикеров и мардикеров, повели борьбу с байством и кулачеством на почве защиты экономических интересов трудящихся. В новые Турция, Ц. К. К. П. Т. и Совнарком на все руководящие посты были выдвинуты киргизы, узбеки и туркмены—коммунисты.

Национальное и классовое самоопределение киргизской, узбекской и туркменской бедноты в форме Советской автономии было, наконец, поставлено на правильные рельсы.

Мы слишком близко подошли к „текущему моменту“, чтобы продолжать дальше историческое описание колониальной революции.

Одно—несомненно: Туркестан, десятки лет бывший царской колонией, под организованным давлением российского пролетариата стал Автономной Советской республикой коренных народов.

VII. Вместо заключения.

Для буржуазной демократии вопрос о национальном равноправии есть вопрос формальный. Она утверждает формальное равенство угнетателей и угнетенных, тогда как на самом деле поддерживает национальный гнет. Не то — Советская власть. Советская власть есть массовая, государственно-классовая организация трудящихся. Она не может держаться силой штыков и слепой экономической необходимостью. По самому своему существу она не может быть колониальной властью, властью колонизаторской кучки, господствующей над массами туземного населения. Она должна быть властью этих масс. Если первоначально лишь незначительные группы национальной интеллигенции и трудящихся делают ее орудием своего национального и классового освобождения, то чем дальше, тем больше она становится почвенной, национальной и классовой властью угнетенной бедноты. Она проникает в туркменский аул, где вся вода захвачена баями, — в узбекский кишлак, где ростовщик-спекулянт, как крепостник старого времени, эксплуатирует бедноту, — в киргизскую степь, где беднота пасет стада могущественных мананов. Она проникает в гущу народной темноты, где власть тьмы поддерживается религией. Для народов, отброшенных с широкой дороги исторического развития властью чужеземного капитала, она — единственное средство подняться на ноги, разрушить царство крепостнической кабалы и культурного невежества. Здесь только власть бедноты способна организовать трудящихся, угнетенных и эксплуатируемых. Здесь только она может дать им просвещение, — букварь, школу, книжку и газету.

В особые условия попадает и коммунистическая партия на Востоке. Она не может рассчитывать на успех, будучи партией национального меньшинства; в особенности, поскольку это национальное меньшинство принадлежит к ранее господствовавшей нации. Пример „колониальной Советской власти“ в Туркестане — тому доказательство. Именно в среде угнетенных и отсталых наций коммунистическая партия становится орудием национально-культурного самоопределения трудящихся масс. Национальное неравенство во всех областях покоится на материальной основе: на отсутствии фабрично-заводской промышленности и развитой сети железных дорог, на первобытном

уровне производства и первобытной организации труда, на отсутствии квалифицированных рабочих и технической интеллигенции, на недостатке национальной интеллигенции и лаборииков, на отсутствии мусульманских шрифтов и ничтожном проценте грамотных людей. Преодолеть все это возможно лишь путем организации, перевоспитания и обучения масс на основе их самостоятельности.

Против империализма и средневековой идеологии имущих верхов — панисламизма, пантюркизма и проч. коммунизм поднимает знамя национально-культурного самоопределения угнетенных и эксплуатируемых.

Против власти капитала и средневековой кабалы он поднимает знамя Советской власти, советского самоопределения.

Таков путь угнетенного Востока из царства необходимости в царство свободы.

Тезисы по национальному и колониальному вопросам (II конгресса Коммунистического Интернационала).

1. Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обмен угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношения товарного производства, превращается буржуазкей в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов.

2. Сообразно основной своей задаче борьбы против буржуазной демократии и разоблачения лжи и лицемерия ее, коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы пролетариата за свержение ига буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означаящего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полонизированных, во противовес буржуазно-демократической лжи, которая заглушает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран.

3. Империалистская война 1914—1918 г.г. с особенной ясностью вскрыла перед всеми нациями и перед угнетенными классами всего мира лживость буржуазно-демократических фраз. Веденная с обеих сторон под прикрытием фраз об освобождении народов и о праве наций на самоопределение, эта война показала миром в Брест-Литовске и Бухаресте, с одной стороны, миром в Версале и Сен-Жермене, с другой, как бесцеремонно победоносная буржуазия определяет национальные границы, сообразно своим хозяйственным выгодам. Для буржуазии и национальные границы оказались предметом торга. Так называемый союз народов «Лига наций» — не что иное, как страхово́й договор, которым победители в этой войне взаимно закрепляют за собою добычу; стремления к «восстановлению национального единства», к воссоединению уступленных частей территории суть, по соображениям буржуазии, лишь попытка побежденных собраться с силами для новых войн. Все-

соединение искусственно разорванных наций отчасти соответствует интересам пролетариата; но своей истинной национальной свободой и единством пролетариат может добиться лишь путем революционной борьбы и победы над буржуазией. Лига наций и вся послевоенная политика империалистической Антанты еще более ясно и резко вскрывает эту правду, усиливая повсюду революционную борьбу как пролетариата передовых стран, так и всех трудящихся масс колониальных и зависимых стран, ускоряя крах империалистически-национальных иллюзий на счет возможности мирного сожителства и равенства наций при капитализме.

4. Из вышеизложенных основных положений вытекает, что во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросам должно быть положено сближение пролетариата и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение землевладельцев и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия.

5. Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь для диктатуры пролетариата, и все события мировой политики сосредотачиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Российской советской республики, которая должна группировать вокруг себя неминуемо, с одной стороны — советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны — все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в союзе с революционным пролетариатом и в победе Советской диктатуры над всемирным империализмом.

6. Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время голым призывом или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально и колониально-освободительных движений с советской Россией, определяя формы этого союза согласно степени развития коммунистического движения бредии пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения в отдельных странах или среди отдельных национальностей.

7. Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношении Р. С. Ф. С. Р. и другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской — в прошлом, австрийской, украинской — в настоящем), так и внутри Р. С. Ф. С. Р. по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (напр., башкирская и татарская автономные республики в Р. С. Ф. С. Р., созданные в 1919 и 1920 годах).

8. Задача Коминтерна состоит в этом отношении как в дальнейшем развитии, так и в изучении и проверке опытом этих новых, на основе советского строя и советского движения возникающих федераций. Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистическими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего несущественно развитие разрушительных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства,

как целого, таковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при империализме и безусловно подленит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме.

9. В области внутри-государственных отношений национальная политика Коминтерна не может ограничиться тем только, формальным, чисто декларативным и практически ни к чему необязывающим признанием равноправия наций, которым ограничиваются буржуазные демократы—все равно, признающие ли себя открыто таковыми, или прикрывающиеся названием социалистов, каковы социалсты II Интернационала.

Не только во всей пропаганде и агитации коммунистических партий — и с парламентской трибуны и вне ее — должны быть неуклонно разоблачаемы постоянные нарушения равноправия наций и гарантии прав национальных меньшинств во всех капиталистических государствах, вопреки их «демократическим» конституциям, но необходимо также, во-первых, постоянное разъяснение, что только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций, объединяя сначала пролетариев, затем всю массу трудящихся в борьбе с буржуазией; во-вторых, необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движением в зависимых или неравноправных нациях (напр., в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях.

Без этого последнего, особенно важного условия, борьба против угнетения зависимых наций и колоний, а равно и признание их права на государственное отделение остаются лишь вывеской, как это мы видим у партий II Интернационала.

10. Признание интернационализма исключительно на словах и подмена его на деле во всей пропаганде, агитации и практической работе мещанским национализмом и пацифизмом составляет самое обычное явление не только среди партий II Интернационала, но и тех, кои вышли из этой II Интернационала, и даже нередко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим явлением, с наиболее законными мещанскими буржуазными национальными предрассудками (которые проявляются во всевозможных формах, как, например, расовая ненависть, национальная травля, антисемитизм), тем более выдвигается на первый план, чем всеобщее становится задачей превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять мировую политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику). Между буржуазным национализмом объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, вти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала.

Таким образом, в государствах, уже вполне капиталистических, имеющих рабочие партии, действительно являющиеся авангардом пролетариата, борьба с оппортунистическими и мещански-пацифистскими направлениями понятия и политикой интернационализма является первой и важнейшей задачей.

11. По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладающим феодальным или патриархальным и патриархально-кре-

ствяеских отношений, надо в особенности иметь в виду следующие пункты:

а) Все коммунистические партии должны оказывать революционным освободительным движениям в этих странах, помощью делом, при чем форма поддержки должна обсуждаться в коммунистической партии данной страны там, где таковая партия имеется. В первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношении.

б) Необходимо вести борьбу с реакционными и средневековым влиянием духовенства, миссии и др. подобных элементов.

в) Необходима борьба с пан-исламизмом, с пан-азиатским движением и подобными течениями, пытающимися соединить освободительную борьбу против европейского и американского империализма с усилением турецкого и японского империализма, дворянства, крупных землевладельцев, духовенства и т. д.

г) Особенно необходимо поддерживать специально-крестьянское движение в отсталых странах против всяких проявлений или остатков феодализма, надо стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, где возможно объединяя крестьян и всех эксплуатируемых в советы и тем самым осуществляя возможно более тесный союз напалдно-европейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на Востоке, в колониях, и отсталых странах вообще.

д) Необходима решительная борьба с перекрашиванием не истинно-коммунистических революционных освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма. Коммунистический Интернационал обязан поддерживать революционные движения в колониях и отсталых странах лишь с той целью, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группиремы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации. Коммунистический Интернационал должен вступать во временные соглашения, даже в союзы, с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаясь с ней, а безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения, даже в самой значительной его форме.

е) Необходимость неустанного разъяснения и разоблачения вредности самых широких трудящихся масс всех, особенно же отсталых стран и народов того объема, который систематически проводит империалистские державы с помощью привилегированных классов угнетенных стран, под видом создания политических независимых государств, вызывая к жизни вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношениях государства. Ярким примером обмана рабочего класса угнетенной нации, проваженного соединенными усилиями империализма Антанты и буржуазии соответствующей нации, может служить палестинское предприятие сионистов, как и вообще сионизм, который под видом создания еврейского государства в Палестине отдаст в жертву английской эксплуатации фактически арабское население Палестины, где трудоспособные евреи составляют лишь незначительное меньшинство. В современной международной обстановке, кроме союза советских республик, нет спасения зависящим и слабым нациям.

12. Вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистскими державами оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих наций. Подлое предатель-

ство социализма большинством официальных вождей этого пролетариата в 1914—1919 годах, когда «защитой отечества» социал-шовинистами прикрывалась защита «прав» «своей» буржуазии на угнетение колоний и ограбление финансово-зависимых стран, могло лишь усилить это вполне законное недоверие. Так как недоверие и национальные предрассудки могут исчезнуть лишь после искоренения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни остальных стран, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особенным вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков. Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено.

Дополнительные тезисы.

1. Одним из важнейших вопросов, стоящих перед II Конгрессом III Интернационала, является точное определение взаимоотношений между Коммунистическим Интернационалом и революционным движением в политически угнетенных странах с господствующим капиталистическим строем, как-то в Китае и Индии. История мировой революции переживает такой период, при котором правильное понимание этих взаимоотношений является необходимою. Великая европейская война и ее последствия ясно показали, что народные массы неевропейских угнетенных стран неразрывно связаны с пролетарским движением в Европе вследствие централизации мирового капитала, что проявляется, например, в охватке колониальных войск и многочисленных рабочих армий на фронте во время войны и т. д.

2. Европейский капитализм черпает свою силу главным образом не из промышленных европейских стран, а из своих колониальных владений. Для его существования необходим контроль над обширными колониальными рынками и широкое поле эксплуатации. Англия—эпитом империализма—страдает от перепроизводства уже в течение века. Без обширных колониальных владений, столь необходимых для сбыта товаров и в то же время снабжающих ее сырьем, капиталистический строй Англии рухнул бы давным-давно под своей тяжестью. Держа в рабстве сотни миллионов жителей Азии и Африки, английский империализм держит в то же время британский пролетариат в подчинении буржуазии.

3. Сверх-прибыль, получаемая с колоний, является главным источником средств современного капитализма. Европейскому рабочему классу удастся только тогда свергнуть капиталистический строй, когда этот источник окончательно иссякнет.

Капиталистические страны пытаются, надо сказать, не безрезультатно, восстановить свое пошатнувшееся положение путем обширной и интенсивной эксплуатации человеческого труда и естественных богатств в колониях. Путем эксплуатации населения колоний европейский империализм в восточном направлении предоставляет целый ряд подаячек, компенсаций рабочей аристократии в Европе. В то время как, с одной стороны, европейский империализм пытается понизить прожиточный минимум пролетариата путем импорта на континент товаров, произведенных более

дешевым трудом рабочих колониальных стран, он, с другой стороны, готов пожертвовать сверх-прибыль, получаемую дома, лишь бы сохранить сверх-прибыль от эксплуатации колоний.

4. Отделенные колоний и пролетарская революция у себя дома свергнет капиталистический строй в Европе. Следовательно, Коммунистический Интернационал должен расширить сферу своей деятельности. Коммунистический Интернационал должен находиться в тесном контакте с теми революционными силами, которые в настоящий момент принимают участие в деле свержения империализма в политически и экономически угнетенных странах. Для полного успеха мировой революции необходимо совместное действие этих двух сил.

5. Коммунистический Интернационал есть концентрированная воля мирового революционного пролетариата. Его миссией является организация рабочего класса всего мира для свержения капиталистического строя, для насаждения коммунизма. III Интернационал—это воинственная единица, которая должна объединять революционные силы всех стран мира.

6. Прошатавшийся насквозь буржуазной культурой, возмущаемый кучкой политиканов, II Интернационал не оценил всей важности колониального вопроса. Для него мир вне Европы не существовал. Необходимость координации революционного движения в Европе и в странах других материков для него не была очевидна. Вместо того, чтобы оказывать материальную и моральную помощь революционному движению в колониях, члены II Интернационала сами сделали империалистами.

7. Иностраный империализм, насильно, привитый восточным народам, безусловно затормозил их общественное и хозяйственное развитие и отнял у них возможность достигнуть того уровня, каково достижим Европа и Америка, благодаря империалистической политике, стремящейся задержать промышленное развитие в колониях; туземный пролетариат, в прямом смысле этого слова, стал существовать лишь недавно.

8. Местная, разбросанная кустарная промышленность уступила место централизованной промышленности империалистических стран, вследствие чего громадное большинство населения было вынуждено заняться земледелием и экспортировать сырье за границу.

9. С другой стороны, наблюдается быстро растущая концентрация земель в руках крупных землевладельцев-капиталистов и казна, что сильно способствует увеличению числа безземельных крестьян. Огромное большинство населения этих колоний находится в состоянии угнетения. В результате такой политики, дух протеста, находящийся в потенциальном состоянии в народных массах, выявляется лишь через посредство немногочисленного интеллигентного среднего класса. Иностранное засилье все время тормозит свободное развитие социальной жизни; поэтому первым шагом революции должно быть его свержение. Таким образом, помогать борьбе за свержение иностранного владычества не значит подписываться под националистическими стремлениями туземной буржуазии, а значит лишь открывать дорогу пролетариату колоний к его освобождению.

10. Можно отметить существование двух движений, удаляющихся друг от друга с каждым днем. Одним из них является буржуазно-демократическое националистическое движение, которое преследует программу политической независимости при капиталистическом строе, другое—борьба бедных и темных крестьян и рабочих за свое освобождение от какой бы то ни было эксплуатации. Первое движение пытается контролировать второе, при чем часто с успехом; но Коммуни-

стический Интернационал должен бороться против подобного контроля и способствовать развитию классового сознания в рабочих массах колоний. Таким образом, первым шагом революции в колониях должно быть свержение иностранного капитализма. Но самой главной и необходимой задачей является создание коммунистической организации крестьян и рабочих, которая могла бы вести их за собой к революции и основанию Советской республики. Таким образом, в остальных странах народные массы будут приобщены к коммунизму не через капиталистическое развитие, а путем развития классового самосознания под руководством сознательного пролетариата передовых стран.

8. Реальная сила, фундамент освободительного движения, в колониях не замыкается в узкий круг буржуазно-демократических националистов. В большей части колоний существуют уже организованные революционные партии, которые работают в тесном контакте с рабочими массами. Коммунистическая партия должна входить в контакт с революционным движением в колониях через посредство этих партий и групп, ибо они служат авангардом рабочего класса. В настоящее время они не многочисленны, но они являются выражением воли масс, ведут их к революции.

Коммунистическая партия различных империалистических стран должна работать в тесном контакте с колониальными пролетарскими партиями и через них оказывать материальную и моральную поддержку революционному движению вообще.

9. На первых порах революция в колониях не будет коммунистической, но если с самого начала во главе ее встанет коммунистический авангард, то революционные массы будут выведены на верную дорогу и достигнут цели поставленной задачи путем постепенного приобретения революционного опыта. Было бы совершенно ошибочно стремиться к решению аграрного вопроса на чисто коммунистических принципах. В первой стадии своего развития революция в колониях должна вестись по программе с чисто мелко-буржуазными реформистскими пунктами, как-то: раздел земли и т. д. Но из этого не следует, чтобы руководство революцией в колониях находилось в руках буржуазных демократов. Напротив, пролетарские партии должны вести усиленную пропаганду коммунистических идей и учреждать при первой возможности рабочие и крестьянские советы. Эти советы будут работать наравне с советскими республиками прогрессивных, капиталистических стран для окончательного свержения капиталистического строя всего мира.

Приложение II.

Циркулярное письмо Центрального Комитета
Российской коммунистической партии (большевиков).

Всем организациям Коммунистической Партии Туркестана.

В течение многих десятков лет Туркестан жестоко эксплуатировался царской бюрократией и великодержавным капиталом. Сюда направлялись все отбросы царско-чиновничьего самодержавия. Здесь систематически создавалась основа для колониального угнетения в лице русского эксплуататорского населения. Русским кулакам была предоставлена

полная свобода захвата земель туземного населения. Царская бюрократия своим произволом, насилием, грабежом и взятками сделала здесь ненавистным само имя русского. Не остался вне развращающего влияния колонизаторства и тонкий слой русских рабочих. Все русское население многими годами и десятками лет воспитывалось в духе национального превосходства и национального неравенства.

Отрезанный белогвардейскими бандами почти с первых же дней революции от Советской России, Туркестан оказался предоставленным своим собственным силам. Не имея за собой крепких революционных традиций и опыта упорной классовой борьбы, тонкий слой русских рабочих, естественно, в значительной своей части подпал под влияние колонизаторско-националистических примазавшихся элементов и бессознательно повел политику, враждебную интересам пролетарской революции.

Побуждаемые своими классовыми и групповыми интересами, под его знаменем организовались элементы, не имеющие ничего общего с делом освобождения трудящихся. Бывшие прислужники царского режима, авантюристы и кулаки, под видом классовой борьбы, обрушились самыми дикими преследованиями на местное население. Такое эгоистичное поведение старой политики, под фирмой советской власти, можно считать оттолкнуть туземную бедноту от революции и бросить ее в объятия царя. Так и случилось: Советская власть во многих местностях Туркестана превратилась в орудие национальной борьбы.

Соединение Туркестана с Советской Россией несколько разрешило туземную атмосферу национальной ненависти и склоны, однако не могло сразу ликвидировать всех остатков прошлого. Колонизаторская политика шла прямо и непосредственно к замалению туземной бедноты. Понятно, что с прекращением ее туземная беднота не могла сразу подняться к власти и встать на защиту своих интересов. У власти оказались наряду с колонизаторскими элементами туземные эксплуататорские верхи, которые вместо помощи трудящимся массам в деле их национально-культурного и классового самоопределения, занялись усиленной эксплуатацией их; перенесли все традиционно-феодалные методы угнетения, в виде взяток, грабежа и личного террора, под «советскую крышу».

До сих пор еще советское строительство в Туркестане не поставлено на правильные рельсы. Пользуясь децентрализованным и дезорганизованным состоянием власти, на местах все еще продолжают безнаказанно орудовать подворительные шайки примазавшихся. Партийные организации засорены в чрезвычайной мере. Трудящиеся массы киргизов, узбеков, туркмен все еще не знают, что такое настоящая советская власть и коммунистическая партия — защитница всех угнетенных и эксплуатируемых.

С этих пор закончить. Тут не может быть никаких колебаний. Не на словах, а на деле несет советская власть и коммунистическая партия освобождение трудящимся массам Востока.

Прежде всего долг русских коммунистов — завоевать доверие трудящихся угнетенных наций. Железной рукой нужно очистить советский аппарат от примазавшихся отбросов старого режима и кулачества, которое пытается найти в советской организации средство для угнетения туземной бедноты. Нужно с корнем вырвать все остатки национального неравноправия в области распределения продовольствия, обслуживания культурных и хозяйственных нужд. Нужно обеспечить землей безземельных дежков, вернуть киргизской бедноте захваченные у ней земли и уравнять ее с русскими крестьянами — переселенцами, предоставить всем равный трудовой надел. Нужно немедленно принять меры к распростра-

ленно школьной сети среди туземного населения, к развитию школы на родном языке, к поднятию его культурного уровня всеми силами и средствами.

Коренными народами Туркестана являются—узбеки, сарты, киргизы и туркмены. На трудящиеся массы этих народов и должна опереться советская власть. На этой основе и должно идти строительство советов трудящихся, которые призваны освободить туземную бедноту от колониаторского рабства, засилья баев, и осуществить братский союз трудящихся масс Востока с коммунистическим пролетариатом передовых стран. Совершенно ясно и очевидно, что только завоевав доверие трудящихся масс угнетенных наций Востока, русские пролетарии смогут помочь им в деле освобождения от классового ига баев, манашов, беков и ханов и идейного влияния буржуазного национализма. Величайшая осторожность нужна при учете национально-бытовых особенностей местного населения, ясное понимание исторических причин его отсталости, трезвое сознание того, что отжившие предрассудки изживаются трудящимися массами в ходе практического советского строительства. Только на основе национального самоопределения широких масс трудящихся коренных народов в Туркестане может создаваться крепкая советская власть.

Коммунистическая партия Туркестана была до сих пор ареной борьбы личных группировок, прикрывавших революционной фразеологией свои местнические интересы. Опять это не должно больше иметь места в рядах Р. К. П. Партия должна собрать под свое знамя все лучшие пролетарские, полупролетарские и трудовые элементы коренного населения, вооружить его революционным знанием и повести в бой за интересы трудящихся.

На деле нужно проверить всех и каждого, насколько кто пригоден нести на себе великие обязанности передового борца: выполнение партийной дисциплины, участие в субботниках, исполнение нарядов по мобилизации на фронты и т. д.

Партия должна оставить своей прямой задачей культурно-просветительную работу среди туземной бедноты. Нужно, чтобы туземная беднота знала законы советской власти, понимала их и научилась сама защищать свои интересы. С другой стороны, нельзя освободить бедноту от духовного рабства у баев и улема, не показав массам на примере новометодной, трудовой школы—настоящий путь к культурному освобождению.

Английские белогвардейцы, ханы, беки, баи и улема сопредельных с Туркестаном стран, всегда готовые впасть из-за улема на трудовой народ с оружием в руках, подкапываются под советскую власть. Нужно создать на месте стойкие кадры Красной армии из туземной бедноты. Нужно научить ее владеть оружием для защиты своих трудовых прав.

Советский Туркестан—передовой пост коммунистической революции на Востоке.

За работу же, товарищи!

Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков).

О задачах коммунистической партии в Туркестане.

Тезисы т. Сафарова, принятые V съездом К. П. Т.

I. В Туркестане, бывшем в течение десятилетий колонией царской бюрократии и великодержавного капитала, до сих пор еще сохранились остатки феодального строя, а отчасти и патриархально-родового быта (Закашпий, Семиречье, часть Сыр-Дарьинской области). Тогда как узбеки-сарты, довольно уже прочно осели на землю, значительная часть киргизского и туркменского населения все еще не порвала с кочевым образом жизни и занимается скотоводческим хозяйством. Капиталистическое развитие, привнесенное сюда русским капиталом, привлекло, главным образом, только в область торговли, выдвинув над массой населения широкий слой торговых посредников и баев, но оставило почти незатронутой область производства. Основная масса населения — кочевники, трудово-дохляны, марджеры, чайрикеры и кустари — до сих пор еще находится во власти крупных торговцев, и долукрепостников, землевладельцев и родовой аристократии — баев, манашов и беков, будучи бессильной разрушить оковы двойного, кабального — крепостнического и буржуазного гнета. Вызван своей промышленной и земельной политикой массовое обнищание, российское самодержавие и российский капитал увеличили силу классового гнета и внутри угнетенных наций.

II. С другой стороны царское правительство в Туркестане систематически создавало основу для колониальной эксплуатации в лице русского населения — переселенческого кулачества (Семиречье, Сыр-Дарьинская, Джалал-Абадский район и т. д.) и колониальной бюрократии. Оно производило систематический захват земель туземного населения, в особенности киргиз, и всячески покровительствовало эксплуататорским аппетитам русского кулачества, помогая его обогащению за счет туземной бедноты. Такал же свобода колониального разбоя была предоставлена и русской бюрократии.

В то же время российское самодержавие проводило всю политику национального загромождений и через имущие верхи туземного населения, отдавая в их руки административно-полицейский аппарат на низших ступенях. Эта колониальная политика не могла пройти бесследно и для тонкого слоя русских рабочих, воспитав в них чувство национального превосходства перед всеми другими и открыв буржуазно-шовинистическим влияниям широкий доступ в их среду.

III. Незнакомство с опытом классовой борьбы в международных рамках и отсутствие революционных традиций в прошлом, обстановка застарелого колониального гнета и национального чернышничества обусловила своеобразный, националистический ход революции в Туркестане. Заняв руководящее положение в революции в первое время, в качестве наиболее активной части населения, тонкий слой русских рабочих благодаря оторванности от пролетариата центра, лишенный его идейного руководства, волею событий предоставленный самому себе и вынужденный одновременно вести борьбу на фронтах гражданской войны, — оказался не в состоянии построить здесь действительно массовый, мощно-интернациональный, централизованный аппарат советского государства. Благодаря отсутствию классовой организации и колониальным пережиткам прошлого, к власти прежде всего пригласились

настояно русские старочиновничьи элементы и русские кулаки, которые сразу же попытались сделать советскую форму орудием национального угнетения. «Коммунистические» лозунги превратились в простую вывеску для дикого и беспорядочного преследования, грабежа и угнетения коренного населения. Таким образом, с формальной победой советской власти в Туркестане сложилось колониаторство, как течение, претендующее на политическое руководство. Колониаторские безобразия вызвали националистическую реакцию в среде угнетенных национальностей и в сугубой мере облегчили благовардейскую работу английских шпионов, баев и улема среди туземных масс.

Соединение с Советской Россией дало первый толчок национальному самоопределению коренного населения. Однако беднота не могла сразу подняться к власти и наряду с призвавшимися колонизаторами под советской крышей оказались буржуазные националисты — баи, мананы и улемы. В их руках борьба за национальное самоопределение приняла форму чисто националистической склоки за своих «национальных чиновников». Только на третий год революции невероятный рост разрухи и заевлие баев толкнули и туземную бедноту к прямому союзу с коммунистическим пролетариатом Советской России.

Общая задача, которая непосредственно вытекает из колониального характера общественных отношений в Туркестане, заключается в том, чтобы организовать туземную бедноту через Советы депутатов трудящихся, которые бы обеспечили ее и от колониаторского разбоя и от эксплуатации баев, и осуществили ее прямой союз с коммунистическим пролетариатом передовых стран. Организовать киргизскую, туркменскую и узбекскую бедноту без участия и русского колонизатора, и мусульманского баи — вот ближайшая задача коммунистической партии в Туркестане.

Для полной ликвидации колониальных отношений необходимо срочно принять следующие меры:

1) Разбить все кулацкие организации, обезоружить кулаков и самыми решительными мерами лишить их какой-либо возможности руководить и влиять на организации местной власти и на местное строительство, путем широкого применения системы реэмиграции; выселить из Туркестана в российские концентрационные лагеря всех бывших чинов милиции, жандармерии, охранки, членов союзов русского народа и Михаила Архангела, спекулянтов и вообще всех царских чиновников бывш. управляющих крупными русскими предприятиями, чиновников переводчиков, пользование которых в Туркестане политически неприемлемо.

2) Обратив от переселенцев киргизских районов все земли, экспропрированные и розданные переселенческим управлением или самовольно отобранные переселенцами у киргиз, оставить переселенцам участки в размере трудовой нормы.

Примечание. Точно также подлежат возвращению в земельный фонд для наделения безземельных крестьян (туземцев) все земли, экспропрированные царским правительством, как-то б. государственные имения и другие. При этом разработку указанных в п. 2 и примечании мероприятий поручить комзему одновременно с разработкой земельной нормы.

3) Уничтожить все остатки национального неравноправия в области снабжения продовольствием, социального обеспечения, народного образования, медицинской помощи, охраны труда и пр.

4) Провести планомерную борьбу с бюрократизмом и должностными преступлениями путем систематического привлечения туземных трудящихся масс к делу советского строительства, в особенности через органы рабоче-деханской инспекции, профессиональные союзы, кооперативы, продовольственные организации и органы земельной политики.

5) Неуклонно проводить план формирования красноармейских частей из туземной бедноты, подвигать на должную высоту политическую работу среди них, мобилизовать на эту работу лучшие партийные силы мусульман, а также и усилить подготовку красных командиров из коренного населения.

Особые мероприятия должны быть проведены для классового расслоения оседлого и кочевого населения.

Для кочевого населения они сводятся к следующему:

1) Поскольку временно приходится исходить из деления кочевых родов на угнетаемые и эксплуатирующие, административное устройство кочевников надо приспособить к тому, чтобы с одной стороны, облегчить им оседание на землю, а с другой, подавить политическое влияние и подорвать экономическую мощь существующих эксплуататорских родов, их группировок и отдельных баев и манатов. К государственному строительству должны быть привлечены только угнетаемые слои кочевников, все же привилегированные группы должны быть лишены избирательного права.

2) Конкретно в отношении влиятельных манатов и баев необходима и конфискация земельков скота и передача их в распоряжение Советской власти для распределения между имеющими по определенной норме, учитывая при этом интересы государства в целом и дальнейшего развития скотоводства в крае. Ввиду наблюдающихся фиктивных разделов скота манатами между бедными сородичами, из страха перед Советской властью, необходимо фактически запретить за беднотой данный ей скот.

3) Параллельно с указанным административным переустройством должна вестись партийная работа в духе развития классового самосознания среди кочевников и приманением лозунгов партии к их психологии и быту.

4) Трудовое кочевое население должно быть наделено землей, орошенной у переселенцев и по возможности обеспечено необходимыми земледельческими инвентарем за счет государства.

5) В связи с пролетаризацией кочевников и появлением их в качестве рабочей силы на целой ряде предприятий, необходимо направить все усилия к полному уравнению их с европейскими рабочими, к их организации в союзы и распространению среди них профессионального образования.

6) Необходимо принять меры к поддержанию среди кочевников кустарных производств, как-то: выработки армячины (чикименей), платков, ниток и пр., а также организации добычи соли, выработки растительных красок и др. путем всемерной поддержки кустарей, организацией артелей открытием мастерских и пр.

7) Все эти задачи необходимо предложить подробно разработать комзему, Ц. С. Н. Х., крайнему Совету проф. союзов и заинтересованным ведомствам.

Для чего создать особый орган по обследованию народного хозяйства кочевников и проведению всех перечисленных мер.

8) Суды казней и баев должны быть уничтожены и должен быть введен единый народный суд с применением к правосознанию кочевого населения, при чем как неперемutable правило ввести, что члены единого

народного суда должны быть туземцы, из числа пользующихся избирательным правом по конституции. Р. С. Ф. С. Р.

9) Необходимо распространение школьной сети и внешкольного образования (школ-клубов) журт-читален среди иречманов, открытие краткосрочных курсов для незакончивших образование, начатое в русских школах, распространение технических знаний, общего агрономического просвещения и т. д.

Вообще во всех европейских школах, в интересах сближения с местным населением, изучение местных языков должно быть обязательным.

В туземных школах коренному населению должна быть обеспечена возможность изучения русского языка.

В отношении оседлого населения:

1) Необходимо приступить немедленно и планомерно к разделению земель чайриверов и мардекеров по трудовой норме, устанавливаемой особо для каждого района республики и снабжать их сельско-хозяйственным инвентарем.

2) В области кустарных производств необходимо приступить к реорганизации союзов кустарей, отстраняя от руководства к ним крупных предпринимателей из кустарей и тем самым расширяя мелких кустарей и подмастерьев.

3) Для указанной цели необходимо широко развить профессиональное образование среди коренного населения как в городах, так и в деревне, приступить к открытию мастерских для кустарей государственной с самой широкой помещью им и предложить Ц. С. Н. Х., Краевому Совету проф. союзов и компроту приступить теперь же к разработке подробного плана работы.

4) Принять героические меры для ликвидации безграмотности путем мусульманизации школьной сети, широкой организации курсов грамоты, прочтений, клубов чайхане, ирдажи в первую голову туземных учебников и т. д.

5) Обязать Комюст срочно провести советскую судебную реформу, ограничив избирательное право в судебных учреждениях лишь кругом лиц, пользующихся избирательным правом в советах трудящихся.

6) В целях обезвреживания улемистов, баев, мананов, крупных предпринимателей из кустарей, организовать широкое привлечение их к принудительной трудовой повинности. Применить ту же меру к волостным и аульским старшинам, писарям и пр. административно-полицейским деятелям старого режима из туземцев.

Непрерывным условием проведения подобной меры должна быть предварительная и параллельная политическая агитация, разъясняющая классовый смысл принудительных работ.

7) Так как в среде улема имеется прогрессивная часть, главным образом, функцие признать возможным техническое использование ее в советских учреждениях.

Все эти меры не останутся на бумаге лишь постольку, поскольку сама коммунистическая партия освободится от примазавшихся элементов и перестанет быть ареной борьбы личных и национальных группировок.

1) В порядке перераспределения партийных сил нужно откомандировать с этой целью в распоряжение Ц. К. Р. К. П. всех туркестанских коммунистов, заручившись колониаторством, одновременно войти в сношение с центром на предмет систематической посылки сюда европейских коммунистов, но возможности уже обладающих знанием мусульманского языка, а также мусульманских коммунистов.

2) С помощью партийной перерегистрации, а также посредством беспощадного проведения партийной дисциплины (мобилизации, субботники, выполнение партийных обязанностей) необходимо очистить коммунистические организации от всех примазавшихся, компрометирующих партию своим безобразным поведением. Члены партийных комитетов должны быть особенно безупречны по части националистических предрассудков и в смысле личного поведения.

Центр тяжести партийной работы нужно перенести на работу в низовых ячейках, на политическое воспитание, членов партии и поголовное привлечение их к выполнению разного рода партийных и советских заданий.

3) Борьба с религиозными предрассудками среди членов партии должна быть поставлена на интернациональную, классовую почву. Тогда как среди угнетенных национальностей крепость религиозных предрассудков объясняется национальным гнетом, приверженность к религии со стороны представителей ранее господствовавшей нации в колонии служит, в значительной мере, проявлением угнетательского сознания. Поэтому в среде европейцев свобода от религиозных предрассудков является обязательным условием для занятия ответственных постов. Не меньшая требовательность должна предъявляться и к вполне сознательным ответственным работникам-мусульманам. Что касается рядовых и менее ответственных мусульман, членов партии, то борьба с религиозными предрассудками в их рядах должна вестись исключительно с помощью развития классового самосознания.

4) Ввиду особого политического значения Красной армии в Туркестане, необходимо обратить самое глубокое внимание на ее политическое воспитание и изгнать из ее рядов всех мародерских партизанско-кулацеских элементов, стремясь развить среди красноармейцев подлинно интернациональную психологию, чуждую колониалаторского пафоса. Коммунисты, работающие в стационарных частях Красной армии, обязаны работать, помимо своих организаций, в местных партийных организациях, не создавая из армии особой классовой организации в смысле политическом.

5) Считая необходимым, чтобы проведение всех указанных выше мероприятий носило планомерный характер и не на словах, а на деле оказалось могучим орудием к развитию классового раскола и усилению классового самосознания трудящихся туземцев и полного уничтожения остатков колониализма, необходимо отказаться от системы спонтанных действий, что, благодаря маленьким недостаткам механизма, может свести на нет все эти мероприятия, и поручить Ц. К. и Турпину разработать все эти меры в законодательном порядке, остро обдумав с особенностями каждой области; и только затем, в порядке распоряжений рабоче-крестьянского правительства, меры эти подлежат на местах неуклонному проведению в жизнь. Съезд обращает внимание Ц. К. и Турдика на неотложность и срочность проведения всех этих мер, составляющих основу их будущей деятельности.

6) Ставя задачей оздоровление туркестанской коммунистической партии путем рациональной чистки и привлечения пролетарского трудового элемента, съезд признает необходимым усилить партийную работу среди туркестанского туземного и русского пролетариата. Особенное внимание должно быть обращено на железнодорожный пролетариат, могущий стать значительным источником новых коммунистических сил и призванный ныне решать одну из труднейших проблем советского хозяйства—задачу восстановления транспорта.

Резолюция X съезда Р. К. П. об очередных задачах партии в национальном вопросе.

I. Капиталистический строй и национальный гнет.

1. Современные нации представляют собою продукт определенной эпохи, эпохи доминирующего капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является вместе с тем процессом складывания людей в нации. Англичане, французы, германцы, итальянцы сложились в нации при победоносном развитии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма.

2. Там, где образование наций в общем и целом совпало по времени с образованием централизованных государств, нации естественно облеклись в государственную оболочку, развились в самостоятельные буржуазные национальные государства. Так происходило дело в Англии (без Ирландии), Франции, Италии. На востоке Европы, наоборот, образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монгол и др.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих из одной сильной, господствующей нации, и нескольких слабых, подчиненных. Таковы Австрия, Венгрия, Россия.

3. Национальные государства, вроде Франции и Италии, спирающиеся в первое время, главным образом, на свои собственные национальные силы, не видят, вообще говоря, национального гнета. В противоположность этому, многонациональные государства, строящиеся на господстве одной нации, точнее, ее господствующего класса, над остальными нациями, являют собою первоначальную родину и основную арсну национального гнета и национальных движений. Противоречия интересов господствующей нации с интересами подчиненных наций являются тем самым противоречиями, без разрешения которых невозможно устойчивое существование многонационального государства. Трагедия многонационального буржуазного государства состоит в том, что оно не в силах разрешить эти противоречия, что каждая его попытка «уравнять» нации и «огрadyть» национальные меньшинства, при сохранении частной собственности и классового неравенства, кончается обычно новой неудачей, новым обострением национальных столкновений.

4. Дальнейший рост капитализма в Европе, потребность в новых рынках сбыта, некакие сырья и топлива, наконец, развитие империализма, вывоз капитала и необходимость обеспечения великих морских и железнодорожных путей привели, с одной стороны, к захвату новых территорий старыми национальными государствами и превращению последних в многонациональные (колонизальные) государства с присущим им национальным гнетом и национальными столкновениями (Англия, Франция, Германия, Италия), с другой стороны, усилили среди господствующих наций старых многонациональных государств стремление не только к удержанию старых государственных границ, но и к расширению этих последних, к подчинению себе новых (слабых) национальностей на счет соседних государств. Тем самым национальный вопрос был расширен и, в конце концов, слит самым ходом вещей с общим вопро-

сом о колониях, а национальный гнет из вопроса внутригосударственного был превращен в вопрос междугосударственный, в вопрос о борьбе (и войне) «великих» империалистских держав за подчинение слабым неполноправным национальностям.

5. Империалистская война, вспыхнувшая до корней непримиримые национальные противоречия и внутреннюю несостоятельность буржуазных многонациональных государств, привела к крайнему обострению национальных конфликтов внутри победивших колониальных государств (Англия, Франция, Италия), к полному распаду побежденных старых многонациональных государств (Австрия, Венгрия, Россия 1917 г.) и, наконец, как наиболее «радикальное» решение национального вопроса буржуазией — к образованию новых буржуазных национальных государств (Польша, Чехо-Словакия, Юго-Славия, Финляндия, Грузия, Армения и др.). Но образование новых самостоятельных национальных государств не установило и не могло установить мирного сожительства национальностей, не устранило и не могло устранить ни национального неравенства, ни национального гнета, ибо новые национальные государства, покоящиеся на частной собственности и на классовом неравенстве, не могут существовать: а) без угнетения своих национальных меньшинств (Польша, угнетающая белоруссов, евреев, литовцев, украинцев, Грузия, угнетающая осетин, абхазцев, армян; Юго-Славия, угнетающая хорват, босняков и т. д.); б) без расширения своей территории за счет соседей, что вызывает конфликты и войны (Польша против Литвы, Украины, России; Юго-Славия против Болгарии; Грузия против Армении, Турции и т. д.); в) без подчинения «великим» империалистическим державам в финансовом, экономическом, военном отношении.

6. Таким образом, послевоенный период открывает неутешительную картину национальной вражды, неравенства, угнетения, конфликтов, войн, империалистических зверств со стороны наций и видевшихся стран как в отношении друг к другу, так и к неполноправным народам с одной стороны, нескольких «великих» держав, угнетающих и эксплуатирующих всю массу зависимых и независимых (фактически совершенно зависимых, национальных государств), и борьба этих держав между собою за монополию на эксплуатацию национальных государств; с другой стороны, борьба национальных государств, зависимых и независимых, против невыносимого гнета «великих» держав; борьба национальных государств между собою за расширение своей национальной территории; борьба национальных государств, каждого в отдельности, против своих угнетенных национальных меньшинств; наконец, успешное освободительное движение колоний против «великих» держав и обострение национальных конфликтов как внутри этих держав, так и внутри национальных государств, имеющих в своем составе, как правило, ряд национальных меньшинств. Такова картина мира оставленная в наследство империалистической войны.

Буржуазное общество оказалось полным банкротом в деле разрешения национального вопроса.

II. Советский строй и национальная свобода.

1. Если частная собственность и капитал неизбежно разъединяют людей, разжигают национальную рознь и усиливают национальный гнет, то коллективная собственность и труд столь же неизбежно объединяют людей, подрывают национальную рознь и уничтожают национальный гнет. Существование капитализма без национального гнета так же немислимо, как немислимо существование социализма без освобождения

угнетенных наций, без национальной свободы. Шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия, в первую голову державных наций), полное националистических предрассудков, идет за буржуазией, и наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, т.е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа Советов и установление диктатуры пролетариата является основным условием уничтожения национального гнета, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств.

2. Опыт советской революции целиком подтверждает это положение. Установление советского строя в России и провозглашение права наций на государственное отделение перевернуло отношения между трудовыми массами национальностей России, подорвало старую национальную вражду, лишили почвы национальный гнет и завоевали русским рабочим доверие их и национальных братьев не только в России, но и в Европе и в Азии, довели это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело. Образование советских республик в Азербайджане, в Армении привело к тем же результатам, уничтожив национальные столкновения и разрешив вековую вражду между турецкими и армянскими, между армянскими и азербайджанскими трудящимися массами. То же самое нужно сказать по поводу временной победы Советов в Венгрии, в Баварии, в Финляндии, в Латвии. С другой стороны, можно с уверенностью сказать, что русские рабочие не смогли бы победить Калчана и Девниана, а Азербайджанская и Армянская республики не смогли бы стать на ноги без ликвидации национальной вражды и национального угнетения у себя дома, без доверия и энтузиазма их ним со стороны трудящихся масс национальностей Запада и Востока. Укрепление советских республик и уничтожение национального гнета представляют два стороны одного и того же процесса освобождения трудящихся от империалистической кабалы.

3. Но существование советских республик, хотя бы и самых незначительных по размерам, представляет смертельную угрозу империализму. Угроза эта заключается не только в том, что советские республики, порвав с империализмом, превратились из колоний и полуколоний в действительно самостоятельные государства и тем самым лишены империалистов лишнего куска территории и лишние доходов, но прежде всего в том, что самое существование советских республик, каждый шаг этих республик по пути к подавлению буржуазии и укреплению диктатуры пролетариата является величайшей агитацией против капитализма и империализма, агитацией за освобождение зависимых стран от империалистической кабалы, непреодолимым фактором разложения и дезорганизации капитализма во всех его видах. Отсюда неизбежность борьбы «великих» империалистических держав с советскими республиками, стремление «мелких» держав уничтожить эти республики. История борьбы «великих» держав с Советской Россией, поднимающих против нее одно за другим буржуазное государство за другим, одну группу контр-революционных генералов за другой, тщательно блокирующих ее и, вообще, старающихся изолировать ее экономически, — красноречиво говорит о том, что при данных международных отношениях, в обстановке капиталистического окружения, ни одна советская республика, взятая в отдельности, не может считать себя обеспеченной от экономического истощения и военного разгрома со стороны мирового империализма.

4. Поэтому изолированное существование отдельных советских

республик неустойчиво, впрочем ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны советских республик, с одной стороны, восстановление разрушенных войной производительных сил, с другой стороны, и необходимая продовольственная помощь хлебопашным советским республикам со стороны хлебных, с третьей стороны, — повелительно диктуют государственным союз отдельным советским республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета. Освободившиеся от «железной» буржуазии, национальные советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма, лишь объединившись в тесный государственный союз, или они вовсе не победят.

5. Федерация советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела, является той общей формой государственного союза, которая даст возможность: а) обеспечить целостность и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации; в) наладить мирное сотрудничество и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбой федерации. Опыт России с применением различных видов федерации, с переходом от федерации, основанной на советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, Горцы, Дагестан), к федерации, основанной на договорных отношениях с независимыми советскими республиками (Украина, Азербайджан) и с допущением промежуточных степеней между ними (Туркестан, Белоруссия), — должным образом подтвердили всю целесообразность и гибкость федерации, как общей формы государственного союза советских республик.

6. Но федерация может быть прочной, а результаты федерации действительными лишь в том случае, если она опирается на взаимное доверие и добровольное согласие входящих в нее стран. Если Р. С. Ф. С. Р. является единственной в мире страной, где удался опыт мирного сотрудничества и братского сотрудничества целого ряда наций и народностей, то там нет ни господствующих, ни подчиненных, ни метрополий, ни колоний, ни империализма, ни национального гнета, — там федерация зиждется на взаимном доверии и добровольном стремлении трудящихся масс различных наций к союзу. Этот добровольный характер федерации обязательно должен быть сохранен и впредь, ибо только такая федерация может стать переходной формой к тому высшему единству трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, необходимость которого становится все более и более обязательной.

III. Очередные задачи Р. С. Ф. С. Р.

1. Поскольку пролетарская революция на месте империалистического многонационального государства ставит свободную федерацию национальных советских республик, советский строй обеспечивает трудящимся, ранее угнетенным национальностям постепенное и безболезненное развитие к коммунизму и дает им возможность в своей борьбе против пережитков национального гнета и неравенства и собственных эксплуататорских верхов опереться на революционный опыт и организованную силу пролетариата передовых стран.

Р. С. Ф. С. Р. и связанные с ней независимые советские республики представляют около 140 миллионов населения, из них не велико-

россов около 85 миллионов (украинцы, белоруссы, киргизы, узбеки, туркмены, таджики, азербейджанцы, поволжские татары, крымские татары, бухарцы, хивинцы, башкиры, армяне, чеченцы, кабардинцы, осетины, черкесы, ингуши, карачаевцы, балкарцы¹⁾, калмыки, каралы, аварцы, даргинцы, казакмухцы, кюринцы, кумыки²⁾, мари, чувашы, вотяки, немцы Поволжья, буряты, якуты и друг.). Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, малечуть их культуру, стеснить язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов.

Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а Советская власть провозглашена народными массами и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке: суд, администрация, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера, на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, азербейджанцев, татар, дагестанцев), для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и, прежде всего, в области просвещения.

2. Если из 65-ти миллионов невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, часть Азербейджана, Армению, прошедшие в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 миллионов, по преимуществу пуркского населения (Туркестан, большая часть Азербейджана, Дагестан, горы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистического развития, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ), или не вполне еще успевших дальше полуархально-полуфеодального быта (Азербейджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общерусско-советское развитие.

Уничтожение фактического национального неравенства здесь есть действительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства. Национальное неравенство здесь до сих пор докопалось на исторически сложившемся экономическом неравенстве. Это неравенство выразилось прежде всего в том, что эти окраины России (особенно в Туркестане), находившиеся на положении колоний или полукolonий, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной их постоянной отсталости и мешало возникновению и тем более развитию промышленного пролетариата среди этих угнетенных народов. Со всем этим неизбежно должна была столкнуться пролетарская революция на восточных окраинах, и ее пер-

¹⁾ Последние семь народностей объединяются в группу „горы“.

²⁾ Последние пять народностей объединяются в группу „дагестанцы“.

важнейшей задачей является последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни, и прежде всего планомерное насаждение промышленности на окраинах путем переноса фабрик к источникам сырья (Туркестан, Башкирия, Киргизистан, Кавказ—текстильная, шерстяная, кожевенная промышленность и др.).

Завоевывая доверие трудящихся масс восточных окраин своей решительной и последовательной борьбой за уничтожение всех видов национального неравенства, партия в то же время сплачивает и объединяет их для окончательной ликвидации патриархально-феодалных отношений в среде самых ранее угнетенных наций и для приобщения их к коммунистическому строительству. Первым шагом политики классового расселения на восточных окраинах должно быть отстранение всех туземных эксплуататорских элементов от влияния на массы, борьба с ними во всех органах советского самоуправления, лишение их классовых привилегий путем самоорганизации туземных масс в советы трудящихся. При этом, в первую голову, должны организоваться и самым активным образом привлекаться в ряды коммунистической партии и к советской работе сравнительно немногочисленные туземные пролетарские элементы, работающие на равных промыслах, в коях, на железных дорогах, солеварнях, кулацких хозяйствах.

Следующим шагом должна быть экономическая организация туземной бедноты, смешанного профессионально-кооперативного типа, обусловленного переходом туземных трудящихся масс от отсталых экономических форм к более высоким—от кочевого образа жизни и земледелия, от цехового ремесла, работающего на вольный рынок, к артельной работе на советское государство (привлечение кустарей полупролетариев в профсоюзы), от кустарно-артельного производства и фабрично-заводскому, от мелкого земледелия к плановой общественной обработке земли. Советское правительство должно, прежде всего через сеть органов единой потребительской кооперации прийти на помощь к туземным полупролетарским массам, поставленным разрухой под угрозу вымирания. Собразно с этим особыми условиями строительства советского хозяйства должна быть реорганизована работа хозяйственных органов в смысле перенесения центра тяжести на туземную среду, вытеснения кустарей и пр. ремеслов в плановую хозяйственную организацию, установления прочной связи с основной производительной массой населения и разработки конкретно (плана насаждения промышленности на окраинах применительно к местным условиям. Также решительно нужно предостеречь против слепого подражания образцам центральной Советской России, особенно при проведении хлебной монополии на окраинах, и связать проведение продовольственной политики не на словах, а на деле с политической классово-расселенческой отсталой туземной средой. Всякое механическое пересаживание на восточные окраины экономических мероприятий центральной России, годных лишь для более высокой ступени хозяйственного развития, должно быть отвергнуто. Только организуя широкие массы туземной бедноты на почве их жизненных экономических интересов, советы трудящихся смогут поднять народы Востока на совместную борьбу плечо о плечо с пролетариатом передовых стран.

3. Если исключить из 30 миллионов по преимуществу тюркского населения Азербейджан, большую часть Туркестана, татар (поволжских и крымских), Бухару, Хиву, Дагестан, часть горцев (кабардинцев, черкесов, балкарцев) и некоторые другие народности, ставшие уже оседлыми и прочно закрепившими за собою определенную территорию, то остается

около 10 миллионов киргиз, башкир, татаров, южная часть Туркестана, эстония, ингушей, земли которых служили до последнего времени объектом колонизации со стороны русских переселенцев, успевших уже перекачать у них лучшие пахотные участки и систематически вытесняющих их в бесплодные пустыни. Политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы населить в этих районах большие кулацкие элементы из русских крестьян и казаков, превратив эти последние в надежную опору великодержавных стремлений. Результаты этой политики — постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев (киргизы, башкиры). Задача партии по отношению к трудовым массам этих народностей (помимо названных в пункте 1 и 2 задач) состоит в том, чтобы объединить их усилия с усилиями трудовых масс местного русского населения в борьбе за освобождение от кулачества вообще, хищнического великорусского кулачества в особенности, помочь им всеми силами и всеми средствами сбросить с плеч кулаков-колонизаторов и обеспечить им, таким образом, пригодные земли, необходимые для человеческого существования.

4. Кроме названных выше наций и народностей, имеющих определенное классовое строение и занимающих определенную территорию в пределах Р. С. Ф. С. Р., существуют еще отдельные текущие национальные группы, национальные меньшинства, вкрашенные в интернациональные компактные большинства и, в большинстве случаев, не имеющие определенной территории (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др.). Политика царизма состояла в том, чтобы свести на нет эти меньшинства всеми средствами, вплоть до погромов (еврейские погромы).

Теперь, когда национальные привилегии уничтожены, равенство национальностей проведено в жизнь, а право национальных меньшинств на свободное национальное развитие обеспечено самим характером советского строя, задача партии по отношению к трудовым массам этих национальных групп состоит в том, чтобы помочь им полностью использовать это обеспеченное за ними право свободного развития.

5. Развитие коммунистических организаций на окраинах протекает в несколько своеобразных условиях, тормозящих нормальный рост партии в этих районах. С одной стороны, работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования «державной» нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной народности, вульгаризируя, таким образом, и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма. С другой стороны, коммунисты-туземцы, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от признаков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с так называемыми «общенациональными» интересами той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к уклону от коммунизма в сторону буржуазно-демократического национализма, принимающего иногда форму панисламизма, пантюркизма (на Востоке).

Оба эти вредных уклона от принципов коммунистического интернационализма черпают силу в неизбежной, на первых порах, засорен-

ности коммунистических организаций на окраинах. С одной стороны, к партии примазываются кулацко-колонизаторские элементы, с другой стороны, в партию проникают представители туземных эксплуататорских групп.

Съезд, тщательно осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать особую опасность и особый вред первого уклона, уклона в сторону великодержавности, колонизаторства. Съезд напоминает, что без преодоления колонизаторских и националистических пережитков в партийных рядах невозможно создать на окраинах крепкие и связанные с массами действительно коммунистические организации, сплачивающие в своих рядах пролетарские и полупролетарские элементы туземного и русского населения на основе интернационализма. Съезд считает поэтому, что ликвидация националистических и в первую голову, колонизаторских инстинктов в коммунизме является одной из важнейших задач партии на окраинах.

Призывая к решительной борьбе со всякими alike коммунистическими элементами, примазывающимися к партии пролетариата, съезд предостерегает партию от «расширения» за счет мелкобуржуазно-националистических и кулацких элементов. Вместе с тем съезд подчеркивает необходимость умелого и организованного использования в советской работе на восточных окраинах всех честных и доказавших свою преданность Советской власти элементов национальной интеллигенции ранее угнетенных народов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
I. Война и революция	3
II. Туркестан до завоевания русскими	16
III. Туркестан — колония	28
IV. Революция в Туркестане	53
V. Советская власть в Туркестане	75
VI. Ликвидация колониального наследия и советская автономия	104
VII. Вмешательство	124
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
I. Тезисы по национальному и колониальному вопросам II конгресса Коминтерна	126
II. Циркулярное письмо Ц. К. Р. К. П.	132
III. О задачах коммунистической партии в Туркестане (те- зисы V съезда К. П. Т.)	185
IV. Резолюция X съезда Р. К. П. по национальному во- просу	210